

ISSN 0321-5075 (Print)
ISSN 2782-2389 (Online)

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

ASIA & AFRICA today

2023 № 2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2023 № 2

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтерина (Нигерия), В.Я. Белокреницкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцев (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2023 № 2

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Лузянин С.Г. Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? **5**

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Коваль А.Г., Кожевников И.И., Мосейчук М.А. (Санкт-Петербург). Водородные амбиции Китая: потенциальные возможности для РФ **14**

Урнов А.Ю. Второй саммит США – Африка (13–15 декабря 2022 г.) **25**

Кириченко И.В., Шавлай Э.П. Индия: международное научно-техническое сотрудничество **34**

Погадаев В.А. Анвар Ибрагим – новый премьер-министр Малайзии **42**

Козлова А.А. Могольское наследие в Дели: манипуляции с топонимикой **48**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Базаров Б.В., Актамов И.Г., Цыренов Ч.Ц. (Улан-Удэ). VII Международный форум Ассоциации экспертных центров России, Китая и Монголии: ключевые вопросы и перспективы сотрудничества **55**

Горелик Б.М. Перспективные направления изучения англо-бурской войны 1899–1902 гг. **61**

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

Какинь О.И. (Санкт-Петербург). Незрелость как культурная ценность: культурно-социологическое исследование поклонников японских поп-звезд *айдору* **65**

РЕЦЕНЗИИ

Савичева Е.М., Бребдани А.М. (Сирия). Фактор Китая в Северной Африке **74**

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Прожогина С.В. Заметки о значении евроязычных литератур Азии и Африки **78**

© Российская академия наук, 2023
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2023

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: +7 495-697-95-66
E-mail: asaf-today@mail.ru
Интернет: www.asaf-today.ru

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

CONTENTS

TOP PROBLEM

Sergey G. Luzyanin. China – USA: Model 2023. The “Managed Conflict” or Global Split? **5**

POLITICS, ECONOMICS

Alexandra G. Koval, Igor I. Kozhevnikov, Margarita A. Moseychuk (St. Petersburg). China’s Hydrogen Ambitions: Potential Opportunities for Russia **14**

Andrey Yu. Urnov. The Second United States – Africa Leaders Summit (13–15 December 2022) **25**

Irina V. Kirichenko, Ellina P. Shavlay. India: International Scientific and Technical Cooperation **34**

Victor A. Pogadaev. Anwar Ibrahim, the New Prime Minister of Malaysia **42**

Alexandra A. Kozlova. Mughal Heritage in Delhi: Toponymics Manipulation **48**

SCIENTIFIC LIFE

Boris V. Bazarov, Innokenty G. Aktamov, Chinggis Ts. Tsyrenov (Ulan-Ude). VII International Forum of the Association of Expert Centers of Russia, China and Mongolia: Key Issues and Prospects for Cooperation **55**

Boris M. Gorelik. Promising Directions in the Studies of the Anglo-Boer War (1899–1902) **61**

CULTURE, LITERATURE, ART

Oksana I. Kakin. (St. Petersburg). Immaturity as a Cultural Value: Socio-Cultural Study of Japanese Idol Fans **65**

BOOK REVIEW

Elena M. Savicheva, Ammar Muhsen Brebdani (Syria). The China Factor in North Africa **74**

A LETTER TO THE EDITOR

Svetlana V. Prozhogina Notes on the Significance of Euro-Language Literature in Asia and Africa **78**

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2023

The authors opinions may not coincide with position of the Editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол?

© Лузянин С.Г.^{a,b}, 2023

^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^b МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

Резюме. В статье освещаются современные китайско-американские отношения в ключевых сферах взаимодействия. Основное внимание сконцентрировано на анализе причин ухудшения двусторонних связей, включая эффект неизбежности обострения противоречий и конфликтов между «уходящей» сверхдержавой (США) и новой, поднимающейся (КНР).

Автор исследует торгово-экономические и политико-идеологические треки в сложившейся модели «Китай – США» до 2012 г., и её эволюцию после прихода Си Цзиньпина к власти в условиях мирного геополитического подъема Китая, его технологического роста, постепенного превращения из «фабрики мира» в экономику высоких технологий. В статье изучены основные параметры китайско-американских отношений с учетом итогов «торговой войны» 2017–2021 гг. и перерастания её в «технологические войны» 2022–2023 гг., особенности современной повестки США и Китая, включая противоречия по вопросам глобальной экономической рецессии, проблеме Тайваня, ядерного распространения в Северной Корее и Иране, а также роли России и позиции Китая на российскую СВО и украинский кризис.

Ключевые слова: Китай, США, конфликты, геополитика, торговля, высокие технологии

Для цитирования: Лузянин С.Г. Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? *Азия и Африка сегодня*. 2023, № 2. С. 5–13. DOI: 10.31857/S032150750024431-6

China – USA: Model 2023. The “Managed Conflict” or Global Split?

© Sergey G. Luzyanin^{a,b}, 2023

^a HSE University, Moscow, Russia

^b MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

Abstract. The article highlights contemporary Sino-American relations in key areas of interaction. The main attention is focused on the analysis of the key reasons for the deterioration of bilateral ties, including the effect of the inevitable aggravation of contradictions and conflicts between the “outgoing” superpower (USA) and the new, rising one (PRC).

The author explores the trade, economic, political and ideological tracks in the established “China – USA” model until 2012, and its evolution after Xi Jinping came to power in the context of China’s peaceful geopolitical rise, its technological growth, and the gradual transformation of the PRC from the “factory of the world” to the economy of high technologies. The article examines the key parameters of Sino-American relations with an emphasis on highlighting the results of the “trade war” of 2017–2021 and its development into “technological wars” of 2022–2023, features of the current agenda of the United States and China, including contradictions on the global economic recession, the problem of Taiwan, nuclear proliferation in North Korea and Iran, as well as the role of Russia and China’s position on the Russian NVO and the Ukrainian crisis.

Keywords: China, USA, conflicts, geopolitics, trade, high technologies

For citation: Luzyanin S.G. China – USA: Model 2023. The “Managed Conflict” or Global Split? *Asia and Africa today*. 2023. № 2. Pp. 5–13. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024431-6

ВВЕДЕНИЕ

В условиях обострения российско-американских противоречий на фоне украинского кризиса и развертывания санкционных войн против России проблемы китайско-американских отношений в настоящее время всё больше фокусируются не только на двусторонних форматах Вашингтона и Пекина, но и на глобальном и региональном развитии мира. Китайско-американское соперничество просматривается в регионах Восточной и Южной Азии, на Ближнем Востоке и Африканском континенте, проникает в Латинскую Америку. Оно так или иначе присутствует в основных сферах жизнедеятельности этих двух государств – в высоких технологиях, гонке вооружений, включая ядерные, стратегические, валютно-финансовые, транспортные, экологические и гуманитарные области. В американской стратегии национальной безопасности Китай и Россия официально и открыто названы главными противниками США [1]. В статье делается попытка проследить ключевые блоки китайско-американских противоречий, их эволюцию за последнее время, проанализировать текущий срез, определить дальнейшие перспективы их развития, а также степень угроз как для самих США и Китая, так и для окружающего мира.

ПРЕДЫСТОРИЯ КОНФЛИКТА.

«ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СПОКОЙСТВИЕ» И ОЖИДАНИЯ КИТАЙСКОЙ «ДЕМОКРАТИИ»

Региональный и глобальный подъем Китая в конце 1990-х – 2000-е гг. на волне западной глобализации и успешного встраивания Пекином в социалистическую китайскую экономику западных либеральных экономических опций, а также централизованное руководство КПК, стабильность политической системы, учет уроков распада СССР и др. позволили Поднебесной быстро выйти на сопоставимый с США уровень международного влияния, превратившись в один из центров силы в азиатской части мира. При этом политика «держаться в тени и скрывать свои возможности», инициированная архитектором реформ Дэн Сяопином, позволяла избегать столкновений с США, поддерживая высокий уровень доверия в двусторонних отношениях. Вашингтон достаточно спокойно относился к китайскому «мирному возвышению», поскольку считал, что оно не представляло в тот период угрозы доминирующему положению Америки в мире, а китайские либеральные экономические реформы и быстрая интеграция КНР в мировую хозяйственную систему рано или поздно приведут к плавному демонтажу коммунистической системы, к тому или иному варианту «демократизации», схожему с тайваньской или сингапурской моделями.

При этом американское руководство в период президентства Б.Обамы пошло даже на предложение китайскому руководству «разделить мир» на зоны ответственности, создав «Большую Двойку» / G-2, которое тогда было мягко отклонено Пекином, но сам факт подобных инициатив свидетельствовал о геополитическом спокойствии американцев и полной уверенности, что китайский проект, официально оформленный в КНР как «социализм с китайской спецификой», полностью под контролем Вашингтона и развивается в нужном ему русле.

В 2015 г. ряд американских политологов заговорил о возможности перехода китайско-американского партнерства в фазу конфронтации и противостояния. Самое громкое предупреждение было сделано профессором Грэмом Аллисоном, который, опираясь на античные примеры борьбы Афин и Спарты, сформулировал неизбежность лобового, военного столкновения поднимающейся китайской и уходящей, снижающей свое влияние американской цивилизаций. И хотя ни США, ни Китай, как отмечает эксперт, не хотят военного конфликта, между ними уже сложился некий невидимый механизм («ловушка Фукида»), который постепенно втягивает оба государства в неизбежную катастрофу [2].

В самом Китае доверительные отношения с США воспринимались как временные, но необходимые для концентрации сил и создания условий для нового этапа модернизации. При этом часть китайской элиты и общества, особенно в период правления Ху Цзиньтао (2001–2012 гг.), находясь в комфортных условиях отсутствия внешних противодействий и ограничений со стороны США, а также высоких темпов внутреннего прироста ВВП¹, впало в состояние своеобразного «застоя» и во многом отвечало американским ожиданиям «демократизации» Китая, постепенного ослабления влияния КПК и внутреннего раскола в партии [3].

¹ В 2001–2010 гг. годовой прирост ВВП в КНР был от 9 до 12% (прим. авт.).

ЦЕННОСТНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ «РАЗЛОМЫ». ЧТО ТАКОЕ КИТАЙСКАЯ «ДИСКУРСИВНАЯ СИЛА»?

Ситуация стала меняться после 2012 г., избрания Си Цзиньпина председателем КНР и в 2013 г. генеральным секретарем ЦК КПК. Новый китайский лидер, провозгласив курс на более активную, наступательную внешнюю политику и частично аннулировав установки Дэн Сяопина на «выжидательность» и «скромность», автоматически вывел Китай в новую фазу взаимодействия с внешним миром и, прежде всего, с США. Глобальная инициатива «Один пояс – один путь», запущенная в 2013 г., была одним из подтверждений новой внешнеполитической реалии – позиционирование Китая в качестве сильного геополитического игрока. Сформировался ряд новых китайских внешних нарративов, обновивших старые идеи «мирного возвышения» и «гармоничного развития», появились концепции «Сообщества единой судьбы человечества», «Китайской мечты», «Новой эпохи» и др.

Апробированная еще до Си Цзиньпина политика «мягкой силы», созданная, как известно, американским политологом Дж.Наем, но успешно адаптированная под китайские реалии проф. Ван Фунином, концентрировалась на пропаганде за рубежом китайских культурных ценностей, распространении языка и известных цивилизационных брендов через сетевые институты Конфуция. При Си Цзиньпине китайская «мягкая сила» приобрела новые очертания. Фактически западный арсенал классической школы французского политолога Мишеля Фуко о «дискурсивной силе», модернизированной в XXI в. под задачи англосаксонского мира, Китай творчески переработал и подогнал под себя. Китайские политологи, расширив функционал «мягкой силы», дополнили её блоком современных китайских концепций и оценок, перейдя в своеобразное «гуманитарное наступление», ориентированное в том числе и на американские бастионы [4].

В настоящее время китайская «дискурсивная сила» – это фактически нарратив из четырех базовых блоков:

– Политической части, разъясняющей миру иллюзорность выдуманной Западом «китайской угрозы», и дихотомии – «американская демократия», противостоящая «китайскому авторитаризму». При этом Китай, отходя от принципа «вековой деликатности» и «китайских улыбок», в отдельных случаях переходит в жесткую атаку, проявившуюся в дипломатии «боевых волков» в период пандемии *COVID-19*.

– Моральных установок, которые открыто не навязываются миру, но предполагают превращение китайских ценностей в ведущие мировые приоритеты. Концепция «Сообщества единой судьбы» – это некое идеальное представление будущего мира, основанного на китайских моральных принципах.

– Обновление и реформирование институтов глобального управления и активизация КНР в международных организациях.

– Интернационализация китайских технологических стандартов в области высоких технологий [5].

ОТ «ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ» К ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ БИТВАМ

В основе экономического китайско-американского раскола лежит сложившаяся в предыдущие годы структура торговых и инвестиционных балансов. В 2017 г. двусторонняя торговля товарами и услугами, а также объем инвестиций оценивались в \$750 млрд при огромном китайском положительном сальдо. США являлись основными потребителями китайской электроники, черных металлов, продукции машиностроения, одежды. Зависимость китайской экономики от американского рынка была такова, что при снижении американского ВВП на 1,5% китайский экспорт в США падал на 4–5%. КНР активно скупала финансовые казначейские облигации (в 2017 г. \$1,3 трлн), включая крупные доли в 112 ведущих американских корпорациях [6].

При этом накануне прихода Си Цзиньпина в Чжуннаньхай² претензии американской администрации к Китаю еще не выходили за официальные рамки. В ежегодных докладах Конгрессу «О соблюдении КНР норм ВТО» говорилось о соблюдении Пекином норм ВТО и о «позитивных сигналах», которые, как считало американское руководство, свидетельствовали, что «...следующие руководители Китая (Си Цзиньпин. – С.Л.) признают, что продолжение демократических реформ в интересах страны» [7, pp. 3–4]. После прихода Д.Трампа в Белый Дом доклады Конгрессу радикально изменились. С 2017 г. в них уже под-

² Чжуннаньхай – официальная резиденция китайского руководства, аналогия российского Кремля (прим. авт.).

черкивается, что США ошиблись, поддержав Китай при вступлении в ВТО, что необходимо «обуздать... китайскую вредоносную, меркантилистскую политику, которая не вписывается в правила ВТО» [8, p. 2].

Подобная эволюция, как известно, вылилась в развернутую Вашингтоном «торговую войну», в рамках которой США ввели пошлины на китайское оборудование и машины (20%), солнечные батареи (30%), сталь (25%), алюминий (10%), а также санкции против китайской корпорации *ZTE*, которой запретили закупать продукцию американских технологических компаний. В 2019 г. под огонь попала китайская компания *Huawei*.

КНР, со своей стороны, ввела ответные пошлины на широкую линейку американских товаров. В итоге в китайском экспорте пострадали в основном отдельные высокотехнологичные китайские компании, а в американском – корпорации США, производящие автомобили, сельскохозяйственную продукцию (соевые бобы), рыбу и морепродукты. При этом американский экспорт в Китай пострадал больше, чем китайский, вызвав в КНР процессы активного импортозамещения, особенно в сферах высоких технологий [9].

Джо Байден, сохранив логику «торговой войны» Д.Трампа, усилил атаку на китайский высокотехнологический сектор, издал ряд законов о запрете на экспорт в КНР программного обеспечения, чипов и других компонентов *IT*-индустрии, а также запретил обмены специалистами в области высоких технологий, подтянув к антикитайскому «чиповому фронту» ведущие тайваньские, японские и южнокорейские корпорации, обеспечивающие 70% данной продукции на мировых рынках.

При анализе экономико-технологического блока китайско-американских противоречий просматривается базовая причина их обострения. В начале 2000-х гг., когда Китай в созданной Западом модели глобализации и цепочек поставок занимал центральное место в качестве «мировой фабрики» по производству товаров массового потребления и по заниженным ставкам, у США не было претензий, и их все устраивало. Критика нарушений «прав человека», нерыночного курса юаня к доллару, «неравноправных» условий торговли и пр. оставалась, но она была формальной. Как только Китай начал менять свой статус, превращаясь в высокотехнологическую державу, развивающую собственные цифровые платформы и стратегии (программа «Сделано в Китае 2025»), со стороны Запада, и прежде всего США, начинается системная, жесткая атака.

Изменение статуса Поднебесной означало для американского руководства и крупного бизнеса смену иерархии в созданной ими глобальной экономической системе. Очевидно, что Пекин и Вашингтон находятся пока в начальной фазе экономико-технологической расцепки (“decoupling”) и основные схватки еще впереди.

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ РЕАЛИИ 2023 ГОДА. О ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ АМЕРИКАНСКИЙ ЭКСПЕРТНЫЙ ДИСКУРС?

Основной трек китайско-американских разногласий в настоящее время сконцентрирован на региональных и военных площадках противостояния. Границы этих площадок постоянно расширяются. В настоящее время они как минимум охватывают военно-стратегические, экономико-технологические, валютно-финансовые сферы, а также региональные проблемы, включая корейскую, тайваньскую и др.

В ходе переговоров Си Цзиньпина и Дж.Байдена 15 ноября 2022 г. на полях саммита *G20* на о.Бали в Индонезии тема урегулирования сложных двусторонних военно-политических и торгово-экономических отношений была центральной. Вашингтон в итоговом коммюнике сообщил об успехах переговоров, о том, что стороны будут создавать некий механизм «управляемой конкуренции» двух стран, решать совместно глобальные проблемы экологии, климата, планируют создать открытые линии для экстренного общения и пр. [10].

Отложенный визит госсекретаря США Э.Блинкена в Пекин, запланированный на 5–6 февраля 2023 г., но не состоявшийся из-за прилета китайского метеозонда на американскую территорию, был явной попыткой «перезапустить» Балийский процесс и обновить повестку двусторонних отношений на 2023 г., включая темы Тайваня, двусторонней торговли и Украины.

В настоящее время американская повестка предполагает достижение компромиссов с китайцами по следующим четырем блокам вопросов: 1) контроль над искусственным интеллектом в области противоспутникового и ядерного оружия; 2) кооперация в борьбе с пандемиями, массовой миграцией, глобальной экономической рецессией и потеплением; 3) возможные договоренности по украинскому вопро-

су, включая традиционное зондирование, насколько Китай может отойти от «дружественного нейтралитета» в отношении России; 4) совместные ограничения ядерных устремлений Северной Кореи и Ирана.

Другая часть тем, по которым компромиссы со стороны США полностью исключены, связана: 1) с тайваньской ситуацией, которая в 2023 г., с учетом ужесточения антикитайских подходов республиканской Нижней палаты Конгресса, должна, с точки зрения Белого Дома, только обостряться; 2) с наращиванием США давления на китайские высокотехнологичные компании и углублением «технологического сдерживания» Китая; 3) со священной для Америки проблемой «нарушений» прав человека в КНР.

Последние «три нет» США при любых переговорных вариантах фактически обнуляют кооперационные намерения Вашингтона, и идея создания управляемой конфликтной китайско-американской модели так и остается нереализованным американским желанием.

Ряд ведущих американских политологов *Брукингского института (Brookings Institution)*, занимающихся Китаем, анализируя китайско-американскую повестку 2023 г., отмечают её крайнюю несбалансированность, противоречивость, а также своеобразную самоуспокоенность администрации, которая считает, что основные противоречия в военно-стратегической, торговой и технологической областях будут автоматически снижаться. Эксперты в связи с этим призывают свое руководство не делать ставку на снижение напряженности, а наоборот, готовиться к новой более серьезной схватке с Китаем [11].

Аналитики из Американского института предпринимательства, развивая технологическую тему, отмечают, что Китай в настоящее время сконцентрирован уже не на темпах прироста ВВП, а на росте вложений в науку и технологии, что технологический ресурс и возможности КНР в ближайшее время станут дополнительным инструментом экономического сдерживания США, а это может привести к деиндустриализации американской системы. И если Америка хочет избежать этого, подчеркивают эксперты, необходимо и дальше усиливать экономическую и технологическую «расцепку», которая, конечно, вызовет «экономическую боль», но это «...необходимая защита от будущих потрясений». При этом эксперты предлагают пересмотреть часть соглашений о Зонах свободной торговли (ЗСТ), а также отраслевые технологические контакты, в которых фигурирует Китай, с целью уменьшения его влияния, поставив их на обсуждение в Конгресс [12].

Очевидно, что американский дискурс частично отражает официальную позицию Вашингтона, который в настоящее время полностью ориентирован на военно-политическое и технологическое сдерживание КНР. Причем, учитывая предвыборный президентский год в США, администрация Байдена будет усиливать «технологическую войну» против Китая и меры по «защите» Тайваня.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ. КОГО ВАШИНГТОН НАЗНАЧИТ ГЛАВНОЙ АНТИКИТАЙСКОЙ «ТОРПЕДОЙ»?

Региональные аспекты китайско-американских отношений в настоящее время приобретают для Пекина и Вашингтона особую значимость. Азиатизация НАТО, инициированная США и реализованная в настоящее время в двух новых проектах – четырехстороннем блоке *QUAD* (США, Индия, Япония, Австралия) и трехстороннем союзе *AUKUS* (США, Великобритания, Австралия), представляют для Китая серьезный вызов. Американцы фактически пытаются «институционализировать» исторические и территориальные обиды Индии и Японии против Поднебесной. С помощью США происходит постепенное военное наполнение Индо-Тихоокеанского региона.

Американо-китайская конфронтация объективно усиливает значимость и ценность Японии в глазах США как источника передовой технологической продукции двойного назначения и важного союзника, потенциально стоящего на более глубоких антикитайских и антироссийских позициях, чем Южная Корея и другие азиатские партнеры. Задача Дж.Байдена в 2023 г. заключается в том, чтобы максимально усилить ведущую роль Японии на антикитайском «фронте» Восточной Азии в рамках общей стратегической линии против КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Важным событием подобной «институционализации» стал визит 13 января 2023 г. японского премьер-министра Ф.Кисиды в Вашингтон и его переговоры с Дж.Байденом. В итоге был обновлен американо-японский союз, включая укрепление института 2+2 (по два министра обороны и иностранных дел), создание новых американских баз и пр. Основным в современном японо-американском сближении становится подъем статуса Токио в двустороннем тандеме, а также возможное включение Японии в *AUKUS* и, таким образом, запуск её (Японии) против Китая в качестве главной разрушительной «торпеды» в случае ки-

тайско-американского военного конфликта из-за Тайваня. Не исключено, что в качестве компенсации премьеру была обещана поддержка по продвижению Страны восходящего солнца в состав постоянных членов СБ ООН и отмена 9-й «военной» статьи Конституции Страны восходящего солнца.

В Юго-Восточной Азии американо-китайское противостояние выливается в неформальное «растаскивание» АСЕАН на антикитайские и прокитайские группы стран, в котором пока, на наш взгляд, первая превышает по числу и ресурсам вторую, в которую входят в основном слабые периферийные государства региона (Камбоджа, Лаос, Мьянма и др.). Вашингтон активно играет на непростых китайско-вьетнамских, китайско-индонезийских и китайско-филиппинских отношениях, вбивая клин в каждое двустороннее сотрудничество.

Корейский полуостров не исключение, он также подпадает под китайско-американский «раскол». Учитывая давние, крепкие, союзнические отношения КНР и КНДР, а также фактор сдерживания Северной Кореей США и их союзников, включая развитие собственной северокорейской ракетно-ядерной программы, Пекин в 2023 г., скорее всего, уберет свою критику ракетных пусков и усилит военную, экономическую и энергетическую помощь Пхеньяну. При этом Сеул из экономических соображений не заинтересован в ухудшении отношений с Китаем, однако растущее давление США и требование к новому президенту РК Юн Сок Елю действовать по японской модели в отношениях с КНР, ставят его в двойственную позицию и вынуждают лавировать между китайским и американским региональными полюсами.

Острой остается ситуация в Южно-Китайском (ЮКМ) и Восточно-Китайском (ВКМ) морях. Одно из главных препятствий – споры по поводу принадлежности Парасельских островов, которые, в свою очередь, – часть более общей «островной дискуссии» стран АСЕАН (Индонезии, Филиппин, Малайзии, Бутана) с Поднебесной по поводу других частей архипелага Спратли. Начиная с 2002 г., когда Китай подписал с АСЕАН Декларацию о поведении в Южно-Китайском море, а в 2017 г. началось обсуждение «Кодекса поведения в ЮКМ» (COC), определяющего нормы «свободы судоходства», режим проходов военных кораблей, навигацию и пр., ситуация в южных морях не улучшилась. При этом с 2009 г. существует созданная в КНР так называемая «линия из 9 отрезков/пунктов», согласно которой часть акватории ЮКМ исторически принадлежала Китаю. Со своей стороны, США, используя «островные споры», предлагают свои «правовые» и военно-политические варианты контроля в ЮКМ и ВКМ, заявляя о незаконности присутствия Китая в южных морях [13].

РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.

ВОЗМОЖЕН ЛИ ТРЕУГОЛЬНИК «МОСКВА – ВАШИНГТОН – ПЕКИН»?

Российское измерение, несомненно, присутствует в американо-китайских отношениях, особенно в военно-стратегической и геополитической сферах. С учетом достигнутого высокого уровня российско-китайского стратегического партнерства, несомненно, что сдерживание Америкой Китая одновременно является и сдерживанием России. Региональное же усиление антикитайских военно-политических блоков в АТР и милитаризация Японии, инициированные США, становятся вызовом не только для КНР, но и для РФ. При этом военно-стратегическая координация Москвы и Пекина в ключевых сферах безопасности, а также регулярные воздушные и военно-морские учения, которые с каждым годом становятся масштабнее, создают новое российско-китайское качество региональной безопасности в плане противодействия создаваемому «Азиатскому НАТО». Это качество связано не только с интенсификацией двусторонних военно-технических связей, но и с формированием фактически новой региональной, а в отдельных случаях и глобальной системы безопасности, которая, де-юре не являясь военным союзом, де-факто имеет основные признаки такой структуры.

Украинский кризис добавил остроты в китайско-американские отношения, заставляя Вашингтон постоянно оказывать давление на Пекин для изменения его позиции «дружественного нейтралитета» в отношении России по украинскому конфликту. Как известно, Китай еще до начала российской специальной операции (СВО) 4 февраля 2022 г. четко заявил о том, что разделяет с Москвой её тревогу относительно расширения НАТО, угрожающего национальной безопасности российского государства, оказывая при этом большую экономическую помощь напрямую и через третьи страны по механизмам «параллельного импорта» и др. [14]. 30 января 2023 г. МИД КНР сделал жесткое заявление о том, что именно США

являются главной причиной украинского кризиса, а поставки тяжелых вооружений (танков и артиллерии) в зону боевых действий значительно усиливают эскалацию конфликта³.

Происходит явное усиление китайской критики действий Вашингтона на Украине. Возможно, что такая эволюция отчасти связана с желанием Пекина послать определенный сигнал американцам, что попытки военно-политического и технологического давления или демонтажа китайских международных позиций могут вызвать дальнейший отход Китая от «украинского нейтралитета» и переход к более активной поддержке Москвы на данном направлении, включая военную помощь.

Китайское руководство понимает, что в случае поражения России США сконцентрируют все свои силы и резервы в Восточной Азии против КНР на базе тайваньского кризиса или другой «горячей точки», и что в одиночку против американской коалиции без России Китай вряд ли сможет выстоять. Американский фактор усиливает российско-китайское стратегическое партнерство, невольно способствуя формированию на глобальном и региональном уровнях российско-китайской «Большой двойки» в противовес стремительно формирующейся оси «Вашингтон – Брюссель – Токио», в чем-то напоминающей нацистскую «Берлин – Рим – Токио», появившуюся, как известно, накануне Второй мировой войны.

Трехсторонняя кооперация в треугольнике «РФ – КНР – США» по вине Вашингтона практически исчезла. Отдельные пересечения просматриваются только на экспертном уровне в рамках известных дискуссий о характере и перспективах нынешнего миропорядка.

Отношение России к сложившемуся мироустройству хорошо известно – дистанцирование от западного, фактически «американского», мира, активное взаимодействие с незападным глобальным большинством в строительстве многополярной структуры. Реакция США также очевидна – сохранение и защита своей глобальной модели, институционально оформленной после Второй мировой войны (Бреттон – Вудс, ВТО, МВФ и др.) и окончательно сформировавшейся в 1990-е гг. в условиях западной глобализации.

Китайское отношение более сложно. Если официальная позиция предельно ясна – это приоритеты многополярности, равноправия всех, мир, развитие и инклюзивность, то на неофициальном, экспертном уровне просматриваются разные подходы.

С одной стороны, часть политологов и экспертов, анализируя сложившийся миропорядок на основе политических (ООН), торгово-экономических (ВТО) и финансовых (МВФ, ВБ и др.) институтов, подчеркивают, что поскольку США в каждом из них играют доминирующую роль, они (США) выполняют функцию сохранения стабильности всей системы, и с точки зрения рациональности поддержание сложившегося порядка выгодно и необходимо Китаю. Поэтому, даже когда Вашингтон провоцирует конкуренцию с Пекином, как отмечают отдельные эксперты, КНР должна «управлять и контролировать двусторонние отношения, предотвращать опасную конфронтацию» [15].

Другой китайский экспертный подход связан с жесткой критикой США, которые, как подчеркивает проф. Ван Вэнь, прикрываясь созданными ими «правилами» и своими политическими и финансовыми институтами, пытаются не только ограничить и сдержать развитие Китая, но и вытеснить его на обочину, периферию мирового хозяйства. То есть, представители этого подхода предлагают на антиамериканской основе и «девестернизации» некое поэтапное обновление и реформирование существующей мировой модели с акцентом на усиление сообщества развивающихся стран и их институтов (ШОС, БРИКС и др.) [16].

Потенциальной темой треугольника остается проблема ядерного стратегического сдерживания, которая, наряду с официальным российско-американским форматом (договор СНВ-3), при нынешней эскалации и желании США повесить «ядерный зонтик» над Южной Кореей и другими своими азиатскими союзниками, приобретает и более широкий неформальный характер. Один из возможных сценариев связан с неофициальным подключением Китая к российско-американскому стратегическому сдерживанию на стороне России. КНР, несмотря на дистанцирование от «ядерных взаимоотношений» Вашингтона и Москвы, на деле интенсивно развивает собственные компоненты стратегических вооружений, каждый год сокращая разрыв с США по количеству и качеству ракетоносителей и боезарядов. Китайская ядерная триада пока асимметрична американской, включая отставание КНР по стратегическим бомбардировщикам, атомным подводным лодкам, пусковым наземным установкам и авианосцам. Например, последних у Китая в настоящее время 3, а у США – 11.

³ См.: https://ria.ru/20230130/initiator-1848329738.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

Учитывая высокий уровень доверительного российско-китайского взаимодействия, не исключено, что процесс взаимного сдерживания в Восточной Азии может постепенно вылиться в некую «ядерную поляризацию» и появление полюсов, с одной стороны – РФ и КНР, а также Северной Кореи как де-факто ядерного государства, с другой – США и их союзников, превратившихся из пороговых в неофициальные ядерные государства, – Японии и Южной Кореи. Пока эти сценарии гипотетические, но обострение ситуации в мире и восточноазиатском регионе в частности создает реальные предпосылки их реализации. Очевидно, что задача предотвращения такого варианта объективно лежит на кооперационном взаимодействии России, США и Китая, перспективы которого пока не просматриваются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китайско-американские противоречия прошли существенную эволюцию – от мирного сосуществования и ожидания Вашингтоном плавного демонтажа китайской коммунистической системы до открытого противоборства, охватившего основные торгово-экономические, ценностно-идеологические, геополитические и военно-стратегические сферы взаимодействия двух стран.

Американская имитация критики Китая, закончившаяся после прихода «пятого поколения» китайских руководителей к власти⁴, трансформировалась в жесткую экзистенциальную борьбу США и КНР, в столкновение альтернативных нарративов. В настоящее время это ценностно-цивилизационный раскол и наличие двух альтернативных подходов к будущему современного мира, гармонии, справедливости и праву каждого государства на развитие.

Торгово-экономические итоги китайско-американских отношений показывают, что сложившийся в 1990-е гг. механизм с китайским положительным сальдо и большими объемами торговли, несмотря на введение заградительных пошлин и других американских ограничений, сохранился и дополнен Вашингтоном стратегией уничтожения китайских высоких технологий и корпораций. Технологически развитый и независимый Китай, которой может поменять сложившуюся мировую иерархию, опасен для США. Поэтому, независимо от партийной принадлежности, в американском руководстве сформировался курс на экономическую «расцепку» и технологическое сдерживание КНР, который последовательно выполняется и будет реализовываться в будущем.

Китайское ощущение экономических атак в основном адекватно сложившимся реалиям. Главное отличие от американской реакции в том, что Пекин, сознавая определенное технологическое отставание от США и возможность значительных потерь, пытается выиграть время для сокращения дистанции, минимизации текущих экономических дисбалансов, вызванных пандемией, закрытием страны, приведших к некоторому замедлению роста⁵. При этом основные приоритеты на 2023 г. и последующие годы ориентированы не столько на прирост ВВП, который планируется в пределах 5–5,5%, а на форсированное развитие сфер высоких технологий, НИОКР, прикладной науки и пр. Сдержанная реакция Китая на американскую стратегию давления – это, скорее, тактический шаг, связанный с необходимостью получения мирного периода в 5–7 лет для выравнивания «технологических фронтов» и подготовки своей атаки.

Вашингтон в настоящее время занят поиском некоей политической модели управляемого конфликта. Очевидно, что ни Китай, ни США не желают лобовой военной конфронтации, но при этом сам факт регионального и глобального усиления КНР, включая быстрое развитие сухопутных и особенно военно-морских сил, стратегической ядерной триады, активной наступательной дипломатии, наличие самого большого в мире по паритету покупательной способности ВВП и др., автоматически вызывают у США ответную агрессивную реакцию, обостряющую двусторонние отношения.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. National Security Strategy. The White House. October 2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 17.01.2023)

⁴ По китайской оценке, первое поколение – Мао Цзэдуна, второе – Дэн Сяопина, третье – Цзян Цзэминя, четвертое – Ху Цзиньтао и пятое – Си Цзиньпина (*прим. авт.*).

⁵ По итогам 2022 г. прирост ВВП составил 3% против 5%, запланированных ранее (*прим. авт.*).

2. Allison G. 2017. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt. <https://www.hks.harvard.edu/publications/destined-war-can-america-and-china-escape-thucydides-trap> (accessed 12.01.2023)
3. Ломанов А.В. Предвидеть «лебедя», заметить «носорога». *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21, № 1, с. 138–152. <https://globalaffairs.ru/articles/predvidet-lebedya-zametit-nosoroga/>
Lomanov A.V. 2023. Anticipate the “swan”, notice the “rhinoceros”. *Russia in global politics*. V. 21, № 3, pp. 138–152. (In Russ.). <https://globalaffairs.ru/articles/predvidet-lebedya-zametit-nosoroga/> (accessed 19.01.2023)
4. 屯斌.加强新闻话语权建设. (Tun Bin. Strengthens the construction of news discourse power). (In Chin.). http://www.xinhuanet.com/zgix/2018-05/28/c_137211543.htm (accessed 19.01.2023)
5. Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе. *Новые идеологемы внешней политики КНР*. М.: ИМИ МГИМО, 2022, 24 с.
Denisov I.E., Zuenko I. Yu. 2022. From soft power to discursive power. *The new ideologemes of China's foreign policy*. Moscow. 24 p. (In Russ.)
6. Лузянин С.Г. Китайско-американские отношения после Д.Трампа: оценки, подходы, перспективы. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2021, № 8, с. 97–107.
Luzyanin S.G. 2021. Sino-American relations after D.Trump: assessments, approaches, prospects. *USA & Canada: economics, politics, culture*. № 8, pp. 97–107. (In Russ.)
7. United States Trade Representative. 2012. *Report to Congress on China's WTO Compliance*. December 2012, pp. 3–4 (accessed 28.01.2023)
8. United States Trade Representative. 2017. *Report to Congress on China's WTO Compliance*. January 2017, p. 2 (accessed 28.01.2023)
9. Салицкий А.И., Семенова Н.К. США – Китай: анатомия торгового конфликта. *Восток (Orient)*. 2019. № 4, с. 60–72.
Salitsky A.I., Semenova N.K. 2019. USA – China: anatomy of a trade conflict. *East (Orient)*. № 4, pp. 60–72. (In Russ.)
10. Readout of President Joe Biden's Meeting with President Xi Jinping of the People's Republic of China. The White House. 14.11.2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/14/readout-of-president-joe-bidens-meeting-with-president-xi-jinping-of-the-peoples-republic-of-china/> (accessed 25.01.2023)
11. Ryan Hass. A Roadmap for US-China Relations for 2023. January 04, 2023. Presentation at the Brookings Institution. <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2023/01/04/a-roadmap-for-us-china-relations-in-2023/amp/> (accessed 25.01.2023)
12. Dan Blumenthal, Derec Scissors. Breaking China's Hold. *The Atlantic*, 23.12.2022. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2022/12/china-economic-coercion-united-states/672524/> (accessed 25.01.2023)
13. Лузянин С.Г. Треугольник «Россия – Вьетнам – Китай»: современные вызовы, трансформации и асимметрии. *Вьетнамские исследования*. 2022. Т. 6. № 4. С. 4–12.
Luzyanin S.G. 2022. Triangle “Russia – Vietnam – China”: Modern Challenges, Transformations and Asymmetries. *Vietnamese studies*. V. 6. № 4, pp. 4–12. (In Russ.)
14. Лузянин С. Г. Российско-китайские «границы» безопасности. Что означает пекинское послание В.В.Путина и Си Цзиньпина. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 5–13. DOI: 10.31857/S032150750018790-1
Luzyanin S.G. 2022. Russian-Chinese “borders” of security. What the Beijing message of V.V.Putin and Xi Jinping means. *Asia and Africa today*. № 2, pp. 5–13. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018790-1
15. 黄清 中美关系短期内不太可能出现战略转向. (Huang Qing. The Sino-US relations are unlikely to undergo a strategic shift in the short term). (In Chin.). <https://mp.weixin.qq.com/s/BqkNneF1cN1qoLTSdNRO3Q> (accessed 17.01.2023)
16. 王文.2022年将作为“去西化”之年载入史册2023. (Wang Wen. 2022 will be recorded in history as the year of “de-Westernization” 2023). (In Chin.). <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3205148/beyond-china-more-nations-reject-us-led-order-2022-will-go-down-year-de-westernisation> (accessed 17.01.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, департамент зарубежного регионоведения, НИУ ВШЭ; профессор МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия.

Sergey G. Luzyanin. Dr.Sc. (History), Professor, School of International Regional Studies, HSE University; Professor, MGIMO-University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 21.12.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.01.2023

Принята к публикации
(Accepted) 07.02.2023

Водородные амбиции Китая: потенциальные возможности для РФ

© Коваль А.Г.^{a,b}, Кожевников И.И.^{a,c}, Мосейчук М.А.^{a,d}, 2023

^a Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

^b ORCID ID: 0000-0001-8648-0911; a.koval@spbu.ru

^c ORCID: 0000-0002-5342-9287; kozhevnikov1810@yandex.ru

^d ORCID: 0000-0003-3746-459X; st076591@student.spbu.ru

Резюме. Развитие водородной отрасли становится одной из наиболее приоритетных задач в современной энергетической политике стран мира.

В условиях сложившейся геополитической обстановки у России появилась необходимость пересмотра своего курса водородной политики, и Китай можно рассматривать в качестве ведущего партнера. В связи с этим цель данного исследования заключается в выявлении перспектив развития производства и потребления водорода в Китае и оценке экспортных возможностей РФ.

Китай – крупнейший производитель и потребитель водорода в мире, однако основывается китайская водородная отрасль в большинстве своем на грязных технологиях. Поэтому китайское правительство нацелено на наращивание производства зеленого водорода. Развитие низкоэмиссионной водородной отрасли в Китае поможет в разрешении экологической проблемы, повышении его экспортного потенциала и развитии высокотехнологичных отраслей по производству соответствующего оборудования. КНР уже сейчас является одним из ведущих мировых поставщиков электролизеров.

Ключевые слова: водородная энергетика, Китай, зеленый водород, углеродная нейтральность, экспорт аммиака, Россия

Благодарность. Авторы выражают благодарность Комлеву Сергею Львовичу, кандидату экономических наук, начальнику Управления структурирования контрактов и ценообразования ООО «Газпром экспорт» за оказанную помощь в проведении исследования и подготовке публикации данной статьи.

Для цитирования: Коваль А.Г., Кожевников И.И., Мосейчук М.А. (Санкт-Петербург). Водородные амбиции Китая: потенциальные возможности для РФ. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 2. С. 14–24. DOI: 10.31857/S032150750024404-6

China's Hydrogen Ambitions: Potential Opportunities for Russia

© Alexandra G. Koval^{a,b}, Igor I. Kozhevnikov^{a,c}, Margarita A. Moseychuk^{a,d}, 2023

^a Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

^b ORCID ID: 0000-0001-8648-0911; a.koval@spbu.ru

^c ORCID: 0000-0002-5342-9287; kozhevnikov1810@yandex.ru

^d ORCID: 0000-0003-3746-459X; st076591@student.spbu.ru

Abstract. The development of the hydrogen industry represents one of the main trends in the modern energy policy of the nations all over the world. In the current geopolitical situation, Russia needs to revise its hydrogen policy. In this sense, China is much likely to be a potential significant partner. This paper identifies the prospects of the hydrogen production and consumption in China and estimates Russia's export opportunities.

China is the largest producer and consumer of hydrogen in the world, but the Chinese hydrogen industry is largely based on dirty technologies. Therefore, the Chinese government aims to increase the production of green hydrogen. In comparison with developed countries, China considers nuclear energy as the basis for transforming its energy system. The development of low-emission hydrogen industry will help China to solve the environmental problem, increase its export potential and develop high-tech industries for the production of related equipment.

A special focus devotes to the analysis of the Chinese ammonia market, since it represents the greatest interest to Russian exporters. Nowadays one may observe obstacles to the development of the Russian-Chinese cooperation in this field. However, there is also a certain potential for Russian projects to export blue hydrogen to China.

Keywords: hydrogen energy, China, green hydrogen, carbon neutrality, export of ammonia, Russia

For citation: Koval A.G., Kozhevnikov I.I., Moseychuk M.A. (St. Petersburg). China's Hydrogen Ambitions: Potential Opportunities for Russia. *Asia and Africa today*. 2023. № 2. Pp. 14–24. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024404-6

ВВЕДЕНИЕ

Рынок Китая представляет исключительный интерес при определении перспективных направлений развития водородной энергетики в России и экспорта этого низкоэмиссионного топлива. Министерство энергетики РФ в проекте обновленной комплексной программы развития водородной энергетики ухудшило свой прогноз по экспорту водорода в 2030 г. с 2,2 млн т до 1,4 млн т в связи с тем, что в числе основных импортеров, по его мнению, можно с уверенностью рассчитывать только на Китай. Прогноз был понижен из-за предполагаемой невозможности экспорта водорода на такие целевые рынки, как Германия, Япония и Южная Корея [1].

Каким потенциалом обладает рынок Китая для импорта из РФ с учетом перспективного топливно-энергетического баланса страны? В каких отраслях низкоуглеродный водород найдет свое применение? Этот круг вопросов представляет несомненный практический интерес при выработке долгосрочной экспортной стратегии компаний российской газовой отрасли.

ПЛАНЫ КНР ПО РАЗВИТИЮ ВОДОРОДНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Очертания объявленного Китаем в сентябре 2021 г. грандиозного проекта по достижению углеродной нейтральности к 2060 г. приобретают всё большую определенность после того, как стали известны детали важного компонента этого проекта, связанного с государственными планами развития водородной энергетики.

В марте 2022 г. Государственный комитет по развитию и реформам КНР, главный орган по государственному планированию, опубликовал первый Долгосрочный план развития водородной энергетики (2021–2035 гг.), согласно которому к 2025 г. в Китае должны быть в основном сформированы все политические и технологические условия для развития водородной энергетики, освоены основные технологии и производственные процессы, создана «относительно полная» цепочка поставок и промышленная система. Идеологические основы этих планов заключались в следующем¹.

Водород определяется как «важнейший элемент национальной энергетической системы будущего» в процессе декарбонизации этой системы. В этом смысле позиция КНР в отношении низкоуглеродного водорода не отличается от позиции других индустриально развитых стран, которые рассматривают его как средство снижения выбросов в отраслях, энергетические проблемы которых не могут быть эффективно решены только за счет зеленого электричества. Однако наряду с этими общими положениями в плане нашла отражение и китайская специфика.

Дело в том, что, в отличие от других индустриально развитых стран, водородная отрасль уже существует в Китае, причем в достаточно развитом виде. Страна – крупнейший производитель и потребитель водорода. Примерно 70% потребляемого в КНР водорода идет на производство аммиака и метанола. Водород также применяют для обеспечения более глубокой переработки нефти и очистки нефтепродуктов от сернистых загрязнений. В 2021 г. объем производства водорода в Китае составил треть от мирового, достигнув 33,42 млн т, что на 33,68% больше, чем в 2020 г. В 2022 г. КНР продолжила наращивать темпы производства².

Таким образом, в Китае уже функционирует водородная отрасль с достаточно развитой инфраструктурой в сфере добычи, транспортировки и переработки водорода. Критическим недостатком организации отрасли является её опора на «грязные» технологии. На долю водорода, производимого из ископаемых видов топлива, а именно угля и природного газа, приходится 76%³. Это, пользуясь принятой «цветовой» терминологией, соответственно, коричневый (64%) и серый (12%) водород. Остальная часть во-

¹ Видение долгосрочных перспектив водородной экономики КНР до 2050 г. было сформулировано в т.н. «Белой книге» Китайского водородного альянса в 2020 г. (прим. авт.).

² <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1742654691784480692&wfr=spider&for=pc> (accessed 11.12.2022)

³ https://www.ng.ru/energy/2022-11-07/12_8583_interest.html (accessed 07.11.2022)

дорода является побочным продуктом производства хлора и едкого натра, коксовых газов и дегидрирования пропана.

Отрасль в её современном виде не только не отвечает задачам декарбонизации, но является крупным загрязнителем окружающей среды. Потому задача развития водородной экономики в Китае состоит в том, чтобы изменить баланс предложения в пользу низкоуглеродного водорода.

Согласно Плану, Китай будет наращивать производство зеленого электролизного водорода, ограничивая и замещая им коричневый и серый водород. Производство водорода с использованием зеленой электроэнергии достигнет 100–200 тыс. т в год на период до 2035 г., что позволит сократить выбросы углекислого газа на 1–2 млн т в год⁴.

Так, в конце 2021 г. в Нинся-Хуэйском автономном районе (центральный Китай) был запущен крупнейший в мире электролизер⁵, использующий солнечную энергию, мощностью 150 МВт, способный производить 27,3 тыс. т зеленого водорода в год⁶. Нефтегазовая компания *Sinopec* начала строительство еще более мощного щелочного электролизера (260 МВт) в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, которое будет завершено в середине 2023 г. К 2025 г. *Sinopec* собирается производить свыше 2 млн т зеленого водорода⁷.

Для достижения показателя 200 тыс. т в год водорода Китаю требуется довести мощности электролизеров до 1–1,3 тыс. МВт к 2035 г. По данным на 2019 г., Китай уже располагал мощностями электролизеров, способными произвести до 0,5 млн т электролизного водорода в год, правда, в основном с использованием незеленого электричества⁸.

Отметим, что по объемам производимого зеленого водорода Китай в настоящий момент является мировым лидером. Тем не менее, если судить по долгосрочным планам, страна не стремится брать на себя повышенные обязательства с тем, чтобы сохранить глобальное лидерство до 2035 г. Это становится очевидным при сравнении планов Китая и ЕС. Невзирая на энергетический кризис, ЕС в 2022 г. взял на себя повышенные обязательства по водородной тематике. В дополнение к уже запланированным 5,6 млн т он собирается увеличить потребление низкоуглеродного водорода в 2030 г. на 15 млн т, из которых 10 млн т будут импортироваться⁹.

Водородные проекты европейцев вызывают намного большие сомнения в их реализуемости, чем «консервативные» целевые установки Китая. Но это, однако, означает, что до 2035 г. существенных подвижек с точки зрения изменения баланса производства в пользу зеленого водорода в Китае не произойдет. Тем не менее «озеленение» китайского водорода, если руководствоваться видением, представленным Китайским водородным альянсом (КВА) в своих прогнозах, представляет собой поступательный процесс, который будет уверенно набирать силу со второй половины 2030-х гг.

Согласно долгосрочному прогнозу КВА, производство водорода в Китае к 2060 г. увеличится в 4 раза и достигнет 130,3 млн т, и 77% от этого объема будет приходиться на зеленый водород¹⁰. Таким образом, соотношение между коричневым и зеленым в водородном балансе Китая должно поменяться на противоположное по сравнению с ситуацией на настоящий момент.

РЕСУРСНАЯ БАЗА НИЗКОЭМИССИОННОЙ ВОДОРОДНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В КИТАЕ

Существуют различные варианты построения низкоэмиссионной водородной отрасли. Технологии улавливания и захоронения углекислого газа (CCS) применительно к газифицированному углю способны превратить водород из угля в экологически чистый продукт. Однако высокие производственные затраты делают этот вариант непривлекательным. Производство голубого водорода из природного газа

⁴ РИА Новости. 24.03.2022. <https://ria.ru/20220324/energetika-1779816186.html> (accessed 13.04.2022)

⁵ Электролизер – система, использующая электричество для разделения воды на водород и кислород при помощи процесса, который называется электролизом (*прим. авт.*).

⁶ Baofeng Energy. 04.01.2022. (In Chin.). <https://www.163.com/dy/article/H3RI267S05387A5L.html> (accessed 07.11.2022).

⁷ RenEn. 06.09.2022. <https://renen.ru/sinopec-planiruet-znachitelno-narastit-proizvodstvo-zelenogo-vodoroda/> (accessed 07.11.2022)

⁸ <https://xueqiu.com/1163953176/205842469> (accessed 13.04.2022)

⁹ Телегина Е., Сергеев С. «Голубой» водород как долгосрочная экспортная стратегия РФ. *Энергетическая политика*. 18.09.2022. <https://energypolicy.ru/goluboj-vodorod-kak-dolgosrochnaya-eksportnaya-strategiya-rf/energoperehod/2022/14/18/> (accessed 12.11.2022)

¹⁰ China Hydrogen Alliance. (In Chin.). <http://h2cn.org.cn/en/index> (accessed 15.04.2022)

методом парового риформинга с использованием *CCS* представляет, несомненно, больший интерес для КНР с этой точки зрения, чем декарбонизация угля. Однако страна не обладает достаточными собственными ресурсами природного газа для реализации этого варианта.

Несомненный приоритет в построении низкоуглеродной водородной отрасли Китай отдает зеленому электролизному водороду. Для этого существуют необходимые объективные предпосылки в виде решительного разворота китайской экономики в сторону возобновляемой энергетики.

Ставка на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) как приоритетную часть долгосрочной стратегии развития КНР была сделана еще в 2010-х гг. и сформулирована в задачах 13-й пятилетки (2016–2020 гг.). Отметим, что китайская сторона трактует понятие низкоэмиссионной (зеленой) энергетики широко – как совокупность всех альтернативных видов энергии, включая в неё не только ВИЭ и углеродно-нейтральную биомассу, но и атомную энергетику.

Установка на развитие зеленой энергетики была конкретизирована в виде целевых показателей в рамках 14-й пятилетки (2021–2025 гг.), объявленных 5 марта 2021 г. [2]. Как следует из данных о балансе первичного энергопотребления в Китае, за 13-ю пятилетку доля низкоэмиссионной энергетики выросла с 13% до 16,2%, а за следующее пятилетие должна превысить 20%, составив от 20,8% до 21,3% в зависимости от сценарных условий [3].

Фактическое удвоение к 2025 г. показателей зеленой энергетики и увеличение её доли в энергобалансе можно расценить как феноменальный результат, учитывая масштабы китайской экономики, а также то, что оно происходит на фоне продолжающегося роста потребления ископаемых видов топлива. В структуре самой зеленой энергетики опережающий рост демонстрировали новые виды ВИЭ, прежде всего фотовольтаика. Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая на Климатическом саммите 2020 г., заявил, что в 2030 г. мощности солнечной и ветровой генерации в Китае будут равняться 1,2 ТВт¹¹. В настоящее время они составляют 634 ГВт.

После 2025 г. увеличение доли зеленой энергетики будет сопровождаться снижением в абсолютном выражении угля в первичном энергопотреблении. Исследовательский центр Государственной электросетевой корпорации Китая предположил, что доля угля в энергопотреблении Китая должна уменьшиться до 50% к 2025 г. В 2020 г. его доля составляла 57%¹².

Использование нефти и газа достигнет максимума к концу текущего пятилетнего плана. По данным, приведенным в отчете Исследовательского института экономики и технологий при Китайской национальной нефтегазовой корпорации, в 2025 г. потребление нефти достигнет отметки 750 млн т в сравнении с 700 млн т в 2020 г., а газа – 500 млрд м³ в сравнении с 326,2 млрд м³ в 2020 г. [4].

Будут задействованы и структурные факторы снижения углеродного следа в энергетике. Энергоемкость – это соотношение между общим потреблением энергии, которую получают из твердого топлива, газа, альтернативных источников, нефти и валовым продуктом за календарный год [5]. В текущей 14-й пятилетке поставлены задачи уменьшения избыточного потребления энергии и увеличения эффективности её потребления. Такие цели и задачи ставятся в каждом плане [6].

Предполагается, что в Китае АЭС должны образовать «хребет» новой энергетической системы. В отличие от европейцев, которые долгие годы отказывались признать атом в качестве перспективного источника зеленой энергии, в КНР АЭС всегда относились к альтернативным её источникам наряду с гидро- и ветроэнергетикой, фотовольтаикой.

Китай занимает 3-е место по общей установленной мощности атомной энергетики и объемам выработанной энергии, уступая только США и Франции. Так, по данным за 2021 г., в стране находится 49 функционирующих атомных энергоблоков. В 2019 г. было запущено 2 новых реактора, а в 2020 г. – 3. Продолжается строительство еще 17 энергоблоков¹³. Неактивных реакторов в Китае нет.

В прошлом пятилетнем плане был установлен целевой показатель в 58 ГВт на конец 2020 г., по разным причинам достигнут он не был – он составил 52 ГВт¹⁴. Целевой же показатель – 70 ГВт в 2025 г. – был озвучен государством еще в 2019 г. Учитывая, что прирост мощностей атомной энергетики проис-

¹¹ <https://www.chinadaily.com.cn/a/202012/13/WS5fd575a2a31024ad0ba9b7ac.html> (accessed 10.04.2022)

¹² CarbonBrief. 12.03.2021. <https://carbonbrief.org/qa-what-does-chinas-14th-five-year-plan-mean-for-climate-change> (accessed 10.04.2022)

¹³ <https://pris.iaea.org/PRIS/CountryStatistics/CountryDetails.aspx?current=CN> (accessed 10.04.2022)

¹⁴ Power in China, World Nuclear Association. 2021. <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/china-nuclear-power.aspx> (accessed 10.04.2022)

ходит медленнее, чем ожидалось, в 14-й пятилетке планы развития могут быть скорректированы в сторону повышения. К 2035 г. Китайская национальная атомная корпорация ожидает активного прироста мощностей атомной энергетики до 180 ГВт¹⁵.

ПОЧЕМУ КИТАЙ БУДЕТ РАЗВИВАТЬ НИЗКОЭМИССИОННУЮ ВОДОРОДНУЮ ОТРАСЛЬ?

Широко распространена точка зрения, согласно которой интерес Китая к низкоэмиссионной водородной энергетике обусловлен чисто имиджевыми соображениями и является формальным ответом на острую критику со стороны мирового сообщества. Вместе с тем имеется достаточно оснований считать, что Китай в действительности решительно настроен на наращивание объемов производства и потребления низкоэмиссионного водорода, рассматривая его как важный инструмент в борьбе с климатическими изменениями. Более того, можно утверждать, что создание «водородного общества» в КНР является частью национальной идеи.

Отношение к водороду как к топливу будущего оформилось в Китае раньше, чем о его безальтернативности в энергопереходе объявил ЕС. Еще в 2015 г. китайское правительство опубликовало инициативу «*Made in China 2025*» – 10-тилетний план модернизации обрабатывающей промышленности Китая, включая использование водорода в качестве ключевой технологии для декарбонизации транспорта. Летом 2019 г. министр науки и технологий Китая Вань Ган, выступил с призывом «изучить возможность создания водородного общества»¹⁶. После этого заявления и внесения определенных корректив в национальную энергополитику в стране стали активно разрабатываться и реализовываться планы по развитию низкоэмиссионного водородного сектора.

Можно отметить следующие причины, которые вывели водород на острие энергетической политики КНР.

Прежде всего, Китай окончательно определился с необходимостью принятия мер, направленных на борьбу с климатическими изменениями. В сентябре 2020 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил об амбициозных планах по ограничению выбросов парниковых газов пиковыми значениями в 2030 г., которые оцениваются в 10,5 млрд т, с последующим переходом к углеродной нейтральности к 2060 г. В КНР также заявили о готовности затратить на эти цели огромные суммы, которые *Goldman Sachs* оценивает в \$16 трлн. В 2022 г. в Китае уже было объявлено о более чем 50 крупномасштабных водородных проектах с суммарным объемом инвестиций более \$180 млрд [7].

Водород подсказал пути решения чрезвычайно болезненной для Китая проблемы загрязнения воздуха в крупнейших городах. Еще в начале 2000-х гг. Китай сделал ставку на электромобили, превратившись в самый большой в мире рынок электрокаров и аккумуляторов. Электромобили стали главной движущей силой для следующего революционного проекта на транспорте. Китайские власти переключились на новое поколение автомобилей, на этот раз на водородном топливе. В 2019 г. Китай обновил стратегию «*Made in China 2025*», самым большим изменением стала смена приоритетов. Субсидии для автомобилей с аккумулятором были перемещены в сегмент электромобилей с водородными топливными элементами. В ближайшие годы рост потребления низкоэмиссионного водорода будет происходить именно на транспорте. Согласно Плану, в 2025 г. планируется вывести на дороги 50 тыс. транспортных средств на водородном топливе и обеспечить их необходимой заправочной инфраструктурой.

Кроме того, альтернативный энергоноситель в виде низкоэмиссионного водорода приобрел ключевое значение для декарбонизации таких секторов, как обеспечение теплом на промышленных объектах и, возможно, отопление зданий и сооружений¹⁷. Использование низкоуглеродного водорода при условии формирования ликвидного и прозрачного рынка выбросов позволит также снизить размеры трансграничного налога на экспортную продукцию Китая. Речь идет о металлургии, химии, стройиндустрии, а также продукции других отраслей, которые составляют основу экспортного потенциала страны.

¹⁵ http://www.gov.cn/zhengce/202103/14/content_5592819.htm (accessed 10.04.2022)

¹⁶ <https://bloomberg.com/news/articles/2019-06-12/china-s-father-of-electric-cars-thinks-hydrogen-is-the-future> (accessed 10.04.2022)

¹⁷ Отметим, что возможности для широкого использования топливных элементов на водороде в коммунально-бытовом секторе на данный момент находится под вопросом. Водородный котел стоит очень дорого по сравнению с газовым, не говоря о дороговизне самого зеленого водорода. Для обогрева дома водородом требуется примерно в 5 раз больше солнечной или ветряной энергии, чем для обогрева того же здания с помощью теплового насоса (*прим. авт.*).

Наконец, благодаря водороду перед Китаем открылась новая рыночная ниша в виде возможности экспортировать широкую линейку оборудования для производства низкоуглеродного водорода, его транспортировки и хранения. Китай ставит перед собой задачу монетизации своего технологического лидерства и иных преимуществ на этом рынке. Это подтверждает рост количества патентов в сфере производства водорода в КНР. Если в 2014 г. в Китае было подано 84 заявки на патенты в водородной отрасли, то к 2020 г. их количество возросло до 269 [8].

Следует отметить еще одну специфическую черту водородной отрасли Китая. Это последовательная опора в её развитии на собственные силы. Важной составной частью такой политики стала самообеспеченность страны по всей гамме специального оборудования, необходимого для её функционирования, начиная с солнечных панелей и кончая баллонами для транспортировки водорода.

Успехи Китая в этой области уже вызвали панику в США в связи с ожиданием того, что Китай «завалит» мировые рынки дешевыми электролизерами, как это он уже однажды проделал с рынком солнечных панелей. Так, Джон Керри, специальный представитель президента США по вопросам климатической повестки, заявил: «Китай хочет доминировать на этом рынке так же, как он вышел в лидеры в других технологиях чистой энергии. Поэтому для нас имеет критическое значение развитие наших собственных компетенций» [9].

Напомним, что к 2011 г. 8 из 10 крупнейших мировых производителей солнечных панелей были китайскими компаниями. Европейцы и американцы для защиты собственных производителей были вынуждены вести антидемпинговые пошлины. В ЕС отказались от них в 2018 г. Было признано, что антидемпинговые пошлины, которые в конечном счете оплачивают европейские потребители, тормозят зеленый энергоповорот, потому что завышают цены на электроэнергию. В США последовали примеру европейцев в июне 2022 г., для чего президент Байден воспользовался полномочиями, которые давал ему закон о чрезвычайной ситуации в области электроэнергетики¹⁸.

По оценке исследовательской компании *Bloomberg NEF*, щелочные электролизеры из Китая стоят по меньшей мере на 75% дешевле западных аналогов [10]. Хотя стоимость текущего ремонта китайских электролизеров выше, чем у аналогов, позиции китайских экспортеров исключительно сильны из-за низкой цены.

Конкурентоспособность китайского высокотехнологичного оборудования обеспечивает стране возможность экспансии на мировые рынки водорода, несмотря на попытки ограничить эту экспансию, например, путем введения требований по использованию местных ресурсов. Китайские экспортеры нашли способы обхода многих ограничений такого рода посредством локализации производства в странах-импортерах, использования иностранных брендов и реализации оборудования через иностранных трейдеров. Так, поставки оборудования для водородного проекта мощностью 220 МВт в штате Юта (США) выполняет норвежская компания *Hydrogen Pro*, которая ранее приобрела 75% акций китайского производителя. Электролизеры по китайской технологии будут собираться в Европе. По мнению *Bloomberg NEF*, интерес к китайским электролизерам в мире растет.

Китай стремится ликвидировать отставание в секторах, где между китайскими и международными производителями сохраняется значительный технологический разрыв. В частности, он ставит перед собой задачу развивать компетенции в производстве электролизеров на базе протонообменной мембраны, учитывая их способность работать с прерывистыми децентрализованными ВИЭ.

ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ ЭКСПОРТА НИЗКОЭМИССИОННОГО ВОДОРОДА В КНР

Согласно долгосрочному прогнозу Китайского водородного альянса, к 2060 г. спрос на водород в Китае составит 130,3 млн т, что означает рост почти в 4 раза по сравнению с текущим уровнем. Основным рынком для водорода останется промышленный сектор с потреблением в 77,9 млн т (рост в 2,8 раза). В транспортном секторе потребление вырастет с незначительных величин до 40,5 млн т в год. В коммунально-бытовом секторе ожидается как минимум удвоение спроса на водород – до 11,9 млн т¹⁹.

¹⁸ <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/06/06/925371-baiden-obyavil-o-chrezvichainoi-situatsii> (accessed 07.11.2022)

¹⁹ <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1742654691784480692&wfr=spider&for=pc> (accessed 17.06.2022)

Удовлетворить этот спрос призваны 100 млн т зеленого электролизного водорода и 30,3 млн т водорода, произведенного из ископаемых видов топлива. Китайский водородный альянс исходит из предположения, что национальное производство будет покрывать внутренние потребности.

В ситуации неопределенности, связанной с тем, что низкоэмиссионная водородная экономика в КНР находится на этапе своего становления, давать оценки объемов экспорта водорода и его производных крайне сложно. Прогноз рынка водорода на 2060 г. (см. *табл. 1*) носит индикативный характер и отражает желаемую его конфигурацию, отвечающую установке на самообеспеченность. Очевидно, что прогноз не является государственным планом и не может гарантировать ни взрывного роста предложения водорода, ни снижения его себестоимости. Однако даже в случае, если индикативные показатели на 2060 г. будут достигнуты, нет полной уверенности в том, что они обеспечат выполнение обязательств КНР по достижению углеродной нейтральности, что, соответственно, потребует закупок низкоэмиссионного водорода из-за рубежа.

Таблица. Прогнозные показатели предложения ВИЭ как основы для производства зеленого водорода в 2025, 2030, 2060 гг.

Table. Forecast for renewable energy supply as a basis for green hydrogen production in 2025, 2030, 2060

	2025	2030	2060
Установленные мощности солнечной и ветровой энергии, ГВт	1000	1600	6600
Мощности электролизеров, ГВт	10	80	100
Предложение зеленого водорода, млн т в год	0,35	5	100
Доля зеленого водорода в общем предложении, %	1	13	80
Стоимость зеленого водорода (\$ за кг)	4	2,4	1,1

Источник: China Hydrogen Alliance.

В ситуации неопределенности в средне- и долгосрочной перспективе потребности в импорте будут определяться двумя факторами – скоростью замещения «грязного» водорода «чистым» и способностью экспортеров предложить водород или его производные по более низкой цене, чем национальные производители. Китай является энергодефицитной страной, перед которой стоит сложнейшая задача заместить значительные объемы импорта ископаемых видов топлива возобновляемыми видами топлива собственного производства, при этом без существенного ущерба для роста ВВП и конкурентоспособности китайских товаров.

Сегодня бóльшая часть водорода в Китае производится из угля. В стране действуют почти 1000 угольных газификаторов, на долю которых приходится 5% от общего потребления угля в стране. Китай также использует паровой метановый риформинг, опираясь на имеющуюся инфраструктуру природного газа Китая. Водород, производимый методом газификация угля, обходится в КНР примерно на 20% дешевле, чем водород из природного газа²⁰.

Управление экономики и информатизации г. Ухань сообщило, что затраты на производство коричневого водорода остаются в 3 раза ниже, чем зеленого водорода. Учитывая этот разрыв в затратах, проблема будет заключаться в том, будет ли ожидаемое снижение стоимости водорода достаточным, чтобы гарантировать системный переход от производства водорода на основе угля к производству водорода с помощью электролиза. Китайский водородный альянс ожидает, что стоимость водорода к 2030 г. составит 2,8 \$/кг, а к 2060 г. – 1,12 \$/кг²¹. Однако твердых гарантий того, что эти индикативные показатели будут достигнуты, нет.

В то время как прогнозы снижения затрат по производству зеленого водорода полны оптимизма, перспективы производства голубого водорода выглядят пессимистично. Китайские эксперты считают, что из-за ограниченных запасов природного газа в Китае, большого содержания серы в нём, а также высоких цен на импортный газ процесс парового риформинга становится всё более затратным. Согласно исследованию Международного агентства по возобновляемой энергии, в 2023 г.

²⁰ Cleantech. 24.09.2019. <https://www.cleantech.com/hydrogen-in-china/> (accessed 12.11.2022)

²¹ <https://hydrogencouncil.com/wp-content/uploads/2021/07/Hydrogen-Insights-July-2021-Executive-summary.pdf> (accessed 12.11.2022)

КНР станет первой страной, у которой стоимость зеленого водорода будет сравнима со стоимостью голубого [7].

АММИАК КАК РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПОРТИРОВКИ ВОДОРОДА И СТРАТЕГИЧЕСКИ ВАЖНЫЙ ИМПОРТНЫЙ ТОВАР ДЛЯ КНР

Важнейшее преимущество аммиака перед водородом заключается в его более высокой энергоёмкости, переходе в жидкое состояние при менее низкой температуре и давлении, и, как результат, более низких издержках при транспортировке и хранении. Аммиак можно хранить и транспортировать в жидком виде под давлением до 1,0 МПа.

Плотность объемной энергии аммиака составляет около 13,6 МДж/л, а 1 л жидкого аммиака эквивалентен 4,9 л водорода высокого давления (35,0 МПа) или 1200 л атмосферного водорода при комнатной температуре. Содержание водорода в литре жидкого аммиака выше, чем в литре жидкого водорода (H₂), при этом можно транспортировать больше энергоносителя в контейнерах для хранения того же объема [11].

28 июня 2022 г. был введен в эксплуатацию первый и пока единственный в КНР водородный трубопровод в провинции Ганьсу протяженностью 5,77 км для подачи водорода с нефтяного месторождения Юймэнь²². При отсутствии разветвленной сети специализированных водородопроводов связывание водорода азотом при синтезе аммиака с дальнейшей транспортировкой морским путем является единственной возможностью для крупномасштабных экспортных поставок. В стране-импортере при этом производится выделение водорода из аммиака, либо непосредственно использование последнего в качестве штатного энергоносителя или сырья для химической промышленности. Вторая опция выглядит предпочтительней с точки зрения издержек, поскольку избавляет от необходимости крекинга аммиака. Вариант замены водорода на его производный продукт, аммиак, выглядит предпочтительным с точки зрения покупателя по той же причине – транспортировать аммиак к потребителям внутри страны намного дешевле, чем собственно водород.

В Китае уже сложилась система транспортировки аммиака – железные дороги, баржи, суда и автоприцепы. С конца 1980-х гг. действует трубопровод для транспортировки аммиака Лулин – Циньхуандао, первый трубопровод жидкого аммиака. Его длина – 82 км.

14-й пятилетний план предусматривает расширение разработок и инноваций в сфере производства зеленого аммиака. Поскольку производство аммиака из угля сопровождается значительными выбросами, Китай вынужден сокращать объемы его производства. Это уже привело к тому, что угольные заводы по производству аммиака в Китае закрываются быстрее, чем их замещают экологически чистые производства. С 2017 г. в Китае были закрыты производства мощностью 6 млн т аммиака в год²³. Производство синтетического аммиака в Китае в 2020 г. составило 51,2 млн т [12].

Аммиак в настоящее время является одним из ключевых продуктов химической промышленности КНР. Его в основном (более 80%) используют для производства минеральных удобрений (карбамид, аммиачная селитра, сульфат аммония, фосфаты аммония) и другой продукции химической отрасли: изготовление пластмасс, тканей, красителей и т.д.

В Китае набирают обороты и новые сферы использования аммиака: создание аммиачного топлива для автомобилей, самолетов и т.д. Так же, как и в ситуации с низкоэмиссионным водородом, низкоэмиссионный аммиак начинают рассматривать как перспективное зеленое топливо. Так, например, профессор Школы энергетики Сямыньского университета, Ван Чжаолин изобрел двигатель, работающий на аммиаке, однако необходимое оборудование для его установки пока находится на стадии разработки [13]. Продвигается идея сжигания низкоэмиссионного аммиака на угольных электростанциях для сокращения выбросов углекислого газа.

Преобразование водорода в смеси с азотом в аммиак является не только оптимальным решением для транспортировки водорода, но и избавляет покупателя от расходов по дополнительному переделу водорода. Внутри страны импорт низкоэмиссионного аммиака высвобождает объемы зеленого водорода, которые могут быть использованы на транспорте. Известно, что до 40% водорода, производимого в Ки-

²² Sinopec News. 06.07.2022. (In Chin.). http://www.sinopecnews.com.cn/xnews/content/2022-07/06/content_7040596.html (accessed 07.11.2022)

²³ https://www.sohu.com/a/540390734_120928700 (accessed 10.04.2022)

тае, в настоящее время используется для производства аммиака. Поэтому низкоэмиссионный аммиак, получаемый с использованием низкоэмиссионного водорода, представляет собой крайне востребованный продукт китайского импорта.

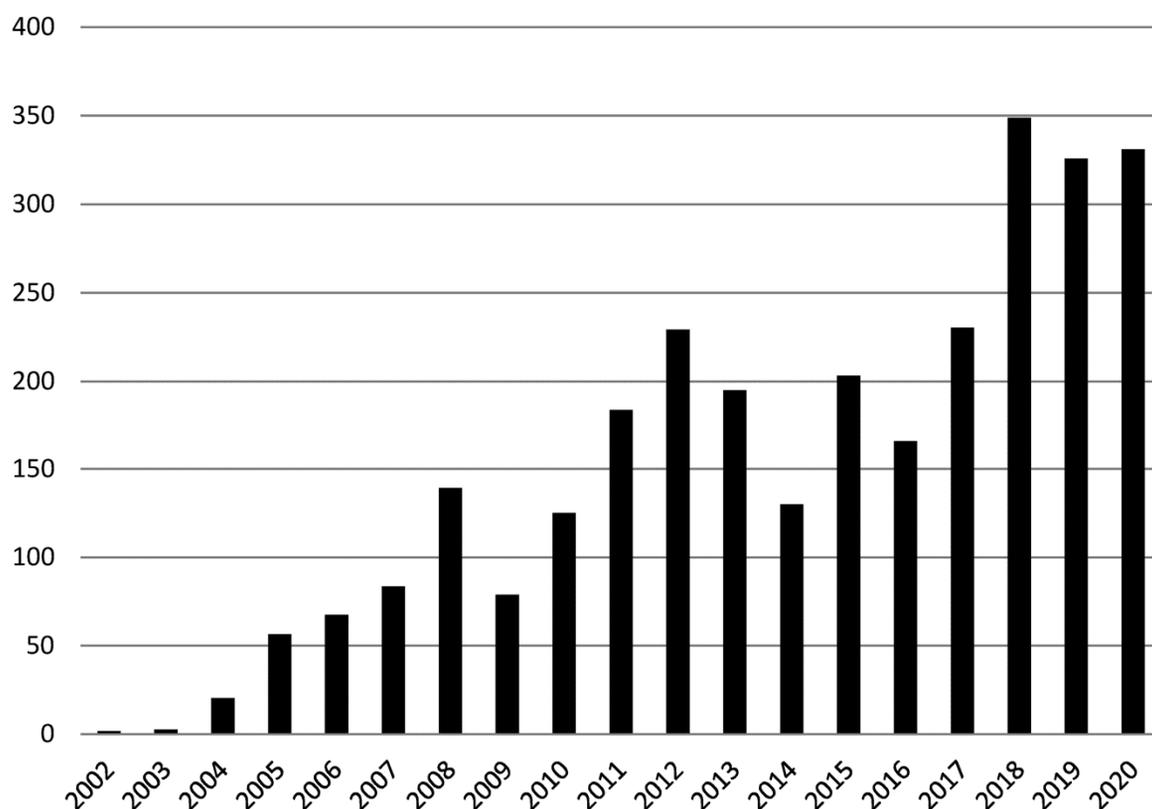

Диаграмма. Импорт аммиака в Китай в 2002–2020 гг., \$ млн.
Diagram. Ammonia import to China in 2002–2020, \$ mln.

Источник: https://trendeconomy.ru/data/h2?commodity=2814&reporter=China&trade_flow=Import,Export&partner=World&indicator=TV&time_period=2002,2003,2004,2005,2006,2007,2008,2009,2010,2011,2012,2013,2014,2015,2016,2017,2018,2019,2020 (accessed 10.04.2022)

Китай уже в настоящее время импортирует значительные объемы незеленого аммиака, что имеет стратегически важное значения для экономики КНР. При практически полном отсутствии экспорта в 2021 г. КНР импортировала 814,8 тыс. т аммиака и аммиачной воды или гидрата аммиака. В стоимостном выражении импорт аммиака и аммиачной воды в КНР в 2020 г. составил \$340 млн, из них 2% – импорт аммиачной воды. За последние 10 лет объемы импорта аммиака существенно выросли (см. *diagr.*). В доставке экспортных объемов аммиака задействован специализированный танкерный флот.

ПЕРСПЕКТИВНАЯ ЭКСПОРТНАЯ СТРАТЕГИЯ ДЛЯ РФ

Ситуация с экспортом низкоэмиссионного водорода выглядит безальтернативно из-за существования транспортной проблемы. Хотя мелкотоварные партии водорода можно транспортировать наземным транспортом, для крупномасштабных перевозок подходит только транспортировка с использованием аммиака как носителя.

Поскольку экспорт зеленого водорода в настоящий момент практически отсутствует, сложно оценить порог ценовой привлекательности такого импорта. Единственное, о чём можно сказать со всей определенностью, – что этот фактор будет играть доминирующую роль.

Для Китая характерна ориентация на ценовую премию при импорте аммиака. В 2021 г. средняя экспортная цена аммиака составляла 1,56 \$/кг, а средняя цена импорта – 0,50 \$/кг. Внутренняя цена находилась в интервале между двумя этими ценами.

Импорт аммиака в Китай растет высокими темпами. Регион с наибольшим спросом на импортный аммиак – Шанхай (на него приходится более 75% импорта). Большая часть аммиака и гидрата аммиака поступает в КНР из Индонезии, Саудовской Аравии и Малайзии.

Китай находится в начальной стадии перехода от «грязного» аммиака к «зеленому». Несмотря на большой потенциал производства зеленого аммиака, крупномасштабное производство всё еще не начато. Объемы производства электролизного зеленого водорода до 2035 г. будут в основном ориентированы на обеспечение потребностей транспортной отрасли.

Возникновение ниши между снижающимися объемами аммиака, произведенного из коричневого водорода, и непокрытыми внутренними ресурсами потребностями в зеленом водороде создают возможности для экспорта аммиака, произведенного из голубого водорода. Разумеется, речь идет о странах, обладающих стратегическими запасами природного газа, которые способны производить такой аммиак с низкими издержками.

К таким странам относится и РФ. Пилотные проекты по производству голубого водорода и аммиака в России будут запущены к 2024–2030 гг. Газпром, НОВАТЭК и Росатом разрабатывают различные проекты, в том числе по совместному производству водорода, однако их реализация требует достаточно больших ресурсов.

Особенно велики преимущества проектов голубого водорода/аммиака в Арктике и на Дальнем Востоке благодаря коротким транспортным цепочкам: добыча природного газа – паровой риформинг в зоне порта – улавливание выбросов CO₂ с обратной закачкой в пласт в местах добычи – извлечение водорода – производство аммиака – его транспортировка судами на экспорт. Кроме того, в арктическом кластере сосредоточены богатые, еще не разработанные газовые месторождения на суше, а на дальневосточном – ведется активное освоение морских запасов газа.

Среди 4 известных проектов голубого водорода наиболее проработан проект Обского газохимического комплекса НОВАТЭКа на полуострове Ямал (Сабетта) с прогнозным объемом производства 2,2 млн т аммиака в год и долгосрочными планами увеличения до 5 млн т. В настоящий момент он находится на стадии предварительного проектирования. В феврале 2022 г. НОВАТЭК успешно завершил один из этапов международной сертификации участков для захоронения углекислого газа. Если данный проект будет реализован к 2030 г., то прогнозные оценки Министерства энергетики РФ по экспорту водорода в 2,2 млн т выглядят вполне реалистично²⁴. Современная геополитическая ситуация приводит к тому, что основным импортером российского водорода станет Китай.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Дятел Т., Смертина П. Водород уже не тот. *Коммерсантъ*. № 96, 02.06.2022, с. 7.
Dyatel T., Smertina P. 2022. Hydrogen is no longer the same. *Kommersant*, № 96, June 2, p. 7. Moscow. (In Russ.)
2. Liu Y. 2021. The development environment, guidelines and main goals of the 14th Five-Year Plan and 2035 Vision. *Xinhua*, March 5. (In Chin.). http://www.xinhuanet.com/politics/2021/03/05/c_1127172897.htm (accessed 10.04.2022)
3. Liao H., Xiang F. 2021. Forecast and Prospect of Energy Demand in China's "14th Five-year" Plan Period. *Journal of Beijing Institute of Technology*. Vol. 23, № 2, pp. 1–8. (In Chin.). <http://journal.bit.edu.cn/fileBJLGDXXBSKB/journal/article/bjlgdxxbshkxb/2021/2/PDF/S20210348.pdf> (accessed 10.04.2022)
4. Meng Y. 2021. Report on the Development of Domestic and Foreign Oil and Gas Industry in 2020. *CNPC*, April 29. (In Chin.). <http://center.cnpc.com.cn/sysb/system/2021/04/22/030030794.shtml> (accessed 10.04.2022)
5. Baiyu G. 2021. 'Without a carbon cap, you can't provide strong support for a carbon peak'. *China Dialogue*, March 15. <https://chinadialogue.net/en/energy/can-controlling-energy-use-drive-chinas-green-transition-during-the-next-five-years/> (accessed 10.04.2022)
6. Kemp J. 2021. China's five-year plan focuses on energy security. *Reuters*, March 19. <https://www.reuters.com/article/us-column-china-energy-kemp-idUSKBN2BB1Y1> (accessed 10.04.2022)
7. IRENA. 2022. *Geopolitics of the Energy Transformation: The Hydrogen Factor*. https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2022/Jan/IRENA_Geopolitics_Hydrogen_2022.pdf (accessed 10.04.2022)
8. Peng Zh. 2022. Analysis of the current situation of China's hydrogen industry in 2021. *Huaon*, March 30. (In Chin.). <https://www.huaon.com/channel/trend/794353.html> (accessed 10.04.2022)

²⁴ Малькин В. Эксперты увидели шанс сохранить планы России по экспорту водорода. *Ведомости*. 15.05.2022. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/05/15/922112-sohranit-plani-rossii-po-eksportu-vodoroda> (accessed 07.11.2022)

9. Lee A. 2021. 'China wants to dominate': Kerry and Gates urge US to step up for hydrogen. *Recharge*, September 1. <https://www.rechargenews.com/energy-transition/china-wants-to-dominate-kerry-and-gates-urge-us-to-step-up-for-hydrogen/2-1-1060947> (accessed 10.04.2022)
10. Collins L. 2022. Chance is high that China will take over global hydrogen electrolyser market in similar way to solar sector. *Recharge*, March 23. <https://www.rechargenews.com/energy-transition/exclusive-chance-is-high-that-china-will-take-over-global-hydrogen-electrolyser-market-in-similar-way-to-solar-sector-bnef/2-1-1230106> (accessed 10.04.2022)
11. Hao Sh. 2022. Basic studies of zero-carbon ammonia system and generation for heavy vehicles. *Chinese Industry News*, April 14. (In Chin.). http://www.chinaden.cn/news_nr.asp?id=32036 (accessed 06.05.2022). Brown T. 2019. Ammonia in China: change is coming. *Ammonia Energy Association*, November 7. <https://www.ammoniaenergy.org/articles/ammonia-in-china-change-is-coming/> (accessed 10.04.2022)
12. Wan H. 2006. The ammonia economy and China's long-term prosperity. *China youth daily*, December 12. (In Chin.). http://zqb.cyol.com/content/2006-12/12/content_1606086.htm (accessed 10.04.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Коваль Александра Геннадьевна, к.э.н., доцент кафедры мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Alexandra G. Koval, PhD (Economics), Associate Professor, Department of World Economy, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Кожевников Игорь Игоревич, студент 4 курса направления «Экономика», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Igor I. Kozhevnikov, 4-th year student, BA Economics, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Мосейчук Маргарита Антоновна, студент 4 курса направления «Экономика (с углубленным изучением экономики Китая и китайского языка)», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Margarita A. Moseychuk, 4-th year student, BA Economics (with in-depth study of the Chinese Economy and Language), Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 06.07.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 17.11.2022

Принята к публикации
(Accepted) 19.01.2023

DOI: 10.31857/S032150750024405-7

Второй саммит США – Африка (13–15 декабря 2022 г.)

© Урнов А.Ю.^a, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0520-0194; aurnov@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена второму саммиту США – Африка, созванному Администрацией Дж.Байдена и проходившему в Вашингтоне 13–15 декабря 2022 г. На саммит были приглашены руководители 47 стран континента. В его работе участвовали президенты 35 государств, 12 были представлены премьер-министрами и министрами иностранных дел. В качестве участника саммита выступал Африканский Союз. В первый день на 7 заседаниях обсуждались ключевые области сотрудничества, во второй – состоялся американо-африканский бизнес-форум. Третий день – «День лидера» – был посвящен вопросам партнерства в реализации долгосрочной программы Афросоюза «Повестка дня на период до 2063 г.».

Анализируются выступления на саммите Дж.Байдена, вице-президента К.Харрис, государственного секретаря США Э.Блинкена, совместное заявление Дж.Байдена и председателя Афросоюза, президента Сенегала М.Салла «Видение партнерства США – Африка». Рассмотрены следующие направления американо-африканского сотрудничества: политика, экономика, продовольственная безопасность, демократия, безопасность и стабильность, экология, климат, чистая энергетика, здравоохранение, афроамериканская диаспора, молодежь, женщины.

Ключевые слова: США, Африка, Африканский Союз, партнерство, политика, экономика, продовольственная безопасность, афроамериканская диаспора

Для цитирования: Урнов А.Ю. Второй саммит США – Африка (13–15 декабря 2022 г.). *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 2. С. 25–33. DOI: 10.31857/S032150750024405-7

The Second United States – Africa Leaders Summit (13–15 December 2022)

© Andrey Yu. Urnov^a, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0520-0194; aurnov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the second U.S.-Africa Leaders Summit, which was convened by Biden's Administration and took place in Washington on 13–15 December 2022. 47 African countries were invited. 35 state presidents and 12 prime-ministers and ministers of foreign affairs participated in the work of the Summit. The African Union was represented by its chairperson, president of Senegal M.Sall. In the course of the first day of the Summit, the key spheres of cooperation were considered at 7 sessions. Business Forum was held on the second day. On the third day – “Leaders Day” – the heads of delegations discussed the ways of partnership in implementation of the African Union Agenda 2063.

The author analyses the speeches by J.Biden, Vice-president K.Harris and the Secretary of State A.J.Blinken as well as a joint statement of J.Biden and the African Union chairperson, president of Senegal M.Sall “Vision for U.S.-Africa Partnership”. The following vectors of U.S.-Africa cooperation are reviewed: policy, economy, food security, democracy, security and stability, environment, climate, clean energy, healthcare, Afro-American diaspora, youth, and women.

The peculiarity of the conceptional design of the Summit is its non-confrontational spirit. It was decided in Washington that, in order to strengthen the US positions on the continent, it is advisable not to make obvious attempts to draw Africa into anti-Russian and anti-Chinese alliance, but to act under the guise of benevolent and impartial partner. This foresight and flexibility helped the US to give the Summit a constructive image and gain some political points.

Keywords: United States, Africa, African Union, partnership, policy, economy, food security, Afro-American diaspora

For citation: Urnov A.Yu. The Second United States – Africa Leaders Summit (13–15 December 2022). *Asia and Africa today*. 2023. № 2. Pp. 25–33. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024405-7

ВВЕДЕНИЕ

Вступив в должность, президент Дж.Байден не замедлил лично обратиться к теме американо-африканских отношений. «Это будет нелегко, но США готовы быть вашим партнером... Несмотря на огромные вызовы, у меня нет сомнений, что наши страны, наши народы и Африканский Союз справятся с этими задачами», – говорилось в послании Дж.Байдена 5 февраля 2021 г. участникам 34-го саммита АС [1].

О созыве второго саммита США – Африка в Вашингтоне Дж.Байден объявил 20 июля 2022 г. «Саммит продемонстрирует неизменную приверженность Соединенных Штатов Африке, подчеркнет важность американо-африканских отношений и возрастающего сотрудничества на основе общих глобальных приоритетов», – отметил президент [2].

Первый саммит США – Африка состоялся в августе 2014 г. по инициативе Б.Обамы. По сравнению с Администрацией Д.Трампа африканская политика Дж.Байдена стала более активной, при нём политике США в Африке было посвящено несколько программных документов. Главный из них – «Стратегия США в Африке к Югу от Сахары», опубликованная в августе 2022 г. в порядке подготовки к Саммиту [3].

О причинах и значении созыва Саммита было сказано в кратком обзоре Госдепартамента США. «Африка определяет не только будущее африканского народа, но и народов мира. Основываясь на признании Африки в качестве ключевого геополитического игрока, президент Байден пригласил руководителей со всего Африканского континента в Вашингтон... Саммит станет продолжением усилий по укреплению связей с африканскими партнерами на основе принципов взаимного уважения, общих интересов и ценностей» [4].

УЧАСТНИКИ САММИТА

На Саммит были приглашены 47 государств континента. В его работе участвовали президенты 35 государств. В качестве первых лиц прибыли семь премьер-министров (Алжир, Кот-д’Ивуар, Кабо-Верде, Лесото, Марокко, Эсватини, Эфиопия) и четыре министра иностранных дел (Габон, Зимбабве, ЮАР, Южный Судан). От Ливии участвовал председатель Президентского совета М.аль-Манфи. Африканский Союз был представлен председателем АС, президентом Сенегала М.Саллом и председателем Комиссии АС Мусой Факи Махаматом [5].

Президент ЮАР С.Рамапоса в последний момент отказался от поездки в Вашингтон: более важным для него оказалось участие в съезде Африканского национального конгресса, на котором ему предстояло побороться за переизбрание на пост президента АНК, а, значит, и президента Республики. Президент ДРК Ф.Чисекеди прервал свое пребывание в Вашингтоне из-за стихийного бедствия в Киншасе, Президент Зимбабве Э.Мнангагве получил приглашение, но не смог принять участие в Саммите из-за ограничений, наложенных Западом на его передвижение за пределами страны.

Не были приглашены Буркина Фасо, Гвинея, Мали и Судан. Госдепартамент пояснил такое решение приостановкой членства этих стран в Африканском Союзе в связи с произошедшими там военными переворотами.

Среди «отказников» – Эритрея, по причине отсутствия у нее «полных дипотношений» с США, и Сахарская Арабская Демократическая Республика (Западная Сахара), которую Вашингтон не признаёт в качестве независимого государства [6].

ПОВЕСТКА ДНЯ И РАБОТА САММИТА

В *день первый* Саммита состоялось 7 заседаний, которые именовались «форумами» и были посвящены обсуждению ключевых областей сотрудничества: молодые лидеры Африки и диаспоры; гражданское общество; мир, безопасность и управление; Закон об экономическом росте и торговых возможностях Африки (АГОА), министерская встреча; защита окружающей среды; сотрудничество в области здравоохранения; космическое пространство.

День второй – Бизнес-форум США – Африка, в котором участвовали около 100 американских и африканских компаний.

День третий – «День лидеров». На высшем уровне состоялся свободный обмен мнениями о партнерстве в реализации долгосрочной программы Африканского Союза, известной как Повестка дня Африкосоюза на период до 2063 г. [7].

Дж.Байден выступил на Бизнес-форуме с программной речью [8], а вечером обменялся тостами с М.Саллом на торжественном обеде [9]. В тот же день накоротке встретился с президентами ДРК, Габона, Либерии, Мадагаскара, Нигерии и Кабо-Верде. Разговор шел о выборах, предстоящих в этих странах в 2023 г. [10]. На открытии «Дня лидеров» Дж.Байден выступил с еще одной пространной речью [11] и подвел итоги обсуждения вопроса о продовольственной безопасности на заключительном заседании [12]. Вице-президент К.Харрис выступила на форуме «Молодые лидеры Африки и диаспоры» [13].

Высокую активность проявил Э.Блинкен. Он встретился с президентами Ганы, Джибути, ДРК, Египта, Замбии, Мозамбика, Намибии, Нигера, Сенегала, Сомали, Туниса, с премьер-министром Эфиопии и министром иностранных дел ЮАР. Госсекретарь подписал меморандум о взаимопонимании с ДРК и Замбией о производстве в этих странах электрических батарей для электромобилей, присутствовал и выступил при подписании соглашения (компакта) «Корпорацией вызов тысячелетия» с Бенином и Нигером о строительстве региональной дорожной сети с выходом на порт Котону. 15 декабря госсекретарь провел заключительную пресс-конференцию [14].

ПОЛИТИКА

На Саммите Дж.Байден всячески подчеркивал растущее, если не определяющее значение Африки в мировых делах. Например, он заявил: «Мы не сможем справиться ни с одним вызовом без африканских лидеров»; «Там, где добиваются успехов Африка, там добиваются успеха и США» [8]; «Африка должна присутствовать за столом в каждой комнате, где обсуждаются глобальные вызовы»; «Соединенные Штаты целиком поддерживают реформирование СБ ООН, включая постоянное представительство Африки»; «...я призываю Африканский Союз присоединиться к “Большой двадцатке” в качестве постоянного члена» [11].

Это звучит многообещающе, но требует пояснений. Сколько постоянных мест в СБ ООН предоставить Африке? И можно ли включить международную организацию в состав *G20*?

Отметив преэминентность африканской политики США, Дж.Байден заявил, что его Администрация придавала Африке приоритетное значение «с первого дня». «Саммит определит долгосрочную основу партнерства между Африкой и США в XXI веке... Мы хотим наращивать наше сотрудничество во всех областях – от сельской общины до городских центров, от киберпространства до космоса» [11]. Поэма в прозе!

Отличительной чертой публичных американских выступлений на Саммите была их подчеркнутая неконфронтационность. Слово «авторитаризм» ни Байден, ни Блинкен не произнесли ни разу. О «войне» России на Украине говорилось лишь при обсуждении проблем продовольственной безопасности. При этом признавалось, что она лишь усугубила кризис, порожденный пандемией *COVID-19* и климатическими изменениями. Не были упомянуты и антироссийские санкции. Призывать африканскую аудиторию к их поддержке смысла не имело, а умолчание позволяло США и Западу снять с себя ответственность за глобальные экономические последствия санкций.

Исключение составило заявление в первый день Саммита главы Пентагона Л.Остина, что распространение влияния Китая и России может «дестабилизировать» обстановку в Африке, и это надо отслеживать¹ (см. также [27]).

На заключительной пресс-конференции 15 декабря Э.Блинкен от ответа на вопрос, разделяет ли он мнение Л.Остина, уклонился. Последовали многократно повторяемые утверждения, что Саммит посвящен исключительно отношениям между США и Африкой и никаких других стран он не затрагивает [14].

Полностью воздержаться от конфронтационных комментариев на пресс-конференции госсекретарь не смог. В ответ на вопрос, удастся ли Соединенным Штатам сохранить и без того «прохладную» поддержку Украины со стороны «глобального Юга» в условиях затянувшейся войны, госсекретарь утверждал, что эта поддержка «очень сильна», поскольку, мол, речь идет о нарушениях «дорогих для сердца африканцев» принципов территориальной целостности, суверенитета и независимости государств. Со-

¹ ИТАР-ТАСС. 14.12.2022. Политика: Китай-Африка-США-МИД.

слался он лишь на позиции Ганы и Кении, присовокупив к ним «многие другие» страны, назвать которые не сумел [14].

Ссылка на Гану была не случайной. На встрече с Э.Блинкеном президент Н.Акуфо-Аддо пожаловался на появление в Буркина Фасо вслед за Мали российских «наемников» из группы «Вагнер». Заявив, что Гана против нового превращения Африки в «театр для операций великих держав» и «во весь голос» осуждает «вторжение России на Украину», он задал госсекретарю вопрос: «В какой степени мы можем рассчитывать на вас как на надежного партнера по оказанию отпора этим силам?» [15]. Об ответе Э.Блинкена на этот вопрос в материале Госдепа о встрече ничего не сказано.

На заключительной пресс-конференции корреспондент агентства «Блумберг» спросил госсекретаря, готовы ли США откликнуться на просьбу президента Ганы оказать помощь демократическим странам Западной Африки, защитив их от «дестабилизирующих» действий российской группы «Вагнер». Э.Блинкен в ответ разразился потоком обвинений в адрес группы, представляя её как некое общеафриканское зло. Они «присутствуют буквально на всем континенте», особенно в ЦАР, Мозамбике, Мали и Ливии. «Там, где есть “Вагнер”, страны становятся слабее, беднее, менее безопасными и менее независимыми». Госсекретарь присвоил себе право заявить от имени всех государств континента, что они «“Вагнера” не хотят». Чуть раньше Э.Блинкен договорился до того, что приравнял группу «Вагнер» к «Боко-Харам», «Аш Шабаб» и другим террористическим организациям [16].

ЭКОНОМИКА

Администрация Дж.Байдена подошла к Саммиту с неплохими экономическими показателями. С 2021 г. правительство США помогло заключить более 800 двусторонних торговых и инвестиционных сделок в 47 странах Африки на сумму свыше \$18 млрд, объем торговли товарами и услугами с Африкой в 2021 г. – \$83,6 млрд, министерство торговли США оказало поддержку заключению 300 сделок и обязательств на сумму \$11,9 млрд, министерство сельского хозяйства с июля 2021 г. по август 2022 г. способствовало экспорту в Африку американской сельхозпродукции на \$264 млн [17].

Ряд соглашений был заключен в ходе Саммита. Всего, как сообщил на Бизнес-форуме Дж.Байден, созыв Саммита стимулировал заключение новых сделок на сумму \$15 млрд [8]. Еще грандиознее планы на будущее. «В следующие три года мы планируем вложить в Африку \$55 млрд для продвижения наших общих приоритетов и в поддержку “Повестки дня АС до 2063 г.”», – объявил президент США, выступая на открытии «Дня лидера» [11].

В подвешенном состоянии остался вопрос о дальнейшей судьбе «Закона об экономическом росте и торговых возможностях Африки» (АГОА), срок действия которого завершается в 2025 г. Согласно сообщению Госдепа, участники министерской встречи «подчеркнули своё широкое согласие с необходимостью усилить исполнение и модернизировать АГОА», дабы «перевести возможности в конкретные блага для африканского народа». Обсуждалось и «будущее АГОА», однако к какому решению пришли министры, в сообщении не сказано [18].

ДИАСПОРА

Повышенное внимание на Саммите уделялось африканской диаспоре Соединенных Штатов. В США проживают около 42 млн афроамериканцев – потомков вывезенных из Африки рабов и 2 млн африканских рабочих-иммигрантов, сохраняющих тесные связи со странами своего происхождения. Афроамериканское население в большинстве своем поддерживает Демократическую партию. Администрация Дж.Байдена рассматривает диаспору как союзника и отводит ей важную роль в реализации своего политического и экономического курса.

В области внешней политики диаспора призвана играть роль связующего звена между Соединенными Штатами и Африкой. «Мы славим многомиллионную африканскую диаспору, которая притягивает Африку и США друг к другу», – воскликнул Дж.Байден [9].

В первый день Саммита президент Байден принял решение о создании «Президентского Консультативного Совета по вовлечению африканской диаспоры США», чтобы, как он сказал, «мы могли высвободить огромную силу сообществ диаспоры, а их проницательность и видение нашли отражение в нашей работе» [11].

Новый орган будет представлять президенту советы и рекомендации, как укреплять связи между народами Африки и Америки, пояснила К.Харрис [13].

Заметим здесь, что при переводе названия Совета на русский язык возникают вопросы. Слово «*engagement*» может означать и «вовлечение», и «взаимодействие», а то и «мобилизацию».

О том, какую «информацию, аналитику и рекомендации» Совет будет представлять президенту, подробно сказано в справочном материале Госдепартамента «О партнерстве США-Африка в повышении вовлеченности диаспоры». В нём указаны 6 тем: продвижение равенства и возможностей сообществ африканской диаспоры; поддержка «Постоянного форума ООН о людях африканского происхождения»; укрепление культурных, социальных, политических и экономических связей между африканскими сообществами, глобальной африканской диаспорой и США; расширение программ обмена между Африкой и США в области образования; наращивание сотрудничества между государством и частным сектором и вовлечение сообществ в улучшение условий социально-экономического благосостояния сообществ африканской диаспоры; расширение участия членов африканской диаспоры США в программах торговли, инвестиций, экономического роста и развития, имеющих отношение к Африке [19].

БЕЗОПАСНОСТЬ И СТАБИЛЬНОСТЬ

В выступлении на открытии «Дня лидера» Дж.Байден сообщил, что в рамках «Партнерства за безопасность в Африке в XXI веке» Министерство обороны США будет сотрудничать с африканскими странами в осуществлении трехлетней пилотной программы по укреплению их сил безопасности. Планируемые расходы – \$100 млн [11]. В заседаниях, на которых обсуждалась эта тема, участвовал министр обороны США Л.Остин.

Другие программы. \$58,5 млн инвестируется в «Фонд предотвращения конфликтов и стабильности» на укрепление партнерств с Мозамбиком, Ливией, Бенином, Кот-д’Ивуаром, Ганой, Гвинеей и Того; \$60 млн предоставляется Транссахарскому контртеррористическому партнерству.

АФРИКОМ и Центральное командование (*CENTCOM*) оказывают поддержку африканским партнерам и союзникам – ведется подготовка кадров, предоставляются военное имущество и материалы. В настоящее время помощь АФРИКОМ составляет \$250 млн [20].

На пресс-конференции 15 декабря Э.Блинкен заверил, что африканские страны могут и дальше рассчитывать на США как на партнера в строительстве более эффективных и подотчетных сил безопасности [14].

КОСМОС

На форуме по космосу Нигерия и Руанда стали первыми африканскими странами, подписавшими «Соглашения Артемиды² о международном партнерстве в изучении и освоении космического пространства в мирных целях» [21].

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Сотрудничество в области здравоохранения издавна считалось сильной стороной внешней политики США.

Сотрудничество по «Президентской программе чрезвычайной помощи больным СПИД» (ПЕПФАР) и «Президентской инициативе по борьбе с малярией» «продолжается десятилетиями». «США предоставили 49 странам Африки 231 млн доз вакцины против *COVID-19*», – сказал Дж.Байден на открытии Бизнес-форума [8]. Президенту вторила К.Харрис. «Действуя вместе, мы предотвратили 1 млрд заболеваний малярией и помогли более 20 млн больных ВИЧ/СПИД» [13].

Расходы по двусторонним программам сотрудничества Администрации с Африкой составили «почти \$20 млрд», в т.ч. \$11,5 млрд потрачено на борьбу с ВИЧ/СПИД, более \$2 млрд – с малярией, \$2 млрд – на преодоление медицинских, гуманитарных и экономических последствий *COVID-19*. Ин-

² Соглашения Артемиды (*Artemis Accords*) – международное соглашение, регулирующее принципы сотрудничества и гражданской деятельности по исследованию и использованию Луны, Марса, комет и астероидов в мирных целях; базируются на Договоре о космосе 1967 г. Подробнее см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Соглашения_Артемиды (*прим. ред.*).

тенсивное медицинское сотрудничество осуществлялось с 14 африканскими странами. При Байдене к ним были добавлены Гана, Замбия и Мозамбик.

В мае 2022 г. Белый дом запустил программу «Глобальные медработники». В Африке подсчитали, что к 2030 г. континенту потребуется дополнительно 5,3 млн работников системы здравоохранения. Администрация Байдена ожидает от Конгресса согласия на финансирование подготовки и оснащения медработников Африки в 2022–2024 гг. на сумму \$4 млрд [22].

ЭКОЛОГИЯ, КЛИМАТ, ЧИСТАЯ ЭНЕРГЕТИКА

Вопрос для Африки более чем острый. Из 20 наиболее климатически уязвимых стран мира 17 находятся в Африке. Четыре года на континенте не прекращается жестокая засуха. 18 млн африканцев голодают [23].

«Африканские правительства, институты и народы играют осевую роль в вопросах, относящихся к одному из величайших вызовов нашего времени – изменению климата», – заявил Э.Блинкен на форуме, посвященном защите окружающей среды, климатической адаптации и энергетическому переходу. Он выразил мнение, что Африка «может оказаться в центре перехода к чистой энергетике». «Её потенциал ни с кем не сравним». Континент располагает 1/3 мировых запасов минералов, необходимых для технологий, которые будут обеспечивать энергией экономики, основанные на чистой энергетике [23].

Обратимся к справочному материалу Госдепартамента «Партнерство США-Африка в поддержке сохранения природы, климатической адаптации и справедливого энергетического перехода» [24].

С января 2021 г. Администрация Байдена вложила и планирует вложить по меньшей мере \$1,1 млрд в поддержку «возглавляемых Африкой усилий» в сферах, обозначенных в заглавии документа. Главные действующие лица – агентство «Африка-Энергетика» и «Международная финансовая корпорация развития США» (МФК).

«Африка-Энергетика» с 2021 г. поддерживало проекты генерации электроэнергии из возобновляемых источников, что позволило предотвратить выбросы 6,2 млн т углекислого газа. С 2013 г. при содействии Агентства доступ к электричеству получили 165 тыс. жителей АЮС. Администрация Дж.Байдена вложила в «Африку-Энергетику» \$193 млн и планирует вложить еще \$100 млн.

В партнерстве с инициативой «Процветай, Африка» Агентством запущена «Энергетическая сеть чистых технологий США – Африки» (CTEN), в рамках которой осуществляется сотрудничество американских и африканских компаний, занятых в чистой энергетике. Планируется облегчить заключение сделок на \$350 млн в следующие 5 лет. Агентство по торговле и развитию через «Африку-Энергетику» инвестирует \$4 млн в энергетические проекты в Кот-д’Ивуаре (электростанция на биомассе), Сьерра-Леоне (ГЭС), Замбии (технологии сокращения углеводородных выбросов) [24].

МФК с января 2021 г. несет обязательства вложить \$438 млн в климатические проекты в Африке. В ходе Саммита корпорация объявила о предоставлении займа в \$25 млн на сооружение солнечной электростанции в Малави [26].

Другие проекты. «Корпорация вызов тысячелетия» (MCC) подписала с правительствами Лесото и Малави компакты по проектам климатической адаптации на \$110 млн. Министерство энергетики объявило о создании новых партнерств в поддержку «справедливого энергоперехода» (*just energy transition*)³ с Кенией, Марокко, Мозамбиком и Нигерией.

Не была забыта и ядерная энергетика. По вопросам сотрудничества в этой области был подписан Меморандум о взаимопонимании с Мозамбиком и начаты переговоры о заключении соглашения с Кенией [24].

МОЛОДЕЖЬ

О важности работы с африканской молодежью говорила на Саммите вице-президент К.Харрис. Сегодня 60% населения Африки составляют люди моложе 25 лет. Их число приближается к 800 млн, а в 2050 г. достигнет 1,2 млрд. «Это огромный потенциал с точки зрения экономического роста, социального и политического прогресса», – заявила она [13].

³ Имеется в виду переход на чистую энергетику без ущерба и в интересах всех участников процесса (*прим. авт.*).

Администрация Байдена в следующие два года планирует вложить \$1 млрд в образование и молодежные программы в Африке, что позволит расширить партнерство в этой области с африканскими академическими институтами и частным сектором. Это также позволит расширить «ключевую программу» – «Молодые африканские лидеры» (*YALI*), сказала Харрис.

Цель *YALI* – воспитание «проницательных и креативных» молодых руководителей. В соответствии с этой программой в университетах и колледжах США на ежегодных 6-недельных курсах молодые африканцы обучаются бизнесу, общественной и государственной деятельности. Аналогичные курсы региональные центры *YALI* организуют в учебных заведениях Ганы, Кении, Сенегала и ЮАР [13].

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ «ВИДЕНИЕ ПАРТНЕРСТВА США – АФРИКА»

Общего совместного заключительного документа на Саммите принято не было. Его итоги были подведены Дж.Байденом, председателем Афросоюза М.Саллом и председателем Комиссии АС М.Факи Махаматом в совместном заявлении «Видение партнерства США – Африка» [25]. Заявление носит установочно-программный характер, в нём затронуты практически все обсуждавшиеся на Саммите «вызовы» и направления сотрудничества.

«По случаю состоявшегося в Вашингтоне Саммита лидеров США и Африки... Соединенные Штаты и Африканский Союз подтверждают свою приверженность укреплению давних сфер сотрудничества и расширению партнерства с тем, чтобы лучше встретить общие вызовы – и возможности – нашей динамичной эры», – говорится во вступительной части документа.

В документе выражается «убеждение, что африканские и американские правительства и народы смогут сформировать будущий международный порядок». Подтверждены обещание США содействовать предоставлению Африке постоянного членства в СБ ООН, приглашение Афросоюзу в «Большую двадцатку», «общая приверженность защите суверенитета и территориальной целостности всех государств» [25]. (Украина не упомянута. – А.У.)

Авторы документа отмечают, что объявленные на Саммите «новые инвестиции и инициативы позволяют американским и африканским институтам и гражданам реагировать на возникающие возможности и вызовы во всё более урбанизированном и взаимосвязанном мире». Подчеркивается, что «обновленное и расширенное американо-африканское партнерство имеет критическое значение для решения острейших проблем».

Дипломатично сформулирован абзац об имеющихся расхождениях: «Как это случается со всеми партнерами, мы иногда не соглашаемся друг с другом». Чтобы не позволить этим разногласиям «расколоть или подорвать партнерство», их нужно разрешать путем «уважительных дебатов», что «продемонстрирует силу и зрелость наших отношений» [25].

Заключительная часть документа выдержана в возвышенных тонах. Выражается уверенность, что благодаря партнерству «динамизм африканских и американского народов приведет к процветанию по обе стороны Атлантики». Будет отдан приоритет вовлечению членов африканской диаспоры, чьи голоса имеют критическое значение в США и во всем мире. «Будущее США и Африки зависит от того, что мы сможем достигнуть вместе. Мы удвоим наши усилия, чтобы наше партнерство принесло результаты для народов всего мира». Так заканчивается заявление [25].

Отдельно рассмотрим тезис о дальнейших действиях.

«Признавая важность осуществления обязательств, обсуждавшихся на Саммите, мы намерены активизировать обмены на высоком уровне и поручить старшим дипломатам реализацию нашего совместного видения партнерства XXI века», – сказано в заявлении [25].

Заметим, что конкретных решений на Саммите принято не было, обязательства «обсуждались», однако, как следует из текста, эти обязательства, равно как и «совместное видение партнерства», подлежат выполнению. Элемент обязательности присутствует.

Соединенные Штаты пошли дальше. В выступлении на открытии сессии 15 декабря Дж.Байден сообщил, что он «попросил одного из наших “великих дипломатов” – Джони Карсона – наблюдать за тем, как осуществляется то, что исходит от Саммита». «Он будет обеспечивать перевод наших обязательств на бумаге в прогресс, который люди смогут увидеть в своей повседневной жизни», – сказал президент [11].

Госдепартамент пояснил, что Администрация создаст пост «Специального президентского представителя по имплементации Саммита США – Африка». Эта «высокая должность» позволит укрепивше-

муся партнерству проявлять себя не только на словах, но и на деле. Представитель президента будет «координировать усилия США и африканских правительств, гражданского общества, частного сектора и представителей диаспоры с целью обеспечить перевод важного диалога, который начался на Саммите, в долгосрочные действия». «Мы будем работать с широким кругом посредников» [26].

По понятным причинам, ни президент, ни Госдепартамент слово «решения» употреблять не могли. Формула об «имплементации того, что исходит от Саммита», звучит неуклюже. На наш взгляд, оптимальный вариант перевода слова «имплементация» на русский язык – это «воплощение».

Дж.Карсон – дипломат с 37-летним стажем. Ранее занимал пост помощника Госсекретаря по делам Африки, был послом США в Кении, Уганде и Зимбабве, работал в Ботсване, Мозамбике, Нигерии и Танзании [26].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя итоги Саммита, посол России в США А.Антонов пришел к выводу, что «задумка» Вашингтона использовать встречу, чтобы «настроить страны Африки против РФ, провалилась»⁴.

Позволю себе посчитать это утверждение излишне категоричным. Не вызывает сомнений, что любая масштабная акция Вашингтона в Африке имеет антироссийскую направленность. Саммит не исключение. Однако, на наш взгляд, «задумка» на сей раз состояла в том, чтобы укрепить позиции США на континенте – за счет России в том числе – под личиной доброжелательного и беспристрастного партнера. Были приняты во внимание приверженность Африки политике неприсоединения и балансирования между соперничающими внешними акторами, неудавшиеся попытки перетянуть на свою сторону Афросоюз и большинство стран континента в вопросе об Украине.

Признаем, что, отказавшись от конфронтационных подходов и сосредоточившись на актуальных и реально интересующих Африку вопросах собственного и мирового развития, Администрация Дж.Байдена проявила гибкость и дальновидность, что позволило ей придать Саммиту конструктивный образ, набрать политические очки.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. President Biden's Message to African Union Summit Participants Recorded. February 2, 2021. Aired. February 5, 2021. <https://lr.usembassy.gov/president-bidens-message-to-african-union-summit-participants/> (accessed 20.02.2021)
2. Biden Announces U.S.-Africa Summit for Mid- December. July 20, 2022. <https://www.reuters.com/world/biden-announces-us-africa-summit-mid-december-2022-07-20/> (accessed 20.08.2022)
3. US Strategy Toward Sub-Saharan Africa. August 2022. Final. Pdf. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/08/U.S.-Strategy-Toward-Sub-Saharan-Africa-FINAL.pdf> (accessed 03.09.2022)
4. US-Africa Leaders Summit Overview. <https://www.state.gov/africasummit/> (accessed 13.12.2022)
5. Here Are the Names of All 50 African Leaders Attending US-Africa Summit in Washington. Today News Africa. December 13, 2022. Simon Ateba. Chief White House Correspondent. <https://todaynewsafrika.com/here-are-the-names-of-all-the-50-african-leaders-attending-the-u-s-africa-leaders-summit-in-washington/> (accessed 16.12.2022)
6. Background Press Call on the US-Africa Leaders Summit. December 8, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2022/12/08/background-press-call-on-the-u-s-africa-leaders-summit/> (accessed 11.12.2022)
7. US-Africa Leaders Summit Schedule. <https://www.state.gov/africasummit/schedule/> (accessed 16.12.2022)
8. Remarks by President Biden at the US-Africa Business Forum. December 14, 2022. <https://whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/12/14/remarks-by-president-biden-at-the-u-s-africa-business-forum/> (accessed 17.12.2022)
9. Remarks by President Biden and President Sall of the Republic of Senegal at the US-Africa Leaders Summit Dinner. December 14, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/12/14/remarks-by-president-biden-and-president-sall-of-the-republic-of-senegal-at-the-u-s-africa-leaders-summit-dinner/> (accessed 18.12.2022)
10. Readout of Meeting Between President Joseph R.Biden Jr. with the Presidents of Democratic Republic of the Congo, Gabon, Liberia, Madagascar, Nigeria and Sierra Leone. December 15, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/12/15/readout-of-meeting-between-president-joseph-r-biden-jr-and-the-presidents-of-the-democratic-republic-of-the-congo-gabon-liberia-madagascar-nigeria-and-sierra-leone/> (accessed 18.12.2022)
11. Remarks by President Biden at the US-Africa Leaders Summit Session on Partnering with Africa Union's Agenda 2063. December 15, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/12/15/remarks-by->

⁴ ИТАР-ТАСС. 23.12.2022. Политика: США-Россия-Африка-Посол.

- president-biden-at-the-u-s-africa-summit-leaders-session-on-partnering-on-the-african-unions-agenda-2063/ (accessed 19.12.2022)
12. Remarks by President Biden at the US-Africa Leaders Summit Closing Session on Promotion Food Security and Food Systems Resilience. December 15, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/12/15/remarks-by-president-biden-at-the-u-s-africa-leaders-summit-closing-session-on-promoting-food-security-and-food-systems-resilience/> (accessed 19.12.2022)
 13. Remarks by Vice President Harris at the U.S.-Africa Leaders Summit African and Diaspora Young Leaders Forum. December 13. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/12/13/remarks-by-vice-president-harris-at-the-u-s-africa-leaders-summit-african-and-diaspora-young-leaders-forum/> (accessed 17.12.2022)
 14. Secretary Antony J.Blinken at a Press. December 15, 2022. <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-a-press-availability-26/> (accessed 18.12.2022)
 15. Secretary A.J.Blinken and Ghana President Nana Akufo-Addo Before their Meeting. Remarks. December 14, 2022. <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-ghanaian-president-nana-akufo-addo-before-their-meeting/> (accessed 15.12.2022)
 16. Religious Freedom Designations. Press Statement. Antony J.Blinken. Secretary of State. December 2, 2022. <https://www.state.gov/religious-freedom-designations-2/> (accessed 10.12.2022)
 17. Fact Sheet: U.S.–Africa Partnership in Promoting Two-Way Trade and Investment in Africa. December 14, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/12/14/fact-sheet-u-s-africa-partnership-in-promoting-two-way-trade-and-investment-in-africa/> (accessed 18.12.2022)
 18. Readout of the African Growth and Opportunity Act. Ministerial Meeting During the US-Africa Leadership Summit. December 13, 2022. <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2022/december/readout-african-growth-and-opportunity-act-ministerial-during-us-africa-leaders-summit> (accessed 19.12.2022)
 19. Fact Sheet: US-Africa Partnership in Elevating Diaspora Engagement. December 13, 2022. <https://whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/12/13/fact-sheet-u-s-africa-partnership-in-elevating-diaspora-engagement/> (accessed 18.12.2022)
 20. Fact Sheet: U.S.-Africa Partnership in Promoting Peace, Security, and Democratic Governance. December 15, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/12/15/fact-sheet-u-s-africa-partnership-in-promoting-peace-security-and-democratic-governance/> (accessed 19.12.2022)
 21. Nigeria and Rwanda: First African Nations Sign the Artemis Accords. 13 December, 2022. <https://www.state.gov/nigeria-and-rwanda-first-african-nations-sign-the-artemis-accords/> (accessed 18.12.2022)
 22. Fact Sheet: U.S-Africa Partnership in Health Cooperation. December 13, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/12/13/fact-sheet-u-s-africa-partnership-in-health-cooperation/> (accessed 20.12.2022)
 23. Secretary Blinken at the Conservation, Climate Adaptation and Just Energy Transition Forum. December 13, 2022. <https://www.state.gov/secretary-blinken-at-the-conservation-climate-adaptation-and-just-energy-transition-forum/> (accessed 21.12.2022)
 24. Fact Sheet: US-Africa Partnership in Supporting Conservation, Climate Adaptation, and a Just Energy Transition. December 13, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/12/13/fact-sheet-u-s-africa-partnership-in-supporting-conservation-climate-adaptation-and-a-just-energy-transition/> (accessed 21.12.2022)
 25. Vision Statement for the US-Africa Partnership. December 15, 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/12/15/vision-statement-for-the-u-s-africa-partnership/#:~:text=Through%20our%20partnership%2C%20we%20will,with%20greater%20purpose%20than%20before> (accessed 19.12.2022)
 26. Statement: Special Presidential Representative for US-Africa Leaders Summit Implementation. 15 December 2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/12/15/statement-special-presidential-representative-for-u-s-africa-leaders-summit-implementation/> (accessed 20.12.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Урнов Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Andrey Yu. Urnov, Dr.Sc. (History), Principal Researcher, Center for the Study of Russian-African Relations and Foreign Policy of African Countries, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 25.12.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.01.2023

Принята к публикации
(Accepted) 02.02.23

Индия: международное научно-техническое сотрудничество

© Кириченко И.В.^{a,b}, Шавлай Э.П.^{a,c}, 2023

^a Институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0002-6017-6505; irakir54@mail.ru

^c ORCID: 0000-0001-5380-7009; e.p.shavlay@imemo.ru

Резюме. В статье рассматривается роль международного научно-технического сотрудничества (МНТС) в достижении целей научной и инновационной политики Индии. Индия стремится стать одним из лидеров мировой экономики, но, войдя в пятерку стран с самым большим объемом ВВП, она всё еще отстает от ведущих глобальных игроков по качеству и масштабам инновационного потенциала. МНТС стало для страны ключевым инструментом преодоления отставания в инновационном развитии. Проанализировано текущее состояние МНТС в стране, показаны его формы и цели. Выделены основные акторы МНТС в Индии и факторы их вовлеченности в организацию сотрудничества. Выявлены критерии, на которые ориентируются акторы МНТС в Индии, определяющие выбор контрагентов. Показано, что ради достижения технологического суверенитета Индия расширяет географию МНТС, налаживая связи со странами БРИКС. В заключение раскрываются возможности МНТС России и Индии, направления его активизации.

Ключевые слова: международное научно-техническое сотрудничество, Индия, Россия

Для цитирования: Кириченко И.В., Шавлай Э.П. Индия: международное научно-техническое сотрудничество. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 2. С. 34–41. DOI: 10.31857/S032150750024406-8

India: International Scientific and Technical Cooperation

© Irina V. Kirichenko^{a,b}, Ellina P. Shavlay^{a,c}, 2023

^a IMEMO, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0002-6017-6505; irakir@imemo.ru

^c ORCID: 0000-0001-5380-7009; e.p.shavlay@imemo.ru

Abstract. The article aims to examine India's international scientific and technical cooperation (ISTC) and its role in its national technological sovereignty. India has long claimed the status of a great power and, as a result, is striving to strengthen its positions in areas of strategic importance. Meanwhile, today, in terms of quality and volumetric characteristics, Indian achievements are significantly inferior to both the most developed countries and China, India's key competitor. Against this contradictory background, an effective organization of international scientific and technological cooperation is becoming increasingly crucial to tap the country's potential. In this regard, India tends to choose co-authors in scientifically and technologically advanced countries as well as to pursue a policy aimed at shaping the global scientific, technical, and innovation agenda in favor of its domestic socio-economic needs. With a view to reducing its excessive dependence on the leading economies in R&D, India attempts to expand the ISTC geography by establishing contacts with the BRICS countries. Given that amidst current political developments, India refused to stop the collaboration with our country even under the Western pressure, it is necessary for Russia to further deepen the dialogue.

Keywords: India, international scientific and technical cooperation, Russia

For citation: Kirichenko I.V., Shavlay E.P. India: International Scientific and Technical Cooperation. *Asia and Africa today*. 2023. № 2. Pp. 34–41. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024406-8

ВВЕДЕНИЕ

Индия претендует на статус великой державы и, как следствие, стремится к усилению своих позиций в сферах, имеющих стратегическое значение, в том числе наращивая научно-технологический потенциал. Между тем на сегодняшний день по качественным и во многом объемным характеристикам

индийские достижения существенно уступают и наиболее развитым странам, и ключевому конкуренту Индии – КНР.

Ресурсное обеспечение научно-технологического развития Индии не адекватно темпам роста индийской экономики и амбициозным задачам развития. После экономического кризиса 2008–2009 гг. наблюдалось устойчивое снижение наукоёмкости индийской экономики (национальных затрат на исследования и разработки (ИР) как доли ВВП) до 0,65% ВВП в 2018 г.¹ С этого времени значения стабилизировались на уровне 0,7% ВВП². Однако по доле ИР в ВВП Индия находится на последнем месте среди экономик БРИКС.

Объем национальных затрат на ИР в Индии также относительно невысок, он составил \$64 млрд в 2021 г., что ниже китайского уровня почти в 6 раз (а в процентном отношении к ВВП – более чем в 3 раза)³. Впрочем, рост этого показателя выглядит впечатляюще за счет быстрого экономического роста страны. Так, в постоянных ценах 2005 г. по паритету покупательной способности с 2000 по 2018 г. затраты на ИР выросли почти в три раза⁴. При этом структура затрат на ИР несколько архаична: на долю государства приходится 56% (с учетом бюджетных средств, выделяемых вузам для распределения на собственные ИР – еще выше), на бизнес – около 35–37%. В развитых странах и КНР пропорции обратные: бизнес финансирует от 60% национальных ИР), вклад институтов высшего образования – чуть выше 7%⁵. Помимо прочего, это свидетельствует о сравнительно низком научно-технологическом потенциале и инновационной конкурентоспособности индийского корпоративного сектора⁶ (основной спонсор частных ИР) и невозможности в обозримой перспективе существенно нарастить национальные затраты на ИР и наукоёмкость ВВП. Тем не менее, прежде всего за счет инвестиций в развитие человеческого капитала и совершенствования институтов, роль Индии в мировой экономике выросла, улучшились и её позиции в таких формальных рейтингах, как Глобальный индекс инноваций (ГИИ): в ГИИ, укрепление позиций в котором индийское правительство определило как показатель эффективности инновационной политики, страна поднялась с 81-го места в 2015 г. до 46-го в 2021 г. (3-е место среди стран БРИКС после КНР и РФ)⁷.

На этом противоречивом фоне высокую значимость для наращивания научно-технологического потенциала Индии приобретает эффективная организация международного научно-технического сотрудничества (МНТС). В принципе, развитие научно-технологического потенциала любой страны в настоящее время невозможно без международной кооперации [1]. Глобализация экономики, как показано в литературе, неизбежно влечет за собой глобализацию ИР [2]. Что касается Индии, то страна выстроила обширную сеть международных связей в области науки и технологий. Договоры о двустороннем сотрудничестве подписаны с 83 странами мира, из них с 44 они активно развиваются – прежде всего, с государствами ЕС, США, Южной Кореей, КНР, Японией. Индия стремится участвовать во всех значимых международных научных проектах.

При этом типичными мотивами для стран догоняющего развития, к числу которых пока относится и Индия (или «глобального Юга» по терминологии других исследований), изначально становятся: освоение опыта ведущих стран в методах исследований и применении передового научного оборудования; получение доступа к глобальному научно-информационному обеспечению; понимание, какие направления науки находятся в фокусе внимания глобальных лидеров, чтобы ориентироваться на них при определении контуров научно-технологической и инновационной политики [3; 4].

¹ Research and development expenditure (% GDP) – India. World Bank. <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?locations=IN>

² Economics Survey 2020-21. Volume 1, pp. 266–267. Ministry of Finance, Government of India. 01.2021. <https://www.india-budget.gov.in/budget2021-22/economicsurvey/index.php>

³ Gross expenditure on research and development (R&D) in India in 2020 and 2021, with a forecast for 2022. Statista. 01.2023. <https://www.statista.com/statistics/1350203/india-gross-expenditure-on-randd/>

⁴ India. GERD in '000 PPP\$ (in constant prices – 2005). UNESCO – Science, technology and innovation. http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=SCN_DS#

⁵ Economics Survey 2020-21. Vol. 1, pp. 267–268. Ministry of Finance, Government of India. 01.2021. <https://www.india-budget.gov.in/budget2021-22/economicsurvey/index.php>

⁶ Корпоративный сектор охватывает хозяйственную деятельность коммерческих предприятий (*прим. авт.*).

⁷ India. Global Innovation Index 2021. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021/in.pdf

В качестве основного индикатора состояния МНТС исследователи принимают статистические данные о статьях, написанных в соавторстве учеными разных стран. Действительно, академические совместные исследования предполагают публикацию результатов в виде статей в рецензируемых журналах. Именно анализ этих данных становится основой для выявления трендов МНТС в многочисленных аналитических статьях, рассматривающих ситуацию в разных странах [5; 6].

В частности, по Индии библиометрические исследования⁸ показывают, что за последние два десятилетия индийские ученые существенно нарастили свое присутствие на международной арене. Так, в начале 2000-х гг. доля научных статей, опубликованных международными коллективами, в состав которых входили индийские ученые, в общем числе публикаций индийских исследователей составляла 20,7%, а в начале 2020-х – уже 32,3% [7].

Библиометрические исследования по материалам многих стран показали, что для исследователей из «ведомых» стран самыми привлекательными соавторами становятся ученые из наиболее развитых в научно-техническом отношении стран: Великобритании, США, Австралии, Германии и Китая [8]. Соответствующие данные об Индии отвечают этой эмпирически выведенной закономерности. В топ-5 стран по числу совместных публикаций индийских ученых с их зарубежными коллегами входят США (31%), Великобритания (12%), Германия (11%), Южная Корея (10%) и Китай (10%) [8].

А, например, вторая по численности этническая группа ученых-нерезидентов, участвующих в проектах институтов Общества Макса Планка в Германии – индийцы: за последние 5 лет их численность выросла на 21% [9]. Очевидно, что Индия стремится в первую очередь наладить взаимодействие с научными кругами стран с наибольшим «весом» в мировой экономике и наиболее результативными ИР.

Впрочем, в последних программных документах Индии заметен определенный перелом в целевых установках, определяющих роль страны в МНТС: формулируется курс на достижение технологического суверенитета, прослеживается стремление утвердиться в качестве альтернативного Китаю западного центра развития. В итоге мы видим пусть и незначительное, но постепенное снижение числа совместных публикаций с западными специалистами и исследователями из развитых стран Азии в пользу публикаций с учеными из стран Глобального Юга. Заметим, что тренд на МНТС Юг-Юг как новое явление (и значимую роль в этом играли индийские инициативы) был зафиксирован еще в начале 2010-х гг. [10]. А в настоящее время Индия делает ставку на формирование глобальной научно-технической и инновационной повестки, связанной с целями внутренней социально-экономической политики, и в конечном счете на участие в международных проектах с позиций научной силы, а также на формирование сетей МНТС уже на этой основе [11].

Правда, при всем стремлении к лидерству в науке и технологиях в Индии достаточно реалистично и весьма прагматично смотрят на механизмы его обретения. Среди этих механизмов особое место занимают такие государственные программы как *Make in India*, *Digital India*, *Startup India*, стратегическими целями которых являются достижение технологического суверенитета и формирование экономики, драйвером которой являются инновации. Взятый правительством Индии курс на локализацию технологических разработок ставит целью как достижение определенного уровня независимости и повышение потенциала экономического роста, так и предоставление рабочих мест образованной молодежи. Одним из инструментов достижения этих целей естественным образом становится не только научно-техническое развитие с опорой на собственные силы, но и МНТС, обеспечивающее выход на уровень конкурентоспособности самых инновационных экономик мира.

Например, Индия сотрудничает с экономически сильными странами в продвижении своих научно-технических достижений на мировые рынки. Так, в недавнем соглашении о взаимодействии с Великобританией в области инвестиций содержится пункт о софинансировании британской стороной программы в \$100 млн, рассчитанной на 14 лет и направленной на масштабирование и вывод инновационных проектов, разработанных в рамках программы *Make in India*, на рынки третьих стран в Азии, Африке и Индо-Тихоокеанском регионе [12]. Заметим, что недостаток навыков коммерциализации научно-технических разработок считается слабым звеном научно-технологической сферы Индии. Таким об-

⁸ Анализ массивов публикаций статистическими методами (*прим. авт.*).

разом, за счет налаживания МНТС индийская сторона стремится устранить этот недостаток, опираясь на опыт партнеров и наращивая навыки в этой сфере.

С другой стороны, стремление западных стран использовать Индию как антикитайский плацдарм приводит к тому, что они с готовностью делятся с индийцами своими технологиями, в т.ч. за счет переноса туда производства из Китая. Однако в целом пока что речь идет об относительно простых полупроводниковых производствах, отдельных фармацевтических, химических и машиностроительных мощностях, частично – аэрокосмических технологиях (включая спутниковые системы). Это связано с тем, что западные партнеры, в т.ч. по итогам опыта диалога с КНР, не спешат делиться самыми передовыми технологиями.

ФОРМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ МНТС ИНДИИ

В силу того, что государство в Индии пока играет существенно большую роль в организации ИР, чем в других странах, инициатива по налаживанию научных связей, организации взаимодействия и финансирования МНТС с индийской стороны исходит в первую очередь от различных государственных учреждений. Прежде всего, это Департамент науки и технологий Министерства науки и техники. Другим институтом, устанавливающим связи индийских исследовательских организаций с зарубежными коллегами, является Совет по науке и промышленным исследованиям (государственная структура, объединяющая сеть исследовательских центров по всей стране в разных областях науки).

В организации МНТС с индийской стороны также участвуют Министерство наук о Земле, Департамент биотехнологий Министерства науки и техники, Министерство электроники и информатики, Индийский совет по медицинским исследованиям, Индийский совет по аграрным исследованиям и Индийская национальная академия наук. Роль государственных институтов состоит в обеспечении заключения договоров о сотрудничестве в области ИР на разных уровнях: глав государств, министерств и ведомств, ассоциаций отраслевых (в т.ч. включающих бизнес-структуры) и исследовательских организаций, научных советов по конкретным направлениям исследований, крупных национальных исследовательских центров. В договорах о сотрудничестве, заключенных от лица государственных органов, заметно стремление стимулировать на базе МНТС индийский бизнес участвовать в развитии инновационного потенциала страны: в них содержатся пункты о стимулировании появления стартапов по результатам сотрудничества, о помощи в коммерциализации созданных технологий и пр.⁹

Направления, по которым развивается МНТС, и привлекаемые к сотрудничеству зарубежные организации отбираются в соответствии с рядом критериев. Прежде всего, это уровень исследований в определенной области в стране-партнере и соответствие темы исследований приоритетным целям программ развития науки и техники Индии. Основной акцент делается на биотехнологии, оборонные исследования и развитие передовой промышленности, использующей технологии искусственного интеллекта (ИИ) и интернета вещей (*IoT*). Иными словами, на направления, входящие в повестку дня в передовых странах.

Впрочем, большое значение имеют и другие критерии: в частности, приоритет отдается партнерам, полностью или частично, путем учреждения совместных фондов, финансирующим работы индийских ученых. Скажем, недавно заключенный договор о сотрудничестве с Европейской организацией молекулярной биологии (ЕОМБ) оказался значимым не только потому, что она одна из ведущих организаций в области проведения исследований соответствующего профиля, но и потому, что сотрудничество с нею открывает путь к схемам финансирования ЕОМБ, что создает новые возможности для индийских ученых. Кроме того, значение имеет доступ к научной мегаинфраструктуре, недостаточно развитой в Индии.

⁹ New MoU will help Industry and research institutes from India & Singapore to jointly develop products related to economic & societal challenges. Department of Science & Technology. <https://dst.gov.in/new-mou-will-help-industry-and-research-institutes-india-singapore-jointly-develop-products-related> (accessed 29.09.2022); Bilateral, Multilateral and other Partnerships. Department of Biotechnology. <https://dbtindia.gov.in/schemes-programmes/international-cooperation/bilateralmultilateral-cooperations> (accessed 22.09.2022)

Вышеназванные критерии пока преобладают. Хотя постепенно появляются и другие. Так, Совет по науке и промышленным исследованиям связывает индийских ученых не только с учеными из развитых стран, но и заявляет в качестве своей миссии поддержку ИР в развивающихся странах.

Естественно, активно налаживают международное сотрудничество государственные научные центры. Например, из топ-10 национальных исследовательских институтов в 6 доля публикаций с зарубежными соавторами в общем числе публикаций существенно превышает долю публикаций только индийских ученых, составляя более 80% в 5 из них и почти 70% – в одном, правда, в 4 – соотношение обратное: доля совместных публикаций в международном коллективе составляет от 30 до 40% [13].

Особая государственная программа, осуществляемая Министерством науки и технологии, – Специальная программа развития академического и исследовательского сотрудничества (*SPARC*) [14]. Речь идет о развитии сотрудничества между индийскими и зарубежными университетами. В ней участвуют 470 университетов из 29 стран и 450 – индийских. География этой программы несколько уже, чем география межстрановых договоров о научно-техническом сотрудничестве. Это, по-видимому, объясняется задачами налаживания межуниверситетских связей. Его главная цель – привлечь в индийские университеты преподавательский состав из зарубежных вузов для передачи индийским студентам, а также университетским научным кадрам и преподавателям опыта и культуры проведения исследований. Соответственно, установлены определенные критерии: как индийские, так и зарубежные университеты должны входить в первую тысячу в авторитетных рейтингах *Times Higher Education* или *QS*.

Поощряется также получение высшего образования за рубежом. В результате создана одна из основ развития МНТС – мощная индийская научная диаспора. Особенно выражен этот феномен в ИКТ – с элементами маятниковой миграции (возвращение на родину специалистов с опытом работы в глобальных корпорациях, которые зачастую создают на родине стартапы и высокотехнологичные компании, ориентированные на запросы индийского рынка) и сохранением тесных связей со страной происхождения.

Активно поощряется локализация зарубежных центров ИР транснациональных компаний (ТНК). Отметим, что входящий в делегацию Индии на Давосском форуме-2022 министр развития промышленности и внутренней торговли Анураг Джаин специально встречался с представителями ТНК, чтобы побудить их размещать исследовательские лаборатории в стране [15]. Одним из основных аргументов в пользу такого решения служило то, что страна становится одним из крупнейших международных хабов размещения исследовательских мощностей. Действительно, в стране действуют уже более 400 центров ИР ТНК. Ожидается, что к 2025 г. их станет 500¹⁰.

ТНК, в свою очередь, проявляют активный интерес к такой форме сотрудничества. Дело в том, что, несмотря на отставание от развитых стран по ряду направлений научно-технологического развития, Индия, благодаря установкам ранних вариантов инновационной политики (до 2013 г.), заключавшимся в фокусировании поддержки на определенных отраслях исследований и инноваций, добилась существенных успехов в некоторых высокотехнологичных сферах – прежде всего, таких как ИТ (программное обеспечение), фармацевтика, биотехнологии, космос, ядерная энергетика, инженерия. В результате ТНК заинтересованы в использовании кадрового потенциала, накопленных знаний и наработок, существующих в этих отраслях индийской экономики. В этих центрах разрабатываются продукты как для локального, так и для глобального рынков – последнее в первую очередь характерно для ИТ-сферы.

Исследовательские центры международных корпораций вносят существенный вклад в развитие местных стартапов, выделяя, пусть и относительно небольшие, средства на их поддержку. Тем самым экосистема инноваций в Индии получает дополнительный импульс к росту. К тому же деятельность исследовательских центров ТНК способствует формированию культуры инноваций в стране. Но следует отметить, что речь идет об их вкладе в конечную стадию ИР – разработку и внедрение конечного продукта, а вот размещать лаборатории, в которых проводятся фундаментальные исследования, они предпочитают в других, более продвинутых в этом плане странах [16].

¹⁰ Mohapatra D. India riding high on global R&D wave. Bizz Buzz. 03.2022. <https://www.bizzbuzz.news/industry/india-riding-high-on-global-rd-wave-1123312>

ВОЗМОЖНОСТИ НАЛАЖИВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ИНДИИ И РОССИИ

В последние несколько лет в Министерстве науки и техники Индии взят курс на активизацию научной кооперации с Россией в русле политики расширения географии МНТС за счет налаживания контактов со странами БРИКС, глобального Юга и пр., в стремлении уйти от слишком сильной зависимости в сфере ИР от ведущих экономик мира. Тем более что на данный момент существует опыт реализации программ, связанных с интересами обеих сторон.

Например, по-прежнему поддерживается и высоко ценится сотрудничество в области создания новых материалов на базе совместного расположенного в Хайдарабаде Центра перспективных исследований по порошковой металлургии и новым материалам, основанного еще в 1996 г. Заметим, что МНТС с Россией Индия не прервала даже в условиях давления со стороны Запада на фоне текущей политической ситуации.

При этом важно, чтобы МНТС с Индией опирались на системную и комплексную основу. Для этого, по нашему мнению, целесообразно провести инвентаризацию существующих совместных проектов и инициатив (в т.ч. реализуемых по линии компаний с государственным участием) на предмет их расширения и углубления. При выборе сфер сотрудничества РФ стоило бы обратить внимание на выделенные индийским правительством 27 секторов (в частности, аэрокосмическая отрасль, биотехнологии, текстиль, нефтехимия, коммуникации, образование и пр.), которые, по сути, являются приоритетными направлениями развития. Особый акцент также следовало бы сделать на решении проблем экологической повестки (в частности, достижение Целей устойчивого развития ООН), обеспеченности ресурсами и энергетической безопасности (не только углеводородная, но и альтернативная энергетика), а также высокотехнологичных отраслях (робототехника, нанотехнологии и пр.), имеющих высокий экспортный потенциал.

Как было показано выше, индийская сторона главным образом ищет сферы сотрудничества, лежащие в зоне взаимных научных и технологических интересов. Например, под этот критерий подпадает Арктическая программа Индии¹¹. Одной из задач этой программы является расчет с помощью ИИ перспектив таяния арктических льдов, но для их решения, естественно, необходимы компетенции в изучении Арктики, которые есть у российской стороны.

Партнерство в сфере биотехнологий и аграрных исследований – еще одно важное направление, востребованное индийской стороной. Вопрос обеспечения продовольственной безопасности стоит в Индии чрезвычайно остро, часть индийских фермеров недовольна политикой американских биотехнологических гигантов («*Monsanto*» и др.) – всё это способствует потенциальному взаимодействию России и Индии, особенно в условиях политики импортозамещения и активной поддержки сельского хозяйства в нашей стране.

Поскольку одной из актуальных задач в Индии является развитие фундаментальной науки, а в России еще сохранились научные школы в ряде направлений фундаментальных исследований, целесообразно было бы наращивать партнерство в фундаментальных космических, физических (в т.ч. в работе на мегаустановках РФ или создания новых физических мощностей и космических миссий) и иных технических ИР.

Будучи важным партнером Запада, Индия может стать промежуточным экспортером технологий (что отчасти и наблюдается) и инвестиций, а также поставщиком ряда собственных решений – пусть и из западных компонентов, подсистем и пр. Импорт из Индии или совместная разработка и производство расходных материалов, научного оборудования (для импорта – в т.ч. современного, но бывшего в употреблении).

В условиях западных санкций эта задача оказывается одной из наиболее значимых. Существенным подспорьем может стать и формат де-факто трехстороннего взаимодействия с привлечением стран, ко-

¹¹ Арктическая программа Индии, принятая в 2022 г., – стратегия индийского правительства, направленная на расширение сотрудничества с государствами Арктического региона в экономической, политической и экологической сферах, укрепление научно-исследовательского потенциала в области изменения климата и защиты окружающей среды и принятие комплекса мер для обеспечения энергетической безопасности страны и доступа к глобальным морским перевозкам (*прим. авт.*).

торые, с одной стороны, поддерживают дружественные или нейтральные отношения с Россией и Индией, а с другой – ценны для внешней политики США и могут не опасаться попадания под санкции (Израиль, частично Вьетнам, арабские страны Персидского залива, возможно, Филиппины и Малайзия), либо уже находятся под санкциями (Иран, отчасти КНР).

Индия, будучи одним из лидеров разработки и производства лекарственных средств, заинтересована в широком партнерстве с Россией в этой сфере, рассчитывая как расширить доступ своих препаратов на российский рынок, так и использовать разработки российских ученых. Здесь как важную веху отмечают сотрудничество с Россией в разработке индийской оральной вакцины против полиомиелита и рассчитывают продолжить сотрудничество в создании других вакцин. Россия, в свою очередь, могла бы обеспечить разработку некоторых препаратов (в т.ч. очень востребованных в Индии вакцин), активных фармацевтических субстанций (*API*) и иных отдельных товаров малотоннажной химии для нужд индийской фармацевтической промышленности, а также их мелкосерийное производство. Последнее, в частности, позволило бы Индии снизить зависимость от китайского импорта (свыше 60% *API*, используемых в стране) и увеличить экспорт, в т.ч. и в РФ.

Полезно было бы разработать программу партнерства в социальных и гуманитарных науках между Россией и Индией. В настоящий момент индийские ученые заимствуют западные наработки в области социальной и гуманитарной теории, при этом существует запрос на альтернативные теоретические концепции. Разработка силами ученых двух стран собственных теорий, которые, с одной стороны, сочетались бы с наиболее перспективными с точки зрения интересов России и Индии западными концепциями, а с другой – представляли бы альтернативу господствующему западному мейнстриму, позволила бы поколебать доминирование Запада в идейно-политической сфере. Стоит развивать совместные проекты в социальных и гуманитарных науках: именно благодаря им возникает интерес к изучению страны, её лучшее понимание, так как они обеспечивают больший охват населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря тому, что Индия стремится к технологическому суверенитету, сложилась благоприятная ситуация для укрепления уже имеющихся связей России с Индией и их последующего расширения. С одной стороны, Индия заинтересована в расширении географии МНТС, а также тематики сотрудничества со странами БРИКС, странами глобального Юга. С другой – несмотря на то, что Индия пока отстает от лидеров мировой экономики по масштабам научно-технического потенциала, – эта динамично развивающаяся страна уже достигла существенных результатов, развивая такие сферы, как информационные технологии и фармацевтика. Таким образом, существует широкое поле для взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами в сфере науки и техники.

В этой работе приводятся критерии, по которым индийская сторона отбирает проекты для сотрудничества в научно-технической сфере с другими странами. На наш взгляд, российская сторона может представить широкий спектр тем и направлений для совместных проектов, удовлетворяющих этим критериям. Речь идет как о сотрудничестве в фундаментальных исследованиях, в развитии которых нуждается индийская сторона, так и ИР в области высоких технологий.

REFERENCES

1. Chen K., Zhang Y., Fu X. 2018. International research collaboration: An emerging domain of innovation studies? *Research Policy*. Vol. 48, № 1. Pp. 149–168.
2. International Cooperation in Science, Technology and Innovation: Strategies for a Changing World. Report of the Expert Group established to support the further development of an EU international STI cooperation strategy. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2012. P. 21.
3. Birnholtz J. 2007. When do Researches Collaborate? Toward a Model of Collaboration Propensity. *Journal of American Society for Information Science and Technology*. Vol. 58, № 14. Pp. 2226–2239.
4. Hailey A., Alemu S.K., Zerihun Z., 2022. Uusimäki L. Internationalisation through research collaboration. *Educational Review*. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00131911.2022.2054958> (accessed 05.10.2022)

5. Singh M., Hasan N. 2015. Trend in research output and collaboration pattern among BRICS countries: A scientometric study. In: 2015 4th International Symposium on Emerging Trends and Technologies in Libraries and Information Services. IEEE. Pp. 217–221.
6. Jonkers K., Tussen R. 2008. Chinese researchers returning home: Impacts of international mobility on research collaboration and scientific productivity. *Scientometrics*. Vol. 77, № 2. Pp. 299–323.
7. Duaa J., Singha V., Hiran H. 2022. Measuring and Characterizing International Collaboration Patterns in Indian Scientific Research: Which proximity dimensions matter? <https://arxiv.org/abs/2204.00450> (accessed 05.10.2022)
8. Fu Y., Marques M., Tseng Y. et al. 2022. An evolving international research collaboration network: spatial and thematic developments in co-authored higher education research, 1998–2018. *Scientometrics*. Vol. 127, № 1. https://www.researchgate.net/publication/358131816_An_evolutionary_international_research_collaboration_network_spatial_and_thematic_developments_in_co-authored_higher_education_research_1998-2018/link/61f1b3ab9a753545e2fc97f6/download (accessed 15.09.2022)
9. Cooperation with India. <https://www.mpg.de/india> (accessed 22.09.2022)
10. Knowledge, Networks and Nations: Global Scientific Collaboration in 21st Century. *The Royal Society*. 2011. P. 54.
11. Science, Technology, and Innovation Policy (draft). Government of India Ministry of Science & Technology, Department of Science & Technology. 2020, December.
12. India, UK Chart Roadmap of Global Innovation Partnership, Trade Deal by Year End, Boost to India's Self Reliance. *Swarajyamag*, 23.04.2022. <https://swarajyamag.com/business/india-uk-chart-roadmap-of-global-innovation-partnership-trade-deal-by-year-end-boost-to-indias-self-reliance> (accessed 22.09.2022)
13. Nature Index. <https://www.nature.com/nature-index/institution-outputs/india/> (accessed 01.10.2022)
14. Government of India. Ministry of Human Resources. SPARC. <https://sparc.iitkgp.ac.in/index.php> (accessed 01.10.2022)
15. Have urged multi-national companies to set up R&D centres in India: DPIIT Secretary. *Financial Express*. 2022, June 1. <https://www.financialexpress.com/economy/have-urged-multi-national-companies-to-set-up-rd-centres-in-india-dpiit-secretary/2544862/> (accessed 29.09.2022)
16. India to become the most important R&D centre globally: ABB India. 02.03.2022. <https://www.thehindu-businessline.com/companies/india-to-become-the-most-important-rd-centre-globally-abb-india/article65183143.ece> (accessed 10.10.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кириченко Ирина Вадимовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, отдел науки и инноваций, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова, Москва, Россия.

Irina V. Kirichenko, PhD (Economics), Senior Research Fellow, Department of Science and Innovation, IMEMO, Moscow, Russia.

Шавлай Элина Петровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, отдел науки и инноваций, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова, Москва, Россия.

Ellina P. Shavlay, PhD (History), Research Fellow, Department of Science and Innovation, IMEMO, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
Received) 22.10.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.01.2023

Принята к публикации
(Accepted) 27.01.2023

Анвар Ибрагим – новый премьер-министр Малайзии

© Погадаев В.А.^а. 2023

^а МГИМО МИД России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-1877-8112; v.pogadaev@my.mgimo.ru

Резюме. По результатам состоявшихся 19 ноября 2022 г. всеобщих выборов в Малайзии к власти пришла коалиция блока «Надежда», Объединенной малайской национальной организации и двух их партий из штатов Сабах и Саравак, а новым премьер-министром страны стал энергичный политик Анвар Ибрагим. Анализируется долгий и трудный путь к власти Анвара, начавшего в конце 1990-х гг. движение за реформы, которого правящий блок неоднократно пытался устранить из политической жизни, в т.ч. отправляя за решетку. Многие политические обозреватели уже поставили крест на карьере политика. Несмотря на это, Анвар смог выстоять, объединить оппозицию вокруг своей Партии народной справедливости и добиться успеха на выборах.

Ключевые слова: Малайзия, Анвар Ибрагим, всеобщие выборы

Для цитирования: Погадаев В.А. Анвар Ибрагим – новый премьер-министр Малайзии. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 2. С. 42–47. DOI: 10.31857/S032150750024408-0

Anwar Ibrahim, the New Prime Minister of Malaysia

© Victor A. Pogadaev^а, 2023

^а MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1877-8112; v.pogadaev@my.mgimo.ru

Abstract. The article is devoted to the results of the general elections held on November 19, 2022 in Malaysia, as a result of which a coalition of the Hope Bloc, the United Malay National Organization and two parties from Sabah and Sarawak came to power, and the charismatic and energetic politician Anwar Ibrahim became the country's new prime minister. The long and difficult path to power of Anwar, who started the reform movement in the late 1990s and whom the ruling bloc repeatedly tried to eliminate from political life, including by sending him to jail, to the point that many political observers have already put an end to the career of a politician, is analyzed. Despite this, Anwar was able to persevere, unite the opposition around his People's Justice Party and succeed in the elections. Now he faces an equally difficult task of doing everything for the prosperity of his country and people.

Keywords: Malaysia, Anwar Ibrahim, general elections

For citation: Pogadaev V.A. Anwar Ibrahim, the New Prime Minister of Malaysia. *Asia and Africa today*. 2023. № 2. Pp. 42–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024408-0

ВВЕДЕНИЕ

Длинный и тернистый путь Анвара Ибрагима на Олимп власти в Малайзии наконец-то увенчался успехом. 24 ноября 2022 г. Верховный правитель (король) Малайзии по итогам прошедших 19 ноября всеобщих выборов назначил Анвара Ибрагима десятым премьер-министром страны.

РОЖДЕНИЕ ЛИДЕРА

Анвар Ибрагим (р. 1947) – энергичный и харизматичный политический деятель – ворвался в политическую жизнь Малайзии в конце 1960-х гг., еще будучи студентом единственного тогда в стране Университета Малайя, созданного на базе знаменитого Университета Малайя в Сингапуре (ныне – Сингапурский национальный университет). Обстановка в университете в те времена была либеральной. Студенты устраивали демонстрации и митинги. У входа в библиотеку располагался «уголок оратора» – он

никогда не пустовал. Один за другим поднимались на трибуну студенты, произнося страстные речи, и не последним среди них был Анвар Ибрагим [1, р. 17].

К 1968 г. он уже возглавлял Национальный союз малайзийских студентов-мусульман и Общество малайского языка Университета Малайя, которые были весьма боевыми в отстаивании интересов малайцев. Окончив университет в 1971 г., Анвар возглавил отдел по связи с общественностью новой молодежной организации «Поколение мусульманской молодежи Малайзии» (АБИМ), созданной при его участии на базе группы членов Национального союза малайзийских студентов-мусульман (первоначально всего 153 человека).

АБИМ по своим позициям была ближе к правой оппозиционной Панмалайзийской исламской партии (ПМИП), нежели к умеренной Объединенной малайской национальной организации (ОМНО), являвшейся главной силой правящего тогда Национального фронта (НФ). В 1972–1973 гг. он был генеральным секретарем АБИМ, в 1974–1982 гг. – президентом [1, р. 19]]. Одновременно с этим в 1972–1978 гг. Анвар возглавил Малайзийский молодежный совет – орган, координировавший деятельность всех молодежных организаций в стране.

Пришло к Анвару и международное признание. В 1973 г. он был избран членом комитета Всемирной ассамблеи мусульманской молодежи и исполнительным директором Международной федерации исламских студенческих организаций. При Анваре численность АБИМ возросла до 35 тыс. человек, организация смогла подчинить своему влиянию студенческое движение, в т.ч. в Университете Малайя [2, р. 53]. И когда в 1974 г. студенты выступили против нищеты и голода, протестовали против сноса домов скваттеров и в защиту крестьян, терявших свои доходы из-за падения цен на сельскохозяйственную продукцию, власти усмотрели в этом руку Анвара Ибрагима и арестовали его на основании Закона о внутренней безопасности, когда он пришел в полицию, чтобы заплатить залог за арестованных студентов (1500 человек!)¹.

Этот закон, принятый в 1960 г. против восставшей компартии, позволял задерживать и содержать в тюрьме до двух лет без суда и следствия любого гражданина Малайзии, действия которого угрожали (или могли угрожать) безопасности страны [3, р. 156]. Это была первая «отсидка» Анвара, и длилась она 22 месяца.

ПЕРВОЕ ВХОЖДЕНИЕ ВО ВЛАСТЬ

И вот новый поворот в политической карьере Анвара Ибрагима. Махатхир Мохамад, ставший премьер-министром в 1981 г., почти сразу же (через год) предложил ему стать членом Объединенной малайской национальной организации. Активный политический деятель, по его мнению, должен быть в правящей партии, а не работать на оппозицию. Махатхиру было важно нейтрализовать харизматического и набиравшего политический вес соперника за пределами правящей коалиции и, как говорят китайцы, «задушить его в своих объятиях». «Я думал, – пишет он своих мемуарах “Домашний доктор”, – что его присутствие будет полезно ОМНО, ибо он больше не сможет действовать в политике за пределами партии» [4, р. 404].

Анвар начал очень быстро завоевывать позиции в ОМНО (в 1984 г. возглавил её молодежное крыло, а в 1986 г. стал вице-президентом партии) и правительстве. На выборах 1981 г. Анвар был избран членом парламента и в 1983 г. назначен министром культуры, по делам молодежи и спорта, в 1984 г. – министром сельского хозяйства, в 1986–1990 гг. был министром образования. Это один из важнейших постов в правительстве, своего рода «трамплин» к должности заместителя премьер-министра, которая, в свою очередь, открывает в перспективе возможность стать и премьер-министром [5, с. 502].

Всё, казалось, шло по давно отработанному сценарию. В 1990 г. Анвар стал министром финансов, а в 1993 г. одновременно и заместителем премьер-министра.

Премьер-министр Махатхир с тревогой следил за ростом его популярности в стране и за рубежом. Он не ожидал от своего протеже такой напористости и стал опасаться за свое положение. 6 октября 1997 г. жур-

¹ Только за десять лет (1988–1998) он был применен в отношении 700 человек. В их числе были не только деятели оппозиции, но и общественные деятели, профсоюзные и студенческие лидеры и др. Закон был отменен лишь в 2012 г. Принятый вместо него Закон о нарушениях безопасности (особых мерах) более мягкий. Он предусматривает задержание любого лица полицией без ордера на основании подозрения в причастности к действиям, подрывающим безопасность, на 24 часа в целях расследования, однако срок расследования может быть продлен на 28 дней (прим. авт.).

нал «Тайм» поместил большую статью «Анвар и будущее Азии» с фотографией А.Ибрагима на обложке. «Человек № 2 в Малайзии – звезда нового поколения лидеров, но предоставит ли Махатхир ему шанс?» – вопрошал журнал [6]. В 1998 г. журнал «Ньюсуик» назвал Анвара Ибрагима «азиатом года» [5, р. 414].

Всё это изменило отношение Махатхира к Анвару: «Тем временем попытки Анвара заставить меня уйти стали всё более очевидными. И хотя меня это не слишком сильно беспокоило, отношения наши стали напряженными, и я начал сомневаться, что он будет хорошим лидером и моим достойным преемником» [5, р. 414]. При этом Махатхир прямо указывает на поддержку Анвара из-за рубежа. «Без сомнения, американцы считали, что он будет лучшим премьер-министром, чем я», – пишет он в своих мемуарах [7].

А тут еще и разногласия по поводу мер урегулирования финансового кризиса 1998 г. Анвар, бывший в то время одновременно и министром финансов, взял курс на следование программе МВФ, одним из пунктов которой было прекращение государственной поддержки крупных проектов, бывших краеугольным камнем стратегии развития Махатхира. Одновременно он выступил за реформацию политики правительства. В случае осуществления этих рекомендаций серьезно пострадали бы компании и банки близких Махатхиру людей. Премьер отказался от рекомендаций МВФ и активно использовал для спасения частного бизнеса финансовые возможности государства. Ему это, в отличие от Сухарто в Индонезии, удалось.

ТЯЖЕЛЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Серьезные разногласия со своим заместителем дали Махатхиру благоприятный повод для его устранения. В середине 1998 г. Анвар Ибрагим был снят со всех своих постов и 20 сентября арестован по обвинению в коррупции. На основании этих обвинений он предстал перед судом. Но мало того, добавились еще обвинения в мужеложстве – серьезном и уголовно наказуемом преступлении в мусульманской стране.

В распространявшейся в то время брошюре «50 причин, почему Анвар Ибрагим не может стать премьер-министром» на него повесили все мыслимые и немыслимые грехи [8]². Анвару пришлось отсидеть за решеткой за коррупцию пять с лишним лет (с апреля 1999 г. по сентябрь 2004 г.). Обвинения в мужеложстве позднее, в 2004 г., с него были сняты за недостаточностью улик.

Арест и заключение Анвара Ибрагима вызвали большое недовольство среди интеллигенции и последователей начатого им движения реформ, проповедником которых стала Партия народной справедливости (ПНС)³, созданная его супругой Ван Азизой в апреле 1998 г. В сентябре 1998 г. в Куала-Лумпуре на демонстрации в защиту Анвара выходили от 30 до 100 тыс. человек. Многих при этом возмущал не столько сам факт заключения А.Ибрагима, сколько то, как грязно это было сделано и как жестоко обращались с ним в тюрьме – его избивали (29 сентября на первом слушании в суде он появился со следами избиения и синяками на лице), не давали встречаться с родными и т.п.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦУНАМИ

В сентябре 2004 г. Анвар Ибрагим был освобожден из тюрьмы и смог вплотную заняться партийным строительством и выработкой тактики партии, хотя официально занял в ней лишь пост советника. Ему удалось договориться с двумя другими главными оппозиционными партиями страны – Партией демократического действия (ПДД) и Панмалайзийской исламской партией (ПМИП) – выступить на очередных всеобщих выборах 2008 г. единым фронтом в рамках т.н. Народного блока. И хотя сам Анвар по существующему законодательству как бывший заключенный еще не мог избираться, он активно участвовал в предвыборной кампании.

Результаты выборов вызвали шок в правящей верхушке. Обозреватели назвали их «политическим цунами»: впервые в истории страны после 1969 г. оппозиция выступила так успешно – 82 места из 222 в федеральном парламенте (на предыдущих выборах 2004 г. у оппозиции было всего 21 место) и контроль над пятью штатами (из 11)! [9, с. 20–23]

² Анвар Ибрагим подал в суд на автора «за клевету» и в 2005 г. выиграл иск, получив в качестве компенсации за моральный ущерб 4,5 млн рингитов (в то время \$1,2 млн). Любопытно, что Махатхир, говоря о гомосексуальных наклонностях своего бывшего зама, ссылается на ту же пресловутую брошюру. См.: [5, с. 505] (*прим. авт.*).

³ Первоначально партия называлась «Национальная партия справедливости». Нынешнее название – с 3 августа 2003 г. после слияния с Народной партией Малайзии (*прим. авт.*).

Через 5 месяцев, когда Анвар уже мог баллотироваться, его супруга сняла с себя полномочия члена парламента от округа Перматанг-Паух, и на дополнительных выборах в этом округе 26 августа 2008 г. Анвар победил соперника от правящего блока и стал членом парламента, где возглавил фракцию от оппозиции.

Период до следующих выборов не был легким для Анвара Ибрагима. Неожиданно 29 июня 2008 г. последовало новое обвинение его в мужеложстве. На этот раз обвинителем выступил его собственный помощник. Только в 2012 г. обвинения были сняты, и Анвар смог беспрепятственно принять участие в новых всеобщих выборах 2013 г.

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Предвыборная кампания была весьма бурной, и опросы общественного мнения давали надежду на победу оппозиции [10]. Молодежь развернула движение «Настало время перемен». Почти социалистические лозунги оппозиции импонировали многим. Однако сенсации не произошло. Правящий Национальный фронт, довольно потрепанный и потерявший несколько мест в парламенте, смог тем не менее сохранить в нём простое большинство и сформировал правительство [11, с. 26–28].

Анвар, являясь лидером оппозиции в парламенте, продолжал активную деятельность и, более того, решил воспользоваться создавшейся ситуацией в городе Каджанге, где один из членов парламента снял свои полномочия, и баллотироваться там. В случае успеха Анвар мог рассчитывать на получение должности главного министра штата Селангор, на территории которого находится Каджанг. Но этим расчетам не суждено было сбыться. Как гром среди ясного неба 8 марта 2014 г. прозвучало решение апелляционного суда, куда обратился с протестом конкурент Анвара, недовольный оправдательным приговором ему по обвинению в мужеложстве. Апелляционный суд, аннулировав решение предыдущего суда о невиновности Анвара, приговорил его к 5 годам тюремного заключения.

Казалось бы, надежды Анвара Ибрагима стать премьер-министром были похоронены этим решением суда. Тем более что политическая ситуация в стране развивалась не совсем благоприятно для оппозиции: Народный блок прекратил существование из-за выхода 16 июня 2015 г. ПМИП – исламской партии, в которой произошла смена руководства. Вместо Народного блока 22 сентября 2015 г. был создан альянс «Надежда» в составе ПДД, ПНС и отколовшейся от ПМИП группировки «Аманах» (Доверие) [12]. Вместе с тем коррупционный скандал, в котором оказался замешан премьер-министр Наджиб Разак, ослабил и правящий блок [13], вызвав протестные движения в партии ОМНО: из неё вышел заместитель премьера Мухиддин Яссин, создавший со своими последователями 8 сентября 2016 г. новую Объединенную партию сынов земли – ОПСЗ (Берсату), которую согласился возглавить Махатхир [14].

«НАДЕЖДА» РОЖДАЕТ НАДЕЖДУ

Эта партия пошла на сотрудничество с альянсом «Надежда» на выборах 2018 г. и нанесла поражение правящему блоку. Премьер-министром второй раз в истории стал Махатхир, его заместителем – Ван Азиза, супруга Анвара Ибрагима, а сам Анвар был освобожден решением Верховного правителя (короля) о помиловании [15]. Махатхир пообещал уступить ему свой пост через два года. Эти выборы политические обозреватели назвали «народным цунами», смывшим находившийся более 60 лет у власти правящий Национальный фронт и приведшим оппозиционный альянс «Надежда» к власти.

Время шло, а Махатхир, судя по всему, своего обещания выполнять не собирался. 21 февраля 2020 г. президентский совет блока «Надежда» на своем заседании потребовал от Махатхира назвать конкретную дату передачи власти, в частности, вскоре после встречи АТЭС в ноябре 2020 г. Это побудило Махатхира пойти на шаги, которые спровоцировали политический кризис. 24 февраля он заявил об отставке кабинета. Верховный правитель оставил его временно исполнять обязанности до разрешения кризиса.

Тем временем ситуация в блоке «Надежда» изменилась коренным образом. Из него вышла часть махатхирской ОПСЗ во главе с М.Ясином и отколовшаяся от ПНС фракция под руководством заместителя президента Азмина, и блок потерял большинство в парламенте. Фракция ОПСЗ во главе с Ясином, объединившись с ПМИП и несколькими партиями Сабаха и Саравака, создала новое объединение – Национальный альянс (НА), который смог убедить Верховного правителя, что имеет большинство в пар-

ламенте. 1 марта король назначил премьер-министром Мухиддина Яссина и поручил ему сформировать новый кабинет [16].

Новое правительство действовало в сложной ситуации пандемии *COVID-19*, и не все были довольны принимаемыми мерами. Из-за потери большинства в парламенте 16 августа 2021 г. Мухиддин Яссин, пробыв на своем посту всего 17 месяцев, подал в отставку [17]. 20 августа 2021 г. ОПСЗ и другие партии НА решили поддержать в качестве нового премьер-министра Исмаила Сабри Якоба из ОМНО, хорошо известного в Малайзии опытного политика, ранее занимавшего пост министра обороны в кабинете М.Яссина [18].

Небывалая в истории Малайзии частая смена премьер-министров иронически называлась политическими обозревателями «игрой престолов» по-малайзийски [19]. Чтобы остановить политический кризис, Верховный правитель принял решение провести в стране досрочные выборы (полномочия парламента истекали лишь 6 июля 2023 г.). Однако уже 10 октября 2022 г. он распустил парламент и назначил выборы на 19 ноября.

Фото. Путраджая (Малайзия). Премьер-министр Малайзии Анвар Ибрагим на пресс-конференции. 2 декабря 2022 г.

Photo. Putrajaya. Prime minister Anwar Ibrahim at a press-conference. December 2, 2022.

Источник: Канцелярия премьер-министра Малайзии. Синьхуа.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Основная борьба на выборах развернулась между альянсом «Надежда», НА, НФ, Объединением партий Саравака (ОПС) и Народным объединением Сабаха (НОС). Ни одна из участвовавших в выборах партий не смогла набрать большинства голосов (112 из 222) (альянс «Надежда» получил 82, НА – 73, НФ – 30, ОПС – 22, НОС – 6, другие – 7), и потребовалось вмешательство короля, чтобы создать коалицию, которая бы имела право на формирование правительства. Показательно поражение Махатхира: не только созданная им накануне выборов Партия борцов отечества не получила ни одного места в парламенте, но и сам Махатхир впервые потерпел поражение в своем округе [20].

В результате в коалиции оказались альянс «Надежда», НФ, ОПС, НОС, а премьер-министром 24 ноября был назначен Анвар Ибрагим как лидер партии, имеющей большинство мест в созданной по совету короля коалиции [21]. В отличие от обычной практики, в правительство, получившее название «кабинета единства», были назначены два заместителя премьер-министра: лидер ОМНО Ахмад Захид Хамиди и лидер ОПС Фадиллах Юсоф [22]. На первой сессии нового парламента 19 декабря Анвар поставил вопрос о вотуме доверия себе как премьер-министру и выиграл его простым большинством голосов [23].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Свою деятельность на посту премьер-министра Анвар начал с популистских шагов: отказался от зарплаты и нового «Мерседеса», заявил, что не будет обновлять ковры и мебель в своем департаменте [24]. Кто-то может сказать, что долгий и тернистый путь Анвара к политическому Олимпу окончен, но это не так. Дабы оправдать веру в него избирателей, доверие короля, ему предстоит трудная работа по выполнению предвыборных обещаний, включая земельную реформу, реформы в области образования и здравоохранения, борьбу с коррупцией.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Funston John. Political Careers of Mahathir Mohamad and Anwar Ibrahim: Parallels, Intersecting and Conflicting Lives. IKMAS Working Papers. Institute of Malaysian and International Studies. *Universiti Kebangsaan Malaysia*. № 15 (July 1998), p. 17.
2. Charles Allers. Anwar Ibrahim: Evolution of a Muslim Democrat. Singapore: Monsoon Books Pte Ltd. 2013.
3. Syed Husin Ali. The Two Faces: Detention Without Trial. Kuala Lumpur: Insan. 1996.
4. Doctor in the House: The Memoirs of Tun Dr. Mahathir Mohamad. Petaling Jaya: MPH Group Pub. 2010.
5. Погадаев В.А. Трудная судьба Анвара Ибрагима. *Многоликая элита Востока*. Том 2. Коллективная монография. Ред. и составитель Е.М.Астафьева. М.: ИВ РАН, 2020.
Pogadaev V.A. 2020. The difficult fate of Anwar Ibrahim. *The many-sided elite of the East*. Vol. 2. Collective monograph. Ed. and compiler E.M.Astafieva. P. 502. Moscow. (In Russ.)
6. Anwar and the Future of Asia. *Time*. October 6, 1997.
7. Newsweek International. December 28, 1998/January 4, 1999.
8. Khalid Jafr. 50 Dalil Mengapa Anwar Tidak Boleh Jadi PM. Kuala Lumpur: Media Pulau Lagenda, 1998.
9. Погадаев В.А. Малайзия в ожидании перемен. *Азия и Африка сегодня*. 2008, № 8.
Pogadaev V.A. 2008. Malaysia in anticipation of change. *Asia and Africa today*. № 8. (In Russ.)
10. UMcedel Survey. *Malaysian Insider*. 25.04.2013.
11. Погадаев В.А. Всеобщие выборы в Малайзии: новый мандат Национального фронта. *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 7.
Pogadaev V.A. 2013. Malaysian General Elections: New Mandate for the National Front. *Asia and Africa today*. № 7. (In Russ.)
12. Melissa Goh. Malaysia's opposition band together under new Pakatan Harapan alliance. <https://channelnewsasia.com/news/asia/malaysia-s-opposition-band-together-under-new-pakatan-harapan-al-8240190> (accessed 22.12.2022)
13. Malaysian taskforce investigates allegations \$700m paid to PM Najib. *The Guardian*, 06.07.2015.
14. Mazwin Nik Anis. Zahid: RoS approves Muhyiddin's party, will be known as PPBM. *The Star*, 08.09.2016.
15. Malaysian king to pardon Anwar Ibrahim after opposition election victory. <https://www.france24.com/en/20180511-malaysia-king-pardon-anwar-ibrahim-after-opposition-election-victory> (accessed 22.12.2022)
16. Teks penuh ucapan Perdana Menteri, Tan Sri Muhyiddin Yassin. *Berita Harian*, 02.03.2020.
17. Muhyiddin pulang dari Putrajaya. *Berita Harian*, 16.08.2021.
18. Agong berkenan Ismail Sabri dilantik Perdana Menteri. *Berita Harian*, 20.08.2021.
19. Nor Arlene Tan. Malaysia's Game of Thrones. Untangling the political machinations that collapsed the Alliance of Hope from within. *The Diplomat*, 01.05.2020.
20. Mohammad Khairil Ashraf Mohd Khalid. Dr Mahathir letak jawatan Pengerusi Pejuang. *Sinar Harian*, 16.12.2022.
21. Anwar Ibrahim appointed as Malaysia's 10th Prime Minister. *Bernamea*. 24.11.2022.
22. Senarai penuh Kabinet Kerajaan Perpaduan. *Berita Harian*. 02.12.2022.
23. Malaysian Prime Minister Anwar sails through confidence vote. *AP NEWS*. 19.12.2022.
24. Tuan Buqhairah Tuan Muhamad Adnan. Anwar ulang tidak ambil gaji PM. *Sinar Harian*, 24.11.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Погадаев Виктор Александрович, кандидат исторических наук, доцент, факультет международных отношений МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Victor A. Pogadaev, PhD (History), Associate Professor, Faculty of International Relations, MGIMO University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 20.12.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.01.2023

Принята к публикации
(Accepted) 31.01.2023

Могольское наследие в Дели: манипуляции с топонимикой

© Козлова А.А.^a, 2023

^a Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3799-6086; ivran.kaa@gmail.com

Резюме. В постколониальном мире игры с топонимикой превратились в глобальное явление. Целью таких манипуляций была попытка вернуть историческую справедливость, убрать ассоциации с гнетущим прошлым из коллективной памяти граждан. После обретения независимости Индию также охватила волна переименований на самых различных уровнях.

Чаще всего изменениям стали подвергаться топонимы, связанные с мусульманскими династиями, которые правили в Индии с XIII по середину XIX в. За это длительное время они оставили весьма заметный след в истории и культуре Индийского субконтинента, и особенно это сказалось на столице – Дели. Этот значимый исторический период был отражен в топонимике города. В последние годы политики, аффилированные с правящей индуусской Бхаратия джаната парти, стремятся вычеркнуть с карты Дели и из памяти делийцев названия улиц, которые связаны с историей Могольской Индии. Колониальный период и все – прошлые и нынешние – беды страны они связывают с приходом мусульман, так что дело вовсе не в неблагозвучности топонимов, а в их «неблагомысленности». В год муниципальный комитет Нью-Дели получает более 300 запросов на переименование улиц и парков.

Ключевые слова: Индия, Дели, моголы, Аурангзеб, топонимика, переименование улиц, БДП

Для цитирования: Козлова А.А. Могольское наследие в Дели: манипуляции с топонимикой. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 2. С. 48–54. DOI: 10.31857/S032150750024409-1

Mughal Heritage in Delhi: Toponymics Manipulation

© Alexandra A. Kozlova^a, 2023

^a Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3799-6086; ivran.kaa@gmail.com

Abstract. In the post-colonial world, when new nations one after another gained independence and got out of the colonialists hand, “toponymic games” have become a global phenomenon. The main goal of such manipulations was to return historical justice, to remove associations with the oppressive past from the collective memory of citizens. Post-colonial India was also affected by renaming stir at various levels. Toponyms associated with Muslim dynasties began to undergo changes at the most.

Muslim dynasties ruled India from the XIII to the mid XIX century. Over this long period of time, they had a great impact on the history and culture of India. Muslim influence especially affected the capital city of Delhi. This significant historical period is also reflected in the toponymy of the city. The article shows how the names of streets associated with the history of Mughal India are being erased from the map of Delhi and from the memory of the inhabitants of Delhi in recent years (often it’s being done at the initiative of politicians affiliated with the pro-Hindu BJP). Each year the New Delhi Municipal Committee receives more than 300 street and park renaming requests. Aurangzeb Road in New Delhi (which name was changed to A.P.J. Abdul Kalam Road in August 2015) was the first to be renamed. In an effort to make nice with the Hindu majority, rename claims are on the rise during India’s election campaigns. Nonmuslims say that all the troubles of the country came to the fore as the result of the Muslim invasion. So, the point of street rename is not in the dissonance of toponyms themselves, but in their meaning.

Keywords: India, Delhi, Mughals, Aurangzeb, toponymics, street rename, BJP

For citation: Kozlova A.A. Mughal Heritage in Delhi: Toponymics Manipulation. *Asia and Africa today*. 2023. № 2. Pp. 48–54. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024409-1

ВВЕДЕНИЕ

«Топонимические игры» превратились в глобальное явление в постколониальном мире, когда новые нации одна за другой становились независимыми и выходили из-под власти колонизаторов. Цель таких манипуляций, как правило, состояла в том, чтобы вернуть историческую справедливость, убрать ассоциации с гнетущим прошлым из коллективной памяти граждан.

Индию после обретения независимости также охватила волна переименований на самых различных уровнях. Меняли как названия штатов и округов, так и названия городов, поселков и улиц. Практика переименований не обошла стороной также и столицу страны – Нью-Дели. После обретения независимости Кингсвэй («Королевский проспект») превратилась в Раджпатх («Путь страны»), Керзон-роуд (вице-король Индии, 1899–1906) была изменена на Кастурба-Ганди-марг¹, Китченер-роуд (командующий британскими войсками в Британской Индии, 1902–1909) трансформировалась в Сардар-Патель-марг².

Некоторые названия из колониального прошлого Индии пока еще сохранились, но вопрос в том – надолго ли?

Очередная волна присвоения городам и улицам новых названий началась в 1990-х гг.; она стала частью масштабной «шафранизации»³ страны, которую инициировала индусская «Бхаратия джаната парти» (Индийская народная партия, БДП), одержавшая победу на выборах в ряде штатов к середине десятилетия и затем на всеиндийских выборах 1998 и 1999 гг. БДП предложила обществу свой вариант реконструкции прошлого, и «шафрановая» история была возведена на пьедестал официальной [1, с. 248]. Заявления, связанные с переименованием, учащаются, когда в Индии проходят предвыборные кампании, что делается с целью «умасливания» индусского большинства. Не стали исключением и последние годы: во многом опираясь на антимусульманские лозунги, по итогам выборов 2014 и 2019 гг. БДП во главе с Нарендрой Моди вновь пришла во власть.

В год муниципальный комитет Нью-Дели получает более 300 запросов на переименование улиц и парков [2]. Политические лидеры, представляющие различные организации, требуют называть улицы именами своих предков, ссылаясь на их «выдающиеся» заслуги.

Чаще всего изменениям стали подвергаться топонимы, связанные с мусульманскими династиями, которые правили в Индии с XIII по середину XIX в.; могольские правители (1526–1858 гг.) увековечили память о себе в многочисленных архитектурных сооружениях.

Этот значимый исторический период был отражен в топонимике города. В последние годы политики, аффилированные с правящей проиндусской БДП, стремятся вычеркнуть с карты Дели и из памяти делийцев названия улиц, которые связаны с историей Могольской Индии. Колониальный период и все – прошлые и нынешние – беды страны они связывают с приходом мусульман, так что дело вовсе не в неблагозвучности топонимов, а в их «неблагосмысленности».

СТРАСТИ ПО АУРАНГЗЕБУ

Первой на «переделку» попала улица **Аурангзёб-роуд**⁴ в Нью-Дели. С 2014 г. в муниципальный комитет столицы стали поступать предложения о её переименовании. В ноябре 2014 г. Делийский комитет по управлению сикхскими гурдварами (храмами) (*DSGMC*) обратился к премьер-министру Индии Н.Моди с ходатайством об изменении её названия на Гуру Тегх Бахадур-роуд [3].

Гуру Тегх Бахадур (1621–1675), 9-й сикхский гуру, был обезглавлен в 1675 г в Дели по приказу императора Аурангзеба. Требование о переименовании улицы поступило к годовщине мученичества гуру, отмечаемой 24 ноября. Генеральный секретарь *DSGMC* М.С.Сирса особо подчеркнул, что правитель

¹ Кастурба Мохандас Ганди (1869–1944) – супруга Махатмы Ганди (*прим. авт.*).

² Валлабхаи Патель, известный также как Сардар Патель (1875–1950) – индийский государственный деятель, заместитель премьер-министра Индии (1947–1950) (*прим. авт.*).

³ Термин происходит от ассоциации цвета шафрана с индуизмом. Понятие «шафранизации» закрепилось за явлением ширящейся экспансии проиндусских организаций в Индии; используется для обозначения политики, направленной на прославление и возвеличивание вклада индуистов в историю Индии (*прим. авт.*).

⁴ Аурангзёб, также известный как Аламгир I, – шестой падишах могольской империи, правивший с 1658 по 1707 г. (*прим. авт.*).

Великих Моголов Аурангзеб был жесток по отношению к индусам, сикхам и мусульманам, и «поэтому общественное место, названное в честь Аурангзеба, в светской Индии неуместно» [3].

Следующее требование переименовать Аурангзеб-роуд исходило от депутата БДП в Восточном Дели Махейша Гирри – в 2015 г. он предложил назвать улицу в честь незадолго до того скончавшегося 11-го президента страны (2002–2007) А.П.Дж.Абдул Калама (1931–2015). Гирри аргументировал свое предложение так: «Всякий раз, когда мы вспоминаем Аурангзеба, мы думаем о жестокости и пытках. Мы не хотим, чтобы нам об этом напоминали. Абдул Калам же известен своей любовью к нации, верностью стране, щедростью и добротой. Нам нужно исправить ошибки, допущенные в нашей истории» [4]. Главный министр Дели А.Кеджривал, представляющий «Аам адми парти» (Партия простого человека, ААП; подробнее см.: [5]), несмотря на свое противостояние с БДП, также приветствовал это решение на своей странице в социальной сети *Twitter*. В течение часа этот пост был ретвитнут более 900 раз и 600 раз добавлен в «Избранное»⁵.

Аффилированная с БДП организация «Маслим раштрия манч» (Мусульманский национальный форум) заявила, что все националистически настроенные граждане должны приветствовать решение Комитета, поскольку вклад Абдул Калама «был намного больше, чем заслуги могольского правителя Аурангзеба»⁶.

В итоге, 29 августа 2015 г. Аурангзеб-роуд стала носить название А.П.Дж.Абдул Калам-роуд. Канадский писатель и общественный деятель пакистанского происхождения Тарек Фатах, ратовавший за устранение Аурангзеб-роуд, сообщил в социальной сети *Twitter*: «Отличные новости! Улица Дели Аурангзеб-роуд переименована в А.П.Дж.Абдул Калам-роуд. Могол-убийца наконец мертв!»⁷.

Решение правительства Дели изменить название Аурангзеб-роуд, казалось, наконец-то убило «призрак» правителя, столь ненавидимого наиболее радикальными индусами. Однако это переименование не имеет ничего общего с самим Аурангзебом, а напрямую отражает взгляды индусских правых сил на прошлое Индии [6].

С конца 1990-х – начала 2000-х гг. в исторической мысли Индии стал явным правый поворот, т.н. «шафранизация» истории. В Индии под влиянием радикальных взглядов *хиндутвы*⁸ началось активное переписывание и составление правильной интерпретации исторических событий. «Мусульманский период» рассматривался исключительно как мрачные, темные века. Все беды страны были связаны с нашествием завоевателей, а «основной акцент делался на разрушении рядом фанатичных мусульманских правителей индусских храмов, процессы индусско-мусульманского культурного взаимодействия замалчивались» [1, с. 251]. Тем не менее переименование улицы не может изменить историю страны. Те, кто в восторге от того, что Аурангзеба теперь заменил Абдул Калам, очевидно, упустили главное – топонимика Нью-Дели определялась и вдохновлялась историей, а не политикой и фанатизмом. Когда британцы планировали строительство своей новой столицы (Дели получил столичный статус в 1911 г.; до того столицей Британской Индии была Калькутта), они подбирали названия для улиц без особой оглядки на свои личные или политические предпочтения. Скорее, это была дань памяти различным правителям, которые внесли свой вклад в историю, географию, искусство и культуру Дели.

Индийские журналисты неоднократно высказывали опасение, что если аргументы, выдвинутые в защиту переименования Аурангзеб-роуд – «плохой мусульманин, фанатик, разрушитель храмов» и др. – станут основанием для пересмотра улиц, городов и памятников (как видим, это в итоге и произошло), то ничто в стране не останется неприкосновенным [6].

Мусульманские организации также последовательно возражали против решения переименовать Аурангзеб-роуд, назвав это «преднамеренным» шагом, с которым «будет положено начало тенденции к переименованию других городов и улиц». Они были правы – в день официального изменения топонима 29 августа 2015 г. У.Теккерей, президент правой партии «Шивсена» (Армия Шиваджи), действующей в штате Махараштра и за его пределами, горячо приветствовал решение муниципального комитета Дели

⁵ <https://mangaloretoday.com/headlineprint/Aurangzeb-Road-Delhi-renamed-after-APJ-Abdul-Kalam-Kejriwal.html> (accessed 12.07.2022)

⁶ <https://thehindu.com/news/national/rss-to-push-for-renaming-roads-named-after-mughals/article7601138.ece> (accessed 09.07.2022)

⁷ <https://www.firstpost.com/politics/neither-bjp-nor-aap-it-was-tarek-fatah-who-first-suggested-renaming-aurangzeb-road-2413340.html> (accessed 19.06.2022)

⁸ Хиндутва («индийскость»/«индусскость») – концепция консолидации индийского общества на основе унифицированной версии индуизма (прим. авт.).

и заявил, что город Аурангабад в Махараштре также будет переименован в Самбхаджи-нагар в честь Самбхаджи (пр. 1681–1689) – второго правителя государства маратхов и сына Шиваджи⁹.

Переименование Аурангзеб-роуд подверглось критике со стороны различных политиков. Шарад Ядав, лидер «Джаната дал (юнайтед)» (Народная партия (объединенная)) попросил премьер-министра Н.Моди вмешаться в вопрос изменения топонима. В письме к Модю он заявил: «Историю нельзя изменить, просто вырвав [из неё] страницы. Дели имеет свою историю, которую можно прочитать даже по названиям улиц. Переименование – не только шаг к искажению истории, но и открытие ящика Пандоры»¹⁰.

Маявати, президент популярной среди индийских социальных низов «Бахуджан самадж парти» (Партия большинства народа), также выступила против переименования: «Калам и Аурангзеб – важные личности своего времени. Переименовывать улицу – неправильное решение, оно принесет стране дурную славу» [10]. По мнению Маявати, именем Калама должна была быть названа какая-то другая или вообще новая улица, а проведенное переименование равносильно вмешательству в историю.

Асадуддин Овейси, президент Всеиндийского совета за единство мусульман (AIMIM), тоже раскритиковал решение муниципалитета Дели. Он заявил, что изменение названия не чтит память покойного бывшего президента страны, как то пытаются представить, а лишь показывает близорукость правительства¹¹. Следует учредить для студентов-мусульман и низкастовых индийцев научные стипендии имени Абдула Калама, если правительство действительно хочет почтить его память. Политик также опроверг заявление премьер-министра Н.Моди о «1200 годах рабства» при мусульманских правителях Индии, утверждая, что можно говорить об истории сопротивления и борьбы индийцев, но никак не рабства¹².

ПРОДОЛЖЕНИЕ «БИТВЫ» С МОГОЛАМИ

В феврале 2017 г. муниципальный совет Нью-Дели переименовал Дальхузи-роуд (генерал-губернатор Индии с 1848 по 1856 г.) в **Дара-Шукох-роуд**. По сообщениям газет, требование исходило от депутата БДП в Нью-Дели М.Лекхи. По её словам, «Дара Шукох¹³ способствовал миру и согласию между последователями индуизма и ислама, стремился к всеобщему братству, гуманизму и миру» [8].

Идея переименовать какую-нибудь улицу в честь Дары Шукоха появилась еще в 2014 г. С учетом исторических реалий выбор пал на Аурангзеб-роуд, однако в связи со смертью Абдула Калама улицу решили назвать в его честь, а идею с Дарой Шукохом отложить. В 2017 г. Дару всё-таки было решено «отметить» за вклад в «объединение индусов и мусульман». Жертвой для переименования на этот раз пала Дальхузи-роуд. Помимо прочей аргументации, М.Лекхи отметила, что лорд Дальхузи аннексировал провинцию Ауд [8], и соответственно, не достоин того, чтобы улица носила его имя.

Может показаться, что предложения от БДП и прочих проиндусски настроенных активистов переименовать улицу в честь мусульманина, к тому же иноземца-могола, выглядели нелогично, однако на деле имя Дары Шукоха они умело использовали в махинациях с топонимикой против Аурангзеба и сыграли на контрастах этих двух исторических личностей.

Досталось от активистов и правителю Шах-Джахану. Вслед за скандалом по поводу переименования Аурангзеб-роуд в том же 2015 г. представитель БДП в Дели А.Упадхьяй направил письмо Н.Моди, в котором потребовал переименовать **Шах-Джахан-роуд** в Дашратх-Манджи-роуд¹⁴. А.Упадхьяй восхва-

⁹ <https://www.firstpost.com/politics/renaming-aurangzeb-road-is-trying-to-rewrite-delhis-history-please-intervene-sharad-yadav-writes-to-modi-2416818.html> (accessed 17.06.2022)

¹⁰ Ibidem.

¹¹ <https://www.thehindu.com/news/cities/Hyderabad/owaisi-objects-to-renaming-aurangzeb-road/article7597514.ece> (accessed 03.06.2022)

¹² <https://thehansindia.com/posts/index/National/2015-08-31/Owaisi-protests-Abdul-Kalam-name-for-Aurangzeb-road/173620> (accessed 21.06.2022)

¹³ Дара Шукох (1615–1659) – брат Аурангзеба, старший сын и наследник могольского падишаха Шах-Джахана (1627–1658), убит по распоряжению Аурангзеба (прим. авт.).

¹⁴ Дашратх Манджи (1934–2007) был рабочим из деревни Гехлор, располагавшейся недалеко от Гайи в индийском штате Бихар. В 1959 г. его жена Фалгуни Деви умерла из-за травмы. Она не смогла получить своевременную медицинскую помощь, поскольку дорога от деревни до ближайшего города проходила в обход протяженного горного образования. Дашратх захотел предотвратить подобные случаи и решил проложить прямой путь через гору. На осуществление задуманного у него ушло 22 года ежедневного труда. В 2011 г. через прорубленный Дашратхом проход была проложена благоустроенная дорога (прим. авт.).

лял Дашратха Манджи как «символ любви, самоотверженности, решимости и преданности», а императора Великих Моголов называл «символом похоти»¹⁵.

Дашратха сравнивали с Шах-Джаханом, который приказал построить Тадж Махал для своей покойной жены Мумтаз. Сравнение было не в пользу могольского падишаха: Тадж Махал строился на деньги из казны и предназначался одному человеку. Проход сквозь гору, который сделал Манджи, служит теперь на благо всех людей, да и на работу Дашратх не потратил ни одной рупии, а действовал только своими силами, так что символ его любви к жене, по мнению индийского общества, оказывается более весомым и значимым [9].

Не устраивают членов муниципального совета Нью-Дели и названия улиц **Акбар-роуд**¹⁶ и **Бабур-роуд**¹⁷. Вокруг них в последние несколько лет также возникают ожесточенные споры. Так, в 2021 г. член муниципального совета Нью-Дели Г.Сачдева предложил переименовать Акбар-роуд в честь недавно погибшего начальника штаба обороны генерала Бипина Равата, мотивируя это тем, что улица, носящая на данный момент имя Акбара, – очень важная и видная магистраль, и носить она должна имя почитаемого и уважаемого индийцами человека¹⁸. С подобной просьбой переименовать Акбар-роуд обратился и глава медиа-отдела Дели от БДП Н.Кумар¹⁹.

В целом в 2021 г. комитет получил целый ряд запросов назвать улицу в память о генерале Равате. В комментариях к новости в интернете о предложении сменить имя Акбара на Равата пользователи горячо поддержали инициативу, отметив, что улиц с именами могольских правителей в Дели несколько, но и достойных генералов в стране также в достатке.

В отношении улиц, связанных с моголами, нередко практикуется хулиганство и вандализм. В последние годы предпринимались попытки переименовать Акбар-роуд физическим путем, а проще говоря, – испортив дорожный указатель. Знак с названием «Акбар-роуд» муниципальные власти Дели были вынуждены исправлять неоднократно.

Через акты с порчей дорожных знаков началась после того, как в 2016 г. министр транспорта, генерал в отставке В.К.Сингх написал письмо министру городского развития с предложением переименовать Акбар-роуд в Махарана-Пратап-роуд^{20, 21}. В 2018 г. на табличку с названием улицы наклеили плакат с надписью «Махарана-Пратап-роуд». Событие произошло в преддверии годовщины рождения великого воина Махараны Пратапа – 9 мая. Позднее индусская организация «Хинду сена» (Армия индусов) взяла на себя ответственность за этот акт вандализма.

Лидер «Хинду сена» Вишну Гупта прокомментировал инцидент следующим образом: «Похоже, что мы все еще рабы правителей Великих Моголов, которые творили над нами зверства. Поэтому наши работники решили наклеить плакат Махараны Пратапа на доску с надписью Акбар-роуд»²². Также он выразил надежду, что правительство БДП, находящееся у власти в стране, уберет имя Акбара из топонимики столицы.

В октябре 2021 г. вандалы испортили знак, приклеив на него плакат «Самрат-Хему-Викрамадитья-марг»²³. Ответственность за организацию акта вандализма вновь взяла на себя «Хинду сена». В.Гупта заявил, что организация требует переименовать улицу в честь «самых храбрых сыновей Матери Ин-

¹⁵ <https://www.hindustantimes.com/delhi/rename-shahjahan-road-the-emperor-was-symbol-of-lust-bjp-leader/story-RqmSORAq1o kiuL1oraTE6N.html> (accessed 12.06.2022)

¹⁶ Акбар I Великий (1556–1605) – третий падишах Империи Великих Моголов, внук основателя династии Великих Моголов в Индии Бабура (*прим. авт.*).

¹⁷ Захир-уд-дин Мухаммад-шах Бабур (1483–1530) – основатель империи Великих Моголов (*прим. авт.*).

¹⁸ <https://indianexpress.com/article/cities/delhi/rename-akbar-road-after-cds-bipin-rawat-bjp-nominated-ndmc-member-7673586/> (accessed 13.06.2022)

¹⁹ <https://timesofindia.indiatimes.com/city/delhi/delhi-bjp-urges-ndmc-to-rename-akbar-road-in-honour-of-general-bipin-rawat/articleshows/88263448.cms> (accessed 23.06.2022)

²⁰ Махарана Пратап Сингх I (1540–1597) – правитель индийского княжества Мевар (совр. штат Раджастан). В современной Индии почитается как национальный герой (*прим. авт.*).

²¹ <https://indianexpress.com/article/cities/delhi/delhis-akbar-road-renamed-maharana-pratap-road-overnight-ndmc-to-probe-5169639/> (accessed 17.06.2022)

²² Ibidem.

²³ Хему Чандра Викрамадитья (1501–1556) – индийский полководец индусского происхождения. После смерти падишаха Хумаюна (пр. 1530–1540, 1555–1556) завоевал Дели и провозгласил себя императором Индии с титулом Самрат (санскр. император, монарх) (*прим. авт.*).

дии – раджи Хемы Чандры Викрамадитьи»²⁴. Пока за улицей сохраняется старое название, но еще не известно, как сложится судьба Акбар-роуд в будущем.

Члены «Хинду сена» пытались также принудительно изменить название **Бабур-роуд** – знак с названием улицы в центре Дели 14 сентября 2019 г. закрасили черной краской. «Хинду сена» потребовала переименовать улицу в честь *махариши* Вальмики²⁵ или любой другой «великой индийской личности». Президент «Хинду сена» В.Гупта утверждал, что Бабур был иноземным захватчиком, который напал на Индию. Гупта также добавил, что его организация уже отправляла запрос в муниципальный комитет Нью-Дели и министерство внутренних дел союзной территории с требованием переименовать Бабур-роуд²⁶.

Бабур-роуд также предлагали переименовать в честь лейтенанта Умара Фаяза, убитого боевиками в штате Джамму и Кашмир в мае 2017 г. Представитель Дели от БДП Т.Пал Сингх Багга написал по этому поводу обращения к премьер-министру Н.Моди, депутату М.Лекхи и председателю муниципально-го комитета Нью-Дели Н.Кумару. Багга утверждал, что вся нация оплакивает смерть армейца: «Настоящий мученик и настоящий патриот, он занял твердую позицию и в молодом возрасте вступил в индийскую армию, чтобы бороться с угрозой терроризма в Кашмире. Он сражался за Индию и продемонстрировал необычайную доблесть и отвагу. Как дань уважения храброй душе это моя искренняя просьба к вам переименовать Бабур-роуд в улицу им. лейтенанта Умара Фаяза» [10].

Инициаторы переименований улиц обычно утверждают, что требование избавиться от могольских имен не имеет «ничего общего с историей» и не является программой «Раштрия сваямсевак сангх» (Союз добровольных слуг родины), а вызвано исключительно реакцией на пожелания местных жителей, которые и предлагают эти поправки²⁷.

Аналогичным образом бывший президент делийского подразделения БДП Виджай Гоэл отмечал, что «с переименованием не должно быть никаких проблем, так как это запрос общественности»²⁸. В августе 2020 г. он сам предложил переименовать Бабур-роуд в «Панч-агаст-марг» (Улицу 5-го августа²⁹). По его распоряжению был изготовлен плакат, на котором фактическое название улицы было перечеркнуто, а ниже написано новое. Плакат был помещен поверх дорожного знака с названием Бабур-роуд. Акция широко освещалась в социальных сетях и преподносилась как окончательное решение властей. Из аргументов в пользу переименования В.Гоэл привел тот факт, что Бабур был иностранным захватчиком и посмел разрушить храм Рамы в Айодхье³⁰.

В мае 2022 г. о переименовании улиц, связанных с мусульманами и моголами, индийские политики заговорили вновь. Президент БДП в Дели А.Гупта обратился в муниципальный комитет с просьбой о переименовании дорог в столице, которые символизируют мусульманское рабство. Он предложил следующую программу: Акбар-роуд должна стать Махарана-Пратап-роуд, Туглак-роуд необходимо переименовать в Гуру-Гобинд-Сингх-марг³¹, Хумаюн-роуд следует переделать на Махариши-Вальмики-роуд, Шах-Джахан-роуд должна быть названа в честь генерала Бипина Равата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на сегодняшний день из топонимов, касающихся могольских правителей, Аурангзеб-роуд уже выбыла из игры. Теперь борьба в столице идет за Акбар-роуд, Бабур-роуд и Шах-Джахан-роуд. Не так давно стали появляться запросы убрать с карты Дели и Хумаюн-роуд. Участились тре-

²⁴ <https://indianexpress.com/article/cities/delhi/akbar-road-delhi-hindu-sena-7558781/> (accessed 13.06.2022)

²⁵ Вальмики – легендарный древнеиндийский поэт. Его почитают как автора первоначального текста поэмы «Рамаяна» (прим. авт.).

²⁶ <https://hindustantimes.com/cities/hindu-sena-blackens-babar-road-sign-in-delhi-demand-renaming/story-5aSE2C6A5P4YHCHqvpuccP.html> (accessed 13.06.2022)

²⁷ <https://www.indiatoday.in/pti-feed/story/bjp-leader-wants-babar-road-renamed-after-lt-umar-fayaz-929281-2017-05-19> (accessed 09.06.2022)

²⁸ <https://www.vijaygoel.in/pages/in-news-1081> (accessed 13.06.2022)

²⁹ 5 августа 2020 г. премьер-министр Индии Н.Моди должен был провести церемонию закладки фундамента храма Рамы в Айодхье, штат Уттар-Прадеш. В.Гоэл заявил, что изменить название Бабур-роуд в этот же «благоприятный день» будет отличным решением для правительства (прим. авт.).

³⁰ Ibidem.

³¹ Гуру Гобинд Сингх (1666–1708) – 10-й и последний сикхский гуру, реформатор сикхизма (прим. авт.).

бования о ликвидации топонимов, связанных с династиями Лоди и Туглаков. Однако вопрос о переименовании улицы, названной в честь последнего могольского падишаха Бахадур-шаха Зафара, пока еще не поднимался; возможно, это дело времени.

Инициаторы переименований действуют крайне настойчиво, с завидной периодичностью организуются действия по порче дорожных указателей. Все происшествия и скандалы, связанные с топонимикой Дели, широко освещаются в прессе и социальных сетях, так что у общества постепенно вырабатывается привыкание к мысли о необходимости смены названий: то, что кажется немислимым и радикальным, постепенно переходит в разряд приемлемой нормы или даже необходимости. Однако очевидно, что в случае смены изначальных топонимов проигравшей стороной окажется история Индии.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ванина Е.Ю. Индия: история в истории. М., Наука – Восточная литература, 2014.
Vanina E.Yu. 2014. India: History in History. Moscow. (In Russ.)
2. Tiwari Ananya, Rajput Abhinav. Explained: The process of renaming roads, when such requests are entertained. <https://indianexpress.com/article/explained/explained-what-is-the-process-of-renaming-roads-when-are-such-requests-entertained-6542580/> (accessed 09.06.2022)
3. Rana Yudhvir. DSGMC demands naming Aurangzeb Road after Guru Teg Bahadur's name. <https://timesofindia.indiatimes.com/india/DSGMC-demands-naming-Aurangzeb-Road-after-Guru-Teg-Bahadur-s-name/articleshow/45241062.cms> (accessed 09.06.2022)
4. Soofi Mayank Austen. Bye bye, Aurangzeb. <https://www.livemint.com/Leisure/zKhIv4dMpjxYLvjFt3DrhK/Bye-bye-Aurangzeb.html> (accessed 19.06.2022)
5. Спектор И.Б. Мусульманская община Дели: проблемы политического представительства в независимой Индии // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2017. Т. 13, № 4. С. 123–138.
Spektor I.B. 2017. Muslim Community in Delhi: The Problems of Political Representation in Independent India. *Islam in the Modern World*. Vol. 13. № 4. Pp. 123–138. Moscow. (In Russ.)
6. Sharma Sandipan. Renaming Aurangzeb Road after Kalam isn't right: Delhi was inspired by history not bigotry. <https://www.firstpost.com/india/renaming-aurangzeb-road-after-apj-abdul-kalam-new-delhi-was-inspired-by-history-not-bigotry-2416606.html> (accessed 09.06.2022)
7. Tripathi Ashish. Mayawati opposes renaming of Aurangzeb road after Kalam. <https://timesofindia.indiatimes.com/india/Mayawati-opposes-renaming-of-Aurangzeb-road-after-Kalam/articleshow/48743885.cms> (accessed 15.06.2022)
8. Nath Damini. Dalhousie Road becomes Dara Shikoh Road. <https://www.thehindu.com/news/cities/Delhi/Dalhousie-Road-becomes-Dara-Shikoh-Road/article17201267.ece> (accessed 08.07.2022)
9. Celestine Avinash. Love's labour brings down hill. <https://indianexpress.com/article/news-archive/loves-labour-brings-down-hill/> (accessed 07.06.2022)
10. Pragma Kaushika. Rename Babar Road after Lt Ummer Fayaz: Tajinder Pal Bagga. <https://indianexpress.com/article/cities/delhi/rename-babar-road-after-lt-ummer-fayaz-bagga-4664673> (accessed 21.06.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Козлова Александра Алексеевна, кандидат исторических наук, н.с. Центра индийских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Alexandra A. Kozlova, PhD (History), Research Fellow, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.09.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 05.11.2022

Принята к публикации
(Accepted) 14.01.2023

DOI: 10.31857/S032150750024410-3

VII Международный форум Ассоциации экспертных центров России, Китая и Монголии: ключевые вопросы и перспективы сотрудничества

© Базаров Б.В.^{a,b}, Актамов И.Г.^{a,c}, Цыренов Ч.Ц.^{a,d}, 2023

^a Институт монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

^b ORCID: 0000-0001-5326-1317; imbt@imbt.ru

^c ORCID: 0000-0002-8646-1048; aktamov13@gmail.com

^d ORCID: 0000-0002-1088-0625; tsyrenov@imbt.ru

Резюме. 27 сентября 2022 г. в формате онлайн состоялся VII Форум экспертных центров России, Китая и Монголии. Форум представляет собой одну из площадок реализации глобальной инициативы «Один пояс – один путь», а также обсуждения конкретных механизмов создания Экономического коридора Китай – Монголия – Россия.

Начиная с 2015 г. было проведено шесть Международных Форумов в различных форматах. Поочередно хозяевами-организаторами Форума были представители Монголии, России и Китая. На сегодняшний день можно констатировать, что они придали мощный импульс развитию практического сотрудничества между Россией, Китаем и Монголией. Активное взаимодействие ученых, представителей образования, реального сектора экономики и государственных служащих продолжалось и в период пандемии с использованием информационных технологий.

В работе очередного Форума приняли участие ученые, эксперты, представители вузов, государственные служащие трех стран. Специалисты трех стран представили анализ основных тенденций в развитии сотрудничества в современных условиях, а также предложили механизмы преодоления существующих барьеров.

Ключевые слова: ассоциация экспертных центров России, Китая, Монголии, экономический коридор Россия – Монголия – Китай, «Один пояс – один путь», сотрудничество, развитие

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» и «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» № 121031000241-1).

Для цитирования: Базаров Б.В., Актамов И.Г., Цыренов Ч.Ц. (Улан-Удэ). VII Международный форум Ассоциации экспертных центров России, Китая и Монголии: ключевые вопросы и перспективы сотрудничества. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 2 С. 55–60. DOI: 10.31857/S032150750024410-3

VII International Forum of the Association of Expert Centers of Russia, China and Mongolia: Key Issues and Prospects for Cooperation

© Boris V. Bazarov^{a,b}, Innokenty G. Aktamov^{a,c}, Chinggis Ts. Tsyrenov^{a,d}, 2023

^a Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

^b ORCID: 0000-0001-5326-1317; imbt@imbt.ru

^c ORCID: 0000-0002-8646-1048; aktamov13@gmail.com

^d ORCID: 0000-0002-1088-0625; tsyrenov@imbt.ru

Abstract. The paper presents a brief overview of the VII Forum of Expert Centers of Russia, China and Mongolia. The forum is one of the platforms for the implementation of the global initiative “One Belt and One Road”, as well as the discussion of specific mechanisms for the building up the China-Mongolia-Russia Economic Corridor.

Since 2015, six International Forums have been held in various formats. Representatives of Mongolia, Russia and China alternately hosted the Forum. Today we can assert that the Forum has given a great incentive to the development of practical cooperation between Russia, China and Mongolia. Scientists, experts, teachers of universities, government offi-

cials of the three countries took part in the Forum. The forum was guided by the results of bilateral meetings between the leaders of Russia and China, Russia and Mongolia.

The main organizer of the VII Forum was the Center for Macroeconomic Research of Inner Mongolia Autonomous Region (PR China). The Russian side was represented by the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the Mongolian side by the Mongolian State University. The main part of the forum was represented by 12 scientific reports, which were conditionally divided into two key topics: “Deepening cooperation in the field of new energy and agriculture between Russia, China and Mongolia” and “Strengthening cooperation in cross-border e-commerce between Russia, China and Mongolia”.

Experts from the three countries presented an analysis of the main trends in the development of cooperation in modern conditions, and proposed mechanisms for overcoming existing barriers.

Keywords: Association of expert centers of Russia, China, Mongolia, economic corridor Russia-China-Mongolia, “One belt and one road”, cooperation, development

For citation: Bazarov B.V., Aktamov I.G., Tsyrenov Ch.Ts. (Ulan-Ude). VII International Forum of the Association of Expert Centers of Russia, China and Mongolia: Key Issues and Prospects for Cooperation. *Asia and Africa today*. 2023. № 2. Pp. 55–60. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024410-3

Международный форум экспертных центров России, Китая и Монголии представляет собой важный механизм трехстороннего сотрудничества между странами в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП), а также важную платформу для обмена опытом в целях содействия строительству «Экономического коридора Китай – Монголия – Россия».

С момента проведения первого форума в 2015 г. состоялось шесть международных форумов, и можно констатировать, что они придали мощный импульс развитию практического сотрудничества между Россией, Китаем и Монголией. Активное взаимодействие ученых, экспертов, представителей образования и государственных служащих продолжалось и в период пандемии *COVID-19* в формате видеоконференции.

Примечательно, что тесные дружеские связи экспертного сообщества наших стран прошли испытание не только объективным отсутствием непосредственных контактов и встреч на протяжении трех последних лет, вызванным мерами по профилактике распространения коронавирусной инфекции нового типа, но и резко изменившейся геополитической и геоэкономической обстановкой, ставшей вызовом для дальнейшего планомерного развития отдельных стран, регионов и мира в целом.

Отношения всеобъемлющего стратегического партнерства между нашими странами позволяют реализовывать совместные взаимовыгодные проекты, определять стратегические ориентиры развития в Евразийском регионе.

В соответствии с Уставом Ассоциации экспертных центров России, Китая и Монголии 27 сентября 2022 г. в режиме онлайн был проведен VII Международный форум. Форум руководствовался результатами двусторонних встреч лидеров России и Китая, России и Монголии, а также совместными заявлениями, сделанными во время зимних Олимпийских игр-2022 в Пекине.

Ключевыми темами Форума явились «Углубление сотрудничества в области новой энергетики и сельского хозяйства между Россией, Китаем и Монголией» и «Укрепление сотрудничества в области трансграничной электронной торговли между Россией, Китаем и Монголией» с целью формирования более широких перспектив для экономического коридора Россия – Монголия – Китай.

Основным организатором VII Форума выступил Центр макроэкономических исследований АРВМ (Автономный район Внутренняя Монголия) КНР, с российской – Институт монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН, с монгольской – Монгольский государственный университет.

В работе конференции приняли участие представители Департамента международного сотрудничества Центра по изучению проблем развития при Госсовете КНР, Центра макроэкономических исследований АРВМ КНР, МИД КНР, Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян, Академии наук Монголии, Монгольского государственного университета, Монгольского государственного университета образования, Министерства экономического развития Монголии.

Российская сторона была представлена рядом академических институтов: Институт востоковедения РАН (Москва), Центр глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток), Бурятский научный центр СО РАН

(Улан-Удэ), Институт динамики систем и теории управления имени В.М. Матросова СО РАН (Иркутск). Участие в работе форума приняли сотрудники представительства МИД РФ в г. Улан-Удэ.

В первой части Форума была представлена информация об изменениях в составе Ассоциации экспертных центров, а также с отчетом об основных результатах работы предыдущих шести форумов выступил **Ян Чэньхуа**, второй китайский сопредседатель Ассоциации экспертных центров Китая, Монголии и России, бывший директор Центра изучения проблем развития АРВМ КНР (г. Хух-Хото).

В своем выступлении он отметил, что первый форум был проведен 17 сентября 2015 г. в столице Монголии Улан-Баторе, где было принято решение о создании китайско-монголо-российского аналитического центра, который будет представлен сопредседателем от каждой из сторон и начнет реализацию экспертной деятельности в интересах развития трехстороннего сотрудничества. На этой же встрече было решено использовать в качестве основных координационных центров учреждения в Улан-Баторе, Хух-Хото (Китай) и Улан-Удэ (Россия).

В 2013 г. в целях дальнейшей совместной реализации глобального проекта «Пояс и путь» главы трех государств предложили синхронизировать национальные проекты «Путь развития» (Монголия) и «Евразийский экономический союз» (Россия), а также активно содействовать строительству экономического коридора Китай – Монголия – Россия в рамках механизма консультаций на уровне заместителей министров иностранных дел трех стран.

Основная часть форума была представлена 12 докладами, которые были условно распределены по двум ключевым темам.

Первая тема – *«Укрепление сотрудничества в области трансграничной электронной торговли между Россией, Китаем и Монголией»* была представлена докладом **Юй Цзюнь**, заместителя директора Департамента международного сотрудничества Центра по изучению проблем развития при Госсовете КНР (Пекин, КНР), *«Расширение сотрудничества в рамках экономического коридора Китай – Монголия – Россия с помощью трансграничной электронной коммерции»*. Докладчик провела сравнительный анализ уровня развития трансграничной электронной коммерции в контексте двусторонних отношений Китая с соседними северными странами (Китай – Россия и Китай – Монголия), а также проанализировала особенности налоговой политики в рамках сотрудничества трех стран. По мнению автора, между текущим уровнем развития трансграничной электронной коммерции и надеждами трех сторон существуют различия, по-прежнему имеет место значительный разрыв в уровне базовой инфраструктуры и уровне развития экономики в целом, различия в юридических нормах трехстороннего сотрудничества и т.д. В связи с этим Юй Цзюнь считает, что страны должны повысить уровень политической коммуникации, обогатить опыт общения и сотрудничества, активизировать усилия по укреплению потенциала, что позволит стимулировать развитие трансграничной электронной коммерции.

Второй доклад по данной теме озвучил академик РАН **И.В.Бычков** – *«Современные тенденции в развитии электронной торговли»*. Автор представил статистические данные по современному состоянию рынка электронной коммерции в России, объему российского рынка электронной коммерции, темпам роста онлайн-ритейла, рынку услуг и сервисов в интернете. Российские и зарубежные интернет-магазины традиционно ориентированы на использование разных логистических схем. Зарубежные магазины, как правило, осуществляют доставку с использованием услуг международных компаний экспресс-доставки (DHL, TNT, UPS и др.) или экспресс-доставки национальных почтовых операторов (EMS). Оценивая перспективы развития электронной торговли в ближайшие годы, И.В. Бычков отметил, что «пандемия *COVID-19* привела к изменению моделей потребительского поведения и оказала существенное влияние на структуру потребления». Учитывая сложившуюся ситуацию, следует отметить важность развития цифровых технологий и преодоления цифрового разрыва. Следует продолжать исследования в области развития электронной коммерции, интернет-маркетинга, сокращения цифрового разрыва, интеграции малых и средних предприятий в глобальное интернет-пространство.

Вторая тема – *«Углубление сотрудничества в области новой энергетики и сельского хозяйства между Россией, Китаем и Монголией»* – была представлена широким спектром вопросов, которые затрагивали и проблемы логистики.

Директор Департамента региональной и промышленной политики Министерства экономического развития Монголии **Д.Эрдэнэбаяр** в докладе *«Оптимизация транспортно-логистической сети на основе центров роста»* затронул вопросы обеспечения взаимосвязи административно-территориальных единиц с региональными осями и их интеграции с экономическим коридором. В результате исследова-

ния определено, что региональная экономическая интеграция Монголии образует единую систему с четырьмя центрами роста Российской Федерации: Красноярск, Новосибирск, Чита и Улан-Удэ, и пятью центрами роста КНР: Хух-Хото, Урумчи, Чанчунь, Баотоу и Уланчаб. По мнению автора, внешнеторговая и экономическая интеграция, наращивание торгово-логистической и транспортной сети России, Монголии и Китая требует обеспечения взаимосвязанности административно-территориальных единиц. Это позволит создать «относительно самостоятельный межгосударственный экономический кластер», который внесет весомый вклад в развитие региона.

С докладом «*О состоянии экспедиторской и логистической отраслей Монголии*» выступил зав. сектором Института международных отношений Академии наук Монголии, д.э.н., профессор **А. Даваасурэн**. В докладе была представлена текущая ситуация в дорожной, транспортной, брокерской и логистической отраслях Монголии, а также особенности процесса восстановления мировой экономики после пандемии *COVID-19*. Особое внимание было уделено международным контейнерным грузоперевозкам через китайский морской порт Тяньцзинь, пограничный переход Эрлян (КНР) и Замын-Ууд (Монголия).

Вопросам трансграничного взаимодействия было посвящено выступление **Б. Амгалана**, профессора Монгольского государственного университета образования, «*Экономическое развитие и географические факторы южной границы Монголии*». Автор считает, что региональное взаимодействие создаст благоприятные условия для развития международного транспортного сообщения и будет стимулировать приграничное сотрудничество.

Директор Департамента пограничного развития и политики свободных зон Министерства экономического развития Монголии **Х. Эрдэнэбулган** выступил с докладом «*Анализ программ развития пограничных переходов России, Монголии и Китая*». Автор считает, что программы развития переходов Монголии должны быть согласованы с планами соседних стран, чтобы обеспечить максимальные возможности пропускной способности. Монголии необходимо улучшить внутреннюю автомобильную и железнодорожную сеть и присоединиться к международной транзитной сети, соединяющей Азию и Европу. Это позволит улучшить экспорт сырья горнорудной отрасли в Россию и Китай. Увеличение пропускной способности переходов позволит расширить импорт, снизить инфляцию, а также увеличить экспорт сырья. В конечном счете это увеличит приток иностранной валюты и стимулирует экономический рост.

Президент Академии общественных наук провинции Хэйлуцзян **Дун Вэйцзюнь** в своем выступлении затронул вопросы регионального развития в рамках реализации экономического коридора Китай – Монголия – Россия. Его доклад «*Создание высококачественной площадки для развития северных регионов страны*» был посвящен экономическому развитию провинции Хэйлуцзян в контексте трансграничных проектов с российским Дальним Востоком (мост Хэйхэ-Благовещенск, газопровод «Сила Сибири-2»), проблемы китайско-российского сотрудничества в аграрной сфере и т.д. В меньшей степени автор затронул проблемы сотрудничества с Монголией.

В рамках второй темы были представлены доклады, охватывающие более широкий спектр вопросов сотрудничества между тремя странами. Директор ИВ РАН **А.К. Аликберов** выступил с докладом «*Развитие инфраструктуры международного сотрудничества России, Китая и Монголии: современные проблемы, ретроспективы и перспективы*». Он осветил накопленный опыт реализации инфраструктурных проектов, затронул ключевые моменты, определяющие современную геополитическую обстановку и роль руководства трех стран в реализации совместных инициатив с учетом государственных интересов. Перспективы развития экономического коридора Россия – Монголия – Китай видятся в создании качественно новой инфраструктуры сотрудничества на принципах «умной (ноо)инженерии будущего». Нам необходимы эффективное сопряжение планов развития Евразийского экономического союза (ЕврАзЭС) и инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП), параллельное и скоординированное воплощение Большого Евразийского партнерства, ОПОП и долгосрочной программы развития Монголии «Видение-2050». Для успешной реализации инфраструктурных и других международных проектов необходимо изучение исторического опыта уже реализованных в прошлом макро-проектов, таких как Транссиб, КВЖД, БАМ, освоение водных путей и гидроресурсов Амура и др.

Директор Центра макроэкономических исследований АРВМ КНР (г.Хух-Хото) **У. Телинь** в докладе «*Реализация совместной китайско-российской и китайско-монгольской декларации 2022 года и продвижение практического сотрудничества в ключевых областях*» привел целый ряд важных статисти-

ческих сведений по развитию российско-китайской электронной коммерции. Отмечается, что созданная в 2019 г. интернет-платформа *AliExpress* (Россия), уже в 2020 г. стала основной торговой площадкой для трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией. Одной из главных проблем развития трансграничной электронной коммерции является наличие различных подходов к реализации тарифной политики. Он отмечает, что «в КНР взимание налогов в сфере трансграничной электронной коммерции начинается с суммы, превышающей 5000 юаней, а в России тот же порог составляет 200 евро (приблизительно 1500 юаней). Указанные пороговые значения не симметричны, что создает барьеры и не способствует развитию трансграничной электронной коммерции». В связи с этим китайская сторона считает, что Россия, Китай и Монголия должны подписать трехсторонний меморандум о развитии трансграничной электронной коммерции, создать единую нормативную базу для её функционирования и обеспечить механизмы защиты. Подводя общий итог, докладчик выразил уверенность, что потенциал развития трехстороннего экономического коридора в целом и электронной коммерции в частности будет успешно реализован в ближайшем будущем и принесет взаимовыгодные результаты.

Академик РАН **В.Л.Ларин** в своем докладе проанализировал результаты трехстороннего сотрудничества между РФ, КНР и Монголией во втором десятилетии XXI в. через призму экономического взаимодействия Дальневосточного Федерального округа с соседними странами и территориями. На основе статистических данных он представил динамику торгово-экономического взаимодействия регионов, которая показала умеренное снижение объемов, назвал причины слабой реализации совместных проектов. Первая половина 2010-х гг. характеризуется снижением объемов экономических связей РФ со странами Восточной Азии. Пытаясь преодолеть эти негативные тенденции и найти новый импульс для развития сопредельных территорий, руководители трех стран действовали в русле концепций «региональной интеграции» и «локального регионализма».

Идея трехстороннего сотрудничества была оформлена в виде строительства экономического коридора Китай – Монголия – Россия. Главный акцент в строительстве этого «коридора» было решено сделать на развитии и модернизации транспортных артерий, логистики и энергетическом взаимодействии. Каждая из сторон предполагала, что трехстороннее сотрудничество будет содействовать развитию их приграничных территорий. В частности, российская сторона надеялась, что «формирование экономического коридора Китай – Монголия – Россия будет способствовать развитию и модернизации районов Сибири и Дальнего Востока»¹.

Фундаментальной проблемой, по мнению академика Ларина, является изначальное «несовпадение реальных целей участников создания экономического коридора», причем как на межгосударственном, так и на межрегиональном уровнях. Кроме того, Москва и Пекин рассматривали зону реализации программы как свою экономическую периферию, развитие которой не относилось к сфере их первостепенных интересов и, соответственно, создав политический формат для трехстороннего сотрудничества, серьезно не озаботились последующим его наполнением. Сказалось и отсутствие какой-либо реальной координации действий между самими приграничными территориями, формально наиболее заинтересованными во взаимодействии, но не имеющими ни достаточных полномочий, ни финансовых средств, ни инструментов для развития полноценного сотрудничества. В качестве действенных механизмов было предложено создание общего информационного пространства для приграничных территорий, способствующего сверке их интересов, программ развития и выстраиванию платформы взаимодействия. Еще одним предложением было формирование международного консорциума исследователей для мониторинга состояния и выработки рекомендаций по развитию трехстороннего сотрудничества на базе ДВО РАН, АОН КНР и АН Монголии.

Дондоков З.Б.-Д., д.э.н., зам. директора Бурятского научного центра СО РАН, затронул проблемы экономического сотрудничества России, Монголии и Китая в условиях глобальных вызовов. В новых геополитических условиях трехсторонний транспортный коридор может стать надежным каналом, обеспечивающим выход российских товаров на международные рынки и импорт необходимой продукции. Для этого надо реализовать несколько инфраструктурных проектов: развитие железнодорожной сети, включая модернизацию Центрального железнодорожного коридора Улан-Удэ – Наушки – Улан-Батор – Эрлянь; создание специализированных транспортно-логистических комплексов в пригранич-

¹ Фролова И.Ю. Перспективы трехстороннего сотрудничества России, Китая и Монголии. *Проблемы национальной стратегии*. 2017. № 6. С. 88.

ных регионах России, Китая и Монголии; развитие новых трансграничных и международных туристических маршрутов, проходящих через территории трех стран. Аэропорты Улан-Батора и Улан-Удэ постепенно становятся авиационными хабами. Еще одним важным проектом является профессиональная подготовка специалистов в различных отраслях экономики со знанием языков соседних стран на базе университетов Монголии и соседних с ней регионов России и Китая.

Академик Академии наук Монголии **Т.Дорж** выступил с докладом «*Влияние культурных факторов на строительство экономического коридора Китай – Монголия – Россия*». Он отметил, что сотрудничество Китая, Монголии и России должно основываться на историко-культурном опыте Шелкового и Чайного путей, а реализация современного экономического коридора – опираться на туристическую отрасль. Исторические памятники вдоль этих знаменитых путей могут выступить как небольшие музеи или выставки под открытым небом. Строительство таких маршрутов и инфраструктуры позволит привлечь иностранных туристов. В связи с этим необходимо решить и реализовать множество задач по сохранению, распространению и популяризации памятников истории и культуры вдоль известных маршрутов с древней историей в наших странах.

Таким образом, на Форуме экспертных центров России, Китая и Монголии был представлен широкий спектр тем, а также весьма разнообразный состав участников, что свидетельствует о большой заинтересованности ученых, а также представителей органов государственной власти трех стран в разработке научных подходов к созданию трехстороннего экономического коридора.

Можно с уверенностью сказать, что в российском, китайском и монгольском научном сообществе начался новый этап, и семь проведенных Форумов внесли существенный вклад в укрепление межгосударственных экономических и научных связей трех стран в условиях новых глобальных и региональных вызовов XXI века.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Базаров Борис Ванданович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Boris V. Bazarov, Dr.Sc. (History), Academician, Professor, Director, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Актамов Иннокентий Галималаевич, кандидат педагогических наук, заведующий лабораторией «Центр переводов с восточных языков» Института монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Innokentii G. Aktamov, PhD (Education), Head, Laboratory “Oriental Languages Translation Centre”, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Цыренов Чингис Цыбыкторжиевич, кандидат исторических наук, ст.н.с. Отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Chinggis Ts. Tsyrenov, PhD (History), Senior Researcher, Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.10.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.11.2022

Принята к публикации
(Accepted) 17.12.2022

DOI: 10.31857/S032150750024432-7

Перспективные направления изучения англо-бурской войны 1899–1902 гг.

© Горелик Б.М.^а, 2023

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8839-3889; boris.gorelik@inafr.ru

Резюме. В ноябре 2022 г. в Институте Африки РАН состоялась международная научная конференция «Англо-бурская война 1899–1902 гг.: опыт и перспективы исследования», приуроченная к 120-летию завершения этой войны – первого крупного вооруженного конфликта XX в. Организаторы стремились поддержать диалог между российскими и зарубежными историками. Были заслушаны 17 докладов отечественных и южноафриканских исследователей. Участие не только историков, но и филологов и экономистов определило междисциплинарный характер конференции. Обсуждались основные проблемы историографии англо-бурской войны в XX – начале XXI в. Проанализирован опыт изучения англо-бурской войны в России и ЮАР, рассмотрено участие российских подданных в англо-бурской войне в контексте истории российского добровольчества, а также влияние опыта этой войны на последующие вооруженные конфликты.

Ключевые слова: англо-бурская война, Южная Африка, Трансвааль, историография, международная конференция

Для цитирования: Горелик Б.М. Перспективные направления изучения англо-бурской войны 1899–1902 гг. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 2. С. 61–64. DOI: 10.31857/S032150750024432-7

Promising Directions in the Studies of the Anglo-Boer War (1899–1902)

© Boris M. Gorelik^а, 2023

^а Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8839-3889; boris.gorelik@inafr.ru

Abstract. In November 2022, the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, hosted an international academic conference “*Researching the Anglo-Boer War of 1899–1902: The Practice and the Future*”. The event marked the 120th anniversary of the end of the first major armed conflict of the 20th century.

The goal of the conference was to help stimulating dialogue between Russian and international historians who study the Anglo-Boer War. About a hundred people attended the conference both in person and online. Seventeen Russian and South African researchers presented their papers.

The participants considered the main aspects of the historiography of the Anglo-Boer War in the XX–XXI centuries. The Anglo-Boer War studies in Russia and South Africa were analysed. The Russian involvement in the Anglo-Boer War in the historical context of the Russian volunteers’ participation in military conflicts was reviewed, as well as the study of the influence of the experience of this war on subsequent military conflicts.

It was concluded that there was the potential for a more robust study of the Anglo-Boer War and for exploring new themes. The participants discussed some of the most promising directions in the Anglo-Boer War studies.

Keywords: Anglo-Boer War, South African War, Transvaal, historiography, international conference

For citation: Gorelik B.M. Promising Directions in the Studies of the Anglo-Boer War (1899–1902). *Asia and Africa today*. 2023. № 2. Pp. 61–64. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024432-7

9 ноября 2022 г. в Институте Африки РАН состоялась международная научная конференция «**Англо-бурская война 1899–1902 гг.: опыт и перспективы исследования**». Мероприятие организовали Центр истории и культурной антропологии и Центр исследований стран Юга Африки ИАФР РАН.

Конференция, приуроченная к 120-летию завершения этой войны, первого крупного вооруженного конфликта XX в., была посвящена памяти **Г.В.Шубина** (1966–2016), ст.н.с. ИАФР РАН – специалиста

по изучению участия русских подданных в англо-бурской войне. Почетными гостями конференции стали представители Посольства ЮАР в Москве. Заседание открыл д.и.н., проф. **В.Г.Шубин** (ИАФР РАН).

Организаторы конференции стремились поддержать диалог между российскими и зарубежными историками, интересующимися англо-бурской войной. Около сотни собравшихся (очно или подключившись к интернет-трансляции) заслушали 17 докладов отечественных и южноафриканских исследователей. Участие не только историков, но и филологов и экономистов определило междисциплинарный характер конференции.

Заведующий Центром африканских исследований ИВИ РАН, академик РАН, д.и.н., проф. **А.Б.Давидсон** напомнил собравшимся о причинах повышенного внимания к англо-бурской войне в Российской империи. Первая большая война XX в. шла в регионе, где были обнаружены крупнейшие месторождения алмазов и золота. Россиян восхищало мужество буров, поначалу одерживавших победы над английскими войсками. Помимо этого, в обществе была распространена англофобия. После поражения республик буры (африканеры) взяли политический реванш. В 1948 г. к власти пришла партия, защищавшая их интересы. Политика апартеида обострила расовые и межэтнические противоречия в южноафриканском обществе. И в других обществах освобождение от колониализма, сопровождающееся стремлением к реваншу, не всегда приводит к установлению демократии.

Зав. Центром истории и культурной антропологии ИАФР РАН, к.и.н. **В.В.Грибанова** в обзоре отечественной историографии англо-бурской войны до 1991 г. подчеркнула, что изучение причин, особенностей и последствий этого конфликта в Российской империи началось уже в первые годы XX в. В СССР первую диссертацию по англо-бурской войне защитила А.Ф.Остальцева в 1940 г. Для этой и последующих работ характерно утверждение, что буры вели национально-освободительную борьбу против империалистической Англии. После Второй мировой войны англо-бурский конфликт считался войной за преимущественное право на эксплуатацию африканцев. С 1960-х гг. появляются статьи А.Б.Давидсона, сосредоточившегося на восприятии этой войны современниками.

Об интересе советской военной науки к урокам англо-бурской войны в 1930-е гг. рассказали к.и.н. **А.М.Егоров**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России, а также **И.А.Егоров**, м.н.с. Центра комплексного изучения проблем региональной безопасности Псковского государственного университета. В частности, вопросами маневренной войны на материале южноафриканского конфликта занимался адъютант Военной академии РККА В.М.Воронков, очерк которого об этой войне академия опубликовала отдельным изданием в 1933 г. Его особенно занимала специфика масштабной партизанской войны. (Впоследствии Воронков был назначен заместителем начальника штаба Белорусского военного округа, где во время Великой Отечественной войны развернулось особенно сильное партизанское движение.)

Об отражении англо-бурской войны в исследованиях отечественных африканистов в постсоветский период рассказал к.и.н. **А.А.Токарев**, заведующий Центром исследований Юга Африки ИАФР РАН. В последние 30 лет ведущими исследователями, работавшими в этой области, были профессора А.Б.Давидсон и И.И.Филатова, а также к.и.н. Г.В.Шубин. В 2012 г. коллектив исследователей из ИАФР РАН и ИВИ РАН под руководством Г.В.Шубина выпустил 13-томный сборник документов об участии россиян в этом вооруженном конфликте и восприятии российским обществом южноафриканской войны. В 2022 г. ведущее южноафриканское издательство *Jonathan Ball* в сотрудничестве с ИАФР РАН выпустило перевод воспоминаний русского ветерана англо-бурской войны Е.Ф.Августуса «*A Russian on Commando*» (под редакцией Б.М.Горелика).

Влиянию опыта первой англо-бурской войны (1880–1881) на подготовку Великобритании ко второй (1899–1902) посвящен доклад к.и.н. **А.Б.Арбекова**, н.с. Тульского государственного музея оружия. Хотя в британском военном ведомстве предпринимались попытки осмысления неудачного опыта первой англо-бурской войны для улучшения стратегической подготовки к будущим вооруженным конфликтам, исследователь констатирует, что «уроки» боестолкновений с бурами оказались неусвоенными. Британская армия вступила во вторую англо-бурскую войну, полагаясь на устаревшие доктрины и практики применения оружия.

Проф. **Т.Потхитер**, н.с. Центра военных исследований Стелленбошского университета (ЮАР) сделал доклад о воздействии промышленной революции на англо-бурскую войну 1899–1902 гг. Развитие техники повлияло на планирование и проведение военной кампании. Благодаря использованию паро-

вой энергии изменились стратегия и логистика, а улучшенные средства коммуникации позволили поддерживать связь на больших расстояниях. По сравнению с предыдущими крупными вооруженными конфликтами, значительно увеличилась огневая мощь за счет усовершенствования стрелкового оружия, применения бездымного пороха, пулеметов, магазинного оружия, а также координации действий артиллерии с другими родами войск на поле боя.

Л.Кутзее, аспирант лаборатории экономики прошлого Африки (проект *LEAP*) Стелленбошского университета, посвятила выступление «капским мятежникам». Это жители Капской колонии, с оружием в руках присоединившиеся к борьбе южноафриканских республик. Применяв количественные методы (в т.ч. геоинформационные системы и статистический анализ) в сочетании с контекстуальным анализом архивных источников, Кутзее пыталась выяснить, почему эти подданные королевы воевали против Британской империи. Основной причиной исследователь считает сочувствие «мятежников» к идеологии и политическому курсу бурских республик, общность их целей и интересов. Кроме того, привлечению «мятежников» в ряды бурских вооруженных формирований способствовал сильный лидер, бурский генерал Я.Смэтс, отряды которого действовали в этом регионе.

С докладом «Феномен добровольчества в контексте изменений внешнеполитического вектора Российской империи в период англо-бурской войны» выступил к.и.н. **А.С.Зданевич**, ст. преп. кафедры африканистики Восточного факультета СПбГУ. Вооруженные конфликты, происходившие на протяжении XIX в. в Российской империи и за её пределами, были вызваны противостоянием великих держав. Солидарность российского общества с борьбой африканеров за независимость, по мнению исследователя, обусловлена позицией европейских государств, не пытавшихся препятствовать империалистическим устремлениям Великобритании на Юге Африки. В сознании россиян освободительная борьба буров воспринималась с обостренным чувством справедливости и вызывала стремление помочь слабым, что характерно для россиян и сегодня.

О малоизвестных русских добровольцах на англо-бурской войне рассказала к.и.н. **Л.Я.Прокопенко** (ИАФР РАН). В частности, она обратилась к биографии украинского литератора Ю.Я.Будяка, который в 1920-е гг. утверждал, что воевал в Южной Африке и помог будущему британскому премьер-министру У.Черчиллю спастись из бурского плена. Утверждения Будяка не подтверждаются документально, но их до сих пор распространяют популярные издания. Это пример устойчивого присутствия и востребованности мотивов англо-бурской войны в историческом сознании населения стран на бывшей территории Российской империи.

О роли эмигранта из Российской империи, крупного предпринимателя С.Маркса при заключении соглашения, положившего конец англо-бурской войне, напомнил собравшимся к.э.н., к.иск. **Ю.С.Скубко** (ИАФР РАН). На протяжении войны Маркс, имевший тесные связи с обеими сторонами конфликта, пытался примирить противников. Его усилия увенчались успехом, когда в 1902 г. на территории его фабрики британцы и буры подготовили проект мирного договора, который вскоре был подписан в Претории.

Несколько выступлений были посвящены особенностям восприятия англо-бурской войны российским обществом. **Ю.О.Ивченко**, магистрант Института истории СПбГУ, провела исследование формирования эмоционального отношения российских детей к конфликту в далекой Южной Африке на материале дневников 1899–1902 гг. сына и дочери дворян Половцовых. В их повседневную жизнь вошли образы воюющих буров и англичан благодаря играм, чтению, беседам со взрослыми, а также участию в мероприятиях в поддержку южноафриканских республик.

Образы англо-бурской войны и буров в русском массовом сознании ярко проявились в карикатуре. Исследование на материале юмористических журналов, проведенное **Д.А.Туряницей** (ИАФР РАН), подтверждает, что этот вооруженный конфликт не только стал предметом оживленных дискуссий в Российской империи, но и вошел в повседневную жизнь россиян. Впрочем, во второй половине XX в. находчивый и отважный «бур» в отечественной карикатуре превратился в трусливого и хищного колонизатора. Эта трансформация иллюстрирует кардинальное изменение отношения к африканерам в связи с деколонизацией в Африке, которой стремился воспрепятствовать режим апартеида в ЮАР.

Международная кампания в поддержку буров связывается в историографии с консервативными и даже реакционными кругами. Действительно, их голоса звучали особенно громко, но англо-бурская война повлияла и на прогрессивные силы. К такому выводу пришел к.и.н. **Б.М.Горелик** (ИАФР РАН). Симпатии к бурам преобладали даже среди русских социалистов-народников и эсеров, легальных мар-

ксистов и подпольщиков-социал-демократов. Отечественные левые радикалы изучали опыт бурских вооруженных формирований, предполагая, что он пригодится в революционной деятельности на родине. Политические силы, выступавшие против самодержавия, вдохновлялись освободительной борьбой бурских республик. Симпатии к бурам, интерес к их войне против британского империализма способствовали политизации российского общества в преддверии революции 1905–1907 гг.

В первые годы XX в. в России появилась народная песня об англо-бурской войне «Трансвааль, Трансвааль, страна моя». Она прочно вошла в фонд русского фольклора и закрепилась в традиционной культуре. **Т.В.Краюшкина**, зав. Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, д.ф.н., в своем выступлении отметила, что, в отличие от других народных песен, «Трансвааль» не вышла из живого бытования. Более столетия она упоминается в русской поэзии, художественной и документальной прозе. Особенно часто к этой песне обращались в военное время, и каждый раз её значение переосмысливалось в зависимости от исторического контекста. Постоянными остаются её ассоциации с борьбой за свободу и независимость родины. Эти ценности актуализируются в связи с вооруженными конфликтами, в которые россияне были вовлечены в XX–XXI вв.

Военные историки из Стелленбошского университета (ЮАР) и Намибийского университета – проф. **И.Либенберг**, д-р **М.Роос** и д-р **Г.фан дер Вестхайзен** – подчеркнули, что при изучении англо-бурской войны необходимо учитывать широкий исторический контекст. Нужно исследовать не только историю сражений, но и фронтовой быт, травматический опыт людей и животных в ходе боевых действий, а также долгосрочные последствия войны. Речь идет о социокультурных и антропологических аспектах, которые недостаточно разрабатывались военными историками. В качестве примера междисциплинарного подхода докладчики привели подготовленный ими и изданный в ЮАР к 100-летию окончания англо-бурской войны сборник статей «*A Century is a Short Time: New Perspectives on the Anglo-Boer War*».

Э.-Г.фон Зейл, сотрудник Кейптаунского университета и резервист ВМС ЮАР, выступил с докладом о том, как англо-бурская война проявляется в исторической памяти небелых жителей его страны. В апреле 1902 г. бурские партизаны без боя взяли шахтерский поселок Конкордия в полупустынном регионе Намакваленд. Жители, которым британское командование поручило оборонять поселок, сдались партизанам. Почти столетие эти мужчины считались предателями, но докладчик установил, что необученные и плохо вооруженные, они не могли успешно сопротивляться захватчикам, которые в случае победы могли разорить их дома и жестоко расправиться с ними и их семьями. Переосмысление этого исторического события позволило избавить жителей Конкордии от стыда за прошлое.

Э.Ю.Комарова-Тагар, зам. председателя Координационного совета соотечественников в ЮАР, рассказала участникам и гостям конференции, как на Юге Африки поддерживается память об участии русских подданных в англо-бурской войне.

Участники конференции выразили уверенность в перспективности активного изучения вопросов, связанных с англо-бурской войной, и расширения тематики её исследования. По итогам конференции планируется научное издание.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Горелик Борис Моисеевич, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра исследований Юга Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Boris M. Gorelik, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Southern African Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 04.12.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 11.01.2023

Принята к публикации
(Accepted) 23.01.2023

Незрелость как культурная ценность: культурно-социологическое исследование поклонников японских поп-звезд *айдору*

© Какинь О.И.^а, 2023

^а Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-9565-8483; kakin.oksana@gmail.com

Резюме. Молодые поп-звезды японской эстрады – *айдору* – пользуются в Японии большой популярностью, однако отнюдь не всегда обладают выдающимися профессиональными навыками или привлекательной внешностью, которые могли бы объяснить такой значительный коммерческий успех. Мы полагаем, что он связан с уникальным феноменом японского общества – «любованием незрелостью», при котором свойственная *айдору* неопытность воспринимается не как недостаток, а как культурная ценность, которая привлекает поклонников. Фанаты получают удовольствие, наблюдая, как незрелые юные артисты постепенно растут, прикладывая все силы, чтобы развить свои умения и достигнуть успеха. Поклонники любят этот процесс и всячески поддерживают любимых артистов на пути к вершине шоу-бизнеса. Мы подробно разбираем это явление на основе результатов интервью с японскими фанатами *айдору*-групп, принадлежащих одному из лидирующих агентств в музыкальной индустрии Японии – *Johnny's Entertainment*. Мы также предполагаем, что анализ этого явления открывает новую перспективу для исследователей японской культуры, поскольку любование незрелостью можно обнаружить не только среди поклонников *айдору*, но и среди любителей традиционного театра, борьбы сумо, молодежного бейсбола и волейбола, а также в других областях культуры и спорта.

Ключевые слова: Япония, любование незрелостью, фанатская культура, фанаты, *айдору*, современная японская культура

Для цитирования: Какинь О.И. (Санкт-Петербург). Незрелость как культурная ценность: культурно-социологическое исследование поклонников японских поп-звезд *айдору*. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 2. С. 65–73. DOI: 10.31857/S032150750021136-1

Immaturity as a Cultural Value: Socio-Cultural Study of Japanese Idol Fans

© Oksana I. Kakin^а, 2023

^а HSE University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-9565-8483; kakin.oksana@gmail.com

Abstract. This paper examines “admiring of immaturity”, a unique phenomenon that can be observed in Japan that sees immaturity not as a drawback but as a cultural value, using contemporary Japanese idols fan culture as a case study.

Japanese word that means immaturity – *mijuku* – has a negative connotation and can hardly be used as a praise, however we argue that in certain socio-cultural contexts in Japan immaturity is seen as something positive, something that actually adds value to the person who possess it. For example, Japanese idols are generally not marketed as perfect singers, dancers or performers and many of them might be called immature in their skills, yet they are hugely popular and commercially successful. One of the reasons that explains it is that their fans find enjoyment in observing the process of learning, growing, and maturing by idols, with the training system of Jonny's Jr. as one of the examples. Thus, a certain amount of immaturity is required from idols if they want to attract this type of long-term loyal fans.

The paper uses the Japanese idol fan culture as a case study to understand what role the admiring of immaturity plays in Japanese society and open a new perspective in studying the Japanese culture. With this purpose, semi-structured interview survey was conducted among informants recruited among female Japanese fans of young male idols under talent agency Johnny & Associates.

Keywords: Japan, admiring of immaturity, fan culture, fans, Japanese idols, contemporary Japanese culture

For citation: Kakin O.I. (Saint Petersburg). Immaturity as a Cultural Value: Socio-Cultural Study of Japanese Idol Fans. *Asia and Africa today*. 2023. № 2. Pp. 65–73. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021136-1

ВВЕДЕНИЕ

Молодые артисты эстрады – *айдору* – один из неотъемлемых символов японской массовой культуры и один из столпов государственной программы «Стратегия *Cool Japan*»¹, направленной на укрепление мягкой силы страны [1].

За последние 10 лет первые строки в годовом рейтинге продаж музыкальных альбомов «*Орикон*» неизменно занимают *айдору*-группы [2], их концерты проводятся на крупнейших стадионах, и ни один телевизионный канал не обходится без их постоянного участия в передачах и сериалах. Однако человеку, сталкивающемуся с *айдору* впервые, их популярность может показаться необъяснимой, т.к. многие *айдору* не владеют навыками вокала и танца на профессиональном уровне и отнюдь не все выделяются уникальной внешностью. Иными словами, они выглядят как артисты, находящиеся на полпути к профессиональной зрелости, но это не мешает им уже сейчас пользоваться большим успехом.

Почему же эта незрелость не является помехой?

С этого вопроса было начато наше исследование, результат которого показал, что незрелость *айдору* – это не только не преграда на пути к успеху, но, наоборот, важный фактор в его достижении. Связано это с явлением «любования незрелостью», когда незрелость воспринимается не как недостаток, а как культурная ценность, которая не уникальна только для поклонников *айдору*, а свойственна японской культуре в целом и проявляется во многих её аспектах.

Мы рассмотрим это явление на основе результатов культурно-социологического исследования японских фанатов *айдору*-групп.

ИСТОРИЯ ФЕНОМЕНА АЙДОРУ

Кто такие *айдору*, когда они появились и чем отличаются от других музыкантов эстрады? Заимствованным словом «*айдору*» стали обозначать молодых артистов эстрады после выхода в 1964 г. французского фильма «Ищите идола», героями которого были молодые музыканты [3]. В связи с этим изначальное значение слова «идол» – предмет или статуя, которой поклоняются как божеству, – было утеряно.

В современной Японии слово «*айдору*» широко используется в двух смыслах [4]. В первом оно означает человека, чье обаяние превосходит его уровень мастерства. Например, гончар, чьи навыки ремесла еще недостаточно отточены, но молодость, привлекательная наружность и дружелюбный характер вызывают симпатию, может быть назван *айдору* от гончаров. Любопытно, что и в таком значении слово «*айдору*» ассоциируется с молодостью и незрелостью. Второе же значение этого слова – один из жанров музыкального шоу-бизнеса. Этот жанр представляют коллективы, которые записывают музыку в жанре поп и исполняют её в сопровождении групповой хореографии. Они дают концерты и ездят на гастроли, а также выступают на телевидении и снимаются в кино. Примерами таких групп являются *Arcsi* («Шторм») и *AKB48*².

Как сформировался жанр *айдору*?

Начнем с истории женщин *айдору*. Телевизионное шоу «*Сута тандзэ!*» («Рождение звезды», 1972–1983), устраивающее публичные прослушивания для певцов и певиц, было одной из первых площадок, где *айдору* начинали свой путь к славе [3]. Одним из первых успешных коллективов было трио *Сан-нин Мусумэ* («Три молодые девушки»), появившееся в 1971 г., за которым последовали группы *Candies* («Конфетки») и *Pink Ladies* («Розовые леди»). Впоследствии 1980-е стали золотым веком *айдору*, когда

¹ «Стратегия *Cool Japan*» – это государственная программа, начатая в 2010 г., направленная на повышение популярности японской массовой культуры и продукции за рубежом с целью увеличения экономической прибыли и укрепления мягкой силы страны [1].

² Название группы *AKB48* – это сокращение от «*Акихабара 48*». *Акихабара* – местность в Токио, где располагается театр, с выступлений в котором группа начала свою деятельность. Число 48 – изначальное количество участниц (*прим. авт.*).

выступали легендарные артистки, такие как Мацуда Сейко и Коидзуми Кёко [3]. В то время женщины *айдору* чаще всего выступали сольно и были известны своими вокальными способностями, а телевидение было основной платформой для продвижения артистов.

В конце 1980-х гг. в этой системе произошел сдвиг, когда *Онянко курабу* («Клуб котят»), женская группа с многочисленными участницами, была создана на ТВ-передаче *Юякэ нян нян* («Закат мяу мяу») [5]. Концепт передачи состоял в том, что студентки университета участвовали в прослушивании, чтобы появиться на шоу и получить возможность овладеть навыками, необходимыми *айдору*. Успешные участницы в дальнейшем дебютировали в составе уже существующей группы *Онянко курабу*. Таким образом, зрители впервые получили возможность посмотреть, как выглядит процесс создания звезды изнутри, а также проследить весь путь будущей *айдору* от прослушивания до дебюта. Для достижения успеха участницы должны были показать, что они готовы упорно трудиться, однако уровень их профессиональных навыков не имел большого значения – это подчеркивало идею, что для *айдору* важно обаяние и трудолюбие, а не навыки.

Онянко курабу также стал первым коллективом, который использовал т.н. «систему выпуска»: старшие члены группы постепенно «выпускались» и покидали группу, а их место занимали новые участницы [5]. Т.е. состав группы постоянно обновлялся, при этом она не меняла названия или концепта. Эта система позже была принята группой *АКВ48*, а после неё и многими другими женскими коллективами.

1990-е гг. называют «ледниковым периодом» в истории *айдору*, поскольку растущая популярность рок-музыки, а также упадок музыкальных ТВ-передач разрушили благоприятные условия, в которых процветали *айдору* 1980-х гг. [5]. Однако в конце 1990-х на ТВ-передаче *ASAYAN* («Утро ведь») была создана новая группа *Morning Musume* («Утренние девушки») с необычной концепцией трансляции всего процесса обучения *айдору* на телевидении. Зрители могли наблюдать, как участницы работают над своими навыками на сцене и за её пределами [5].

В начале 2000-х произошел второй бум женских *айдору*-групп с появлением *АКВ48*. У этой группы, созданной продюсером *Онянко курабу*, была новая концепция: «*айдору*, с которыми можно встретиться лично» [6]. В отличие от *айдору* 1980-х, которых можно было увидеть лишь на концертах, участницы *АКВ48* предоставили фанатам много возможностей встретиться с ними лицом к лицу: мероприятия для поклонников, где можно было обменяться рукопожатием со своей любимой участницей и получить автограф, выступления на маленьких театральных сценах, а также прямое общение через блоги в сети Интернет. Концепция оказалась чрезвычайно успешной, и теперь многие женские группы реализуют аналогичную концепцию.

Еще одно характерное качество *АКВ48* – унаследованная от *Онянко курабу* система ротации, в которой старшие участницы «выпускаются» из группы, а новые участницы присоединяются к ней. Другая характерная черта – т.н. «всеобщие выборы»: поклонники голосуют за свою любимую участницу, что формирует рейтинг популярности всех участниц. В свою очередь, этот рейтинг определяет их положение в период работы над следующей песней группы (сколько строк в песне и экранного времени в музыкальном клипе получит каждая участница, на какой позиции будет танцевать и т.д.). При этом участница, занявшая первое место, становится «центром группы» – она получает право находиться в центре танцующих, поет припев, отвечает на интервью, представляя группу и т.п. Естественно, поклонники хотят, чтобы именно их любимая участница стала «центром», поэтому они принимают активное участие в голосовании. Чтобы получить право голоса, нужно купить один компакт-диск с песней группы – правило, которое во многом способствовало миллионным продажам дисков *АКВ48* и принесло как похвалу, так и критику со стороны музыкальной индустрии [7].

Хотя сейчас *АКВ48* не так популярна, как несколько лет назад, эта группа по-прежнему является стандартом того, какой должна быть женская *айдору*-группа, и все остальные группы подчеркивают свою индивидуальность, сравнивая себя с ней. Например, самая коммерчески успешная на данный момент группа *Ногидзака46*³ была создана тем же агентством в качестве «официального конкурента *АКВ48*», подчеркнув все отличия, которые у неё были с предшественницей.

³ Женская группа *Ногидзака46* получила свое название по названию станции *Ногидзака* в Токио, неподалеку от которой находится здание, где проходило финальное прослушивание участниц группы. Число 46 – изначальное количество участниц (прим. авт.).

После успеха *AKB48* появилось множество других женских *айдору*-групп, что привело к диверсификации жанра и создало оптимальные условия для его дальнейшего процветания.

История мужчин-*айдору* в Японии очень отличается от истории женщин-*айдору*, поскольку в течение очень долгого времени *Johnny's Entertainment* – агентство, которое выпускало самые коммерчески успешные мужские группы с момента своего основания в 1960-х гг. – обладало абсолютной монополией в индустрии [8]. В этом агентстве будущих *айдору* отбирают не через телевизионные передачи или публичные конкурсы, а через закрытые прослушивания. У них нет свойственной женским группам системы «выпуска», нет ротации участников или добавления новых артистов в уже созданные группы, а мероприятия, где можно с ними встретиться лично и получить автограф, чрезвычайно редки. Несмотря на то, что артисты этого агентства часто появлялись на телевидении, до недавнего времени существовала строгая граница между их публичной и частной жизнью.

Доминирование *Johnny's Entertainment* в последнее время пошатнулось, т.к. наблюдается всплеск популярности т.н. «подземных» групп, которые не часто появляются на телевидении, но используют социальные сети в интернете для прямого общения с фанатами и предоставляют им множество возможностей для личных встреч [9].

ОТЛИЧИЕ МАРКЕТИНГОВОЙ СТРАТЕГИИ АЙДОРУ ОТ ЗАПАДНЫХ АНАЛОГОВ

Чтобы выявить особенности японских *айдору*, проанализируем отличия их маркетинговой стратегии от западных поп-звезд. Первое заметное отличие – на Западе эстрадные артисты занимаются только музыкальной деятельностью, в то время как *айдору* снимаются также в кино, играют в театре, ведут телевизионные передачи и радио-шоу. Поскольку *айдору* занимаются сразу многими видами деятельности, не удивляет, что они не могут владеть одинаково высокими профессиональными навыками во всем. Следовательно, связь между популярностью и талантом может быть не такой прямой, как у западных исполнителей.

Следующее отличие – западные музыканты, как правило, не скрывают свою личную жизнь и афишируют свои романтические отношения. В Японии же среди всех публичных лиц не принято разглашать свои отношения до заключения брака, однако от *айдору* требуют еще большей строгости: любые слухи о романтических связях считаются скандалами и могут нанести большой урон их карьере.

Хотя на Западе многие эстрадные исполнители дебютируют еще подростками, как и *айдору*, они стараются показать публике, что, несмотря на свой юный возраст, они уже опытные, взрослые и привлекательные, в то время как *айдору*, наоборот, пытаются создать и сохранить как можно дольше юный невинный образ.

Подводя итог, мы можем заключить, что современная маркетинговая стратегия *айдору* отличается от западной модели тем, что *айдору* – это «мастера на все руки» шоу-бизнеса, которые сохраняют юный имидж, «не запятнанный» романтическими скандалами.

ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ

Почему такая маркетинговая стратегия работает в случае Японии? В специализированной литературе есть несколько возможных объяснений. Первое – *айдору* продают поклонникам не музыку, а образ идеального возлюбленного или возлюбленной, поэтому самое главное для них – это создать привлекательный, но достижимый образ, который стал бы основой для фантазии фанатов [10]. Поклонники осознают, что *айдору* – это всего лишь фантазия, созданная телевидением, но они всё равно наслаждаются ей, т.к. она безопасна. Таким образом, частые появления на телевидении – это необходимое условие для увеличения числа фантазирующих поклонников, а реальные навыки вокала или хореографии не важны. Именно поэтому *айдору* должны быть мастерами на все руки, чтобы появляться как можно чаще на телевидении, и сохранять невинный имидж, чтобы не вызвать ревность фанатов. Другая теория рассматривает *айдору* как «живых персонажей», таких как *Hello Kitty*⁴, для которых музыка – это всего

⁴ *Hello kitty* («Привет, кошечка») – персонаж и торговая марка, созданные японской компанией *Санрио*, специализирующейся на производстве канцелярских товаров и подарков. Персонаж изображается в виде белой кошки с красным бантом на голове. Пользуется большой популярностью не только в Японии, но и по всему миру (*прим. авт.*).

лишь форма выражения, способ оживления этих персонажей [11]. Если персонаж пришелся по душе публике, *айдору* будет популярен, поэтому важны не навыки, а характер.

Невысокий уровень навыков *айдору* также объясняют тем, что они являются в первую очередь живыми моделями, по образу которых молодежь формирует свои представления о том, как нужно выглядеть, вести себя, какого придерживаться образа жизни, и какие иметь вкусы и взгляды. Следовательно, их музыкальная карьера – лишь платформа для трансляции этой информации, и её технический уровень не играет роли [3].

Таким образом, специализированная литература не отрицает профессионально незрелый уровень *айдору* как артистов, однако объясняет их успех особыми условиями индустрии. Мы же утверждаем, что незрелость *айдору* является не негативным или нейтральным фактором на пути к успеху, а одним из ключевых условий, необходимых для обретения популярности. Мы объясняем это явлением «любования незрелостью».

КОГДА НЕЗРЕЛОСТЬ – ЭТО ПЛЮС

Мы определяем любование незрелостью как социально-культурное явление, которое представляет собой совокупность ценностей, взглядов и практик, в которых предпочтение отдается процессу роста и развития, а не достигнутому результату – молодости, невинности, неопытности, несовершенству и другим качествам, ассоциируемым с незрелостью.

Японские поклонники *айдору* хорошо знают, что их кумиры не всегда имеют высокий профессиональный уровень, однако это не только не уменьшает привлекательности *айдору* в их глазах, но, наоборот, придает им очарование, потому что фанаты получают удовольствие, наблюдая за процессом развития их кумиров и любясь их незрелостью. Поклонникам нравится смотреть, как юный артист, который когда-то робел на сцене и сбивался во время пения, постепенно превращается в уверенного известного исполнителя благодаря упорному труду и поддержке верных фанатов.

Таким образом, если западные артисты привлекают поклонников своей зрелостью и мастерством, то японские *айдору* вызывают у фанатов желание поддержать их, демонстрируя свою незрелость и рвение развиваться.

При таком определении может показаться, что мы критикуем уровень мастерства японских *айдору* по сравнению с западными артистами. Также японское слово «незрелый» (未熟, *мидзюку*) бесспорно имеет негативные коннотации. Однако, во-первых, мы хотим оговориться, что целью данного исследования не является объективная оценка уровня мастерства кого бы то ни было, мы оцениваем маркетинговую стратегию *айдору* и западных звезд. Даже при поверхностном знакомстве с *айдору* ясно, что они не преподносятся как певцы высокого класса, в то время как западные исполнители подчеркивают свой талант (не важно, обладают ли они мастерством в действительности или нет). Во-вторых, данное исследование не рассматривает «незрелость» как негативный фактор, заслуживающий критики или осуждения, а, наоборот, как важный инструмент для завоевания сердец поклонников.

Агентства, занимающиеся созданием и маркетингом *айдору*, знают об этом явлении и стратегически создают условия, в которых поклонники могут наблюдать за процессом роста *айдору* и участвовать в их «воспитании». Так, в вышеупомянутом *Johnny's Entertainment* существует система *Johnny's Jr.* [8]. Так называют всех артистов, состоящих в этом агентстве, у которых еще не состоялся официальный дебют. Во время подготовки к дебюту они обучаются танцам и вокалу, выступают как танцоры на концертах старших групп, участвуют в спектаклях и появляются в ТВ-передачах. Благодаря этому, фанаты могут наблюдать процесс развития юных артистов и видеть в реальном времени, как те становятся всё более умелыми и начинают приобретать популярность. Таким образом, поклонники отслеживают весь путь *айдору* от вступления в агентство до дебюта и могут любоваться их незрелостью и развитием.

Чтобы детально изучить этот процесс, мы провели интервью с японскими фанатами *айдору*, состоящих в агентстве *Johnny's Entertainment*. Поскольку их целевая аудитория – женщины, мы выбрали в качестве участниц интервью их поклонниц.

КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ЛЮБОВАНИЯ НЕЗРЕЛОСТЬЮ

Интервью выявили 5 ключевых особенностей в поведении фанатов, которые помогают улучшить понимание процесса любования незрелостью.

Во-первых, фанаты не придают большого значения уровню вокала, хореографии или актерской игры их кумиров. Участницы интервью часто озвучивали идею, что тем, кто ищет высокого мастерства, стоит переключиться на оперных певцов, танцоров балета и актеров театра, а не ждать такого же уровня профессионализма от *айдору*.

Однако была незрелость, на которую они обращали внимание, и которая была важна для них, – это незрелость, связанная с навыками, характерными только для профессии *айдору*. То есть способности умело общаться с фанатами, шутить на телевизионных шоу, поддерживать дружелюбный имидж и чистую репутацию – это способности, незрелость которых оценивалась фанатами как имеющая значение. Таким образом, качество вокала или хореографии действительно не связаны напрямую с уровнем успеха *айдору*, а незрелость, которой любят фанаты – это незрелость навыков, специфичных для *айдору*.

Во-вторых, незрелость *айдору* не обязательно воспринимается позитивно. Иными словами, в глазах поклонников есть «хорошая» и «плохая» незрелость. Хорошая незрелость придает *айдору* очарование и воспринимается поклонниками как милая (*かわいい*, *kawaii*). Например, когда юный артист старается изо всех сил выполнить сложный номер, но нервничает и ошибается, тогда он выглядит милым для фанатов, и они не только не ругают его за ошибки, но, наоборот, хотят еще больше его поддержать и подбодрить, видя, как он тяжело работает. Таким образом, хорошая незрелость – это не незрелость из-за того, что вы не прилагаете усилий, а незрелость, когда вы изо всех сил пытаетесь стать лучше, но у вас не получается из-за недостаточного опыта.

Многие участницы также говорили, что *айдору* выглядят милыми, когда непринужденно общаются с ровесниками за кулисами или ведут себя в соответствии со своим юным возрастом. То есть, мы можем проследить связь юный – незрелый – милый в сознании поклонников.

С другой стороны, плохая незрелость – это незрелость из-за безответственности и нежелания трудиться. Согласно словам участниц, она проявляется в том, что артисты опаздывают, не прикладывают усилий, невежливо говорят со старшими, неуважительно относятся к поклонникам, не следят за тем, чтобы сохранить репутацию. Такая незрелость воспринимается фанатами как негативная и не является предметом любования.

Таким образом, существуют различные типы незрелости *айдору*: фанаты критикуют плохую незрелость и ценят хорошую.

В-третьих, фанаты, которые долгое время поддерживали одного и того же артиста и наблюдали за его ростом и увеличением популярности, начинают чувствовать, что они сами «воспитали» своего кумира. Видя, как артист, на которого они «положили глаз» еще в юном возрасте и в поддержку которого они вложили много времени, средств и усилий, достиг успеха и популярности, поклонники чувствовали радость и гордость. Т.е. «воспитание» *айдору* – это один из факторов, который сильно привлекает фанатов как одно из удовольствий, свойственных фанатской деятельности.

Однако незрелость, как и юность, не может длиться вечно. Когда *айдору* «созревают», фанаты «переезжают» на более незрелых. Многие респонденты рассказали, что они перестали поддерживать кумиров, которые достигли слишком большой популярности и стали казаться им слишком далекими, и начали поддерживать кого-то более юного и непопулярного. Иными словами, когда рост и развитие *айдору* завершаются, любование незрелостью становится невозможным, в связи с чем фанаты меняют объект любования и начинают поддерживать артиста, который еще долго останется незрелым.

Еще одна ключевая особенность – взгляд фанатов, то, с какой точки зрения они смотрят на *айдору* и в каких отношениях с ним видят себя.

Как было упомянуто ранее, *айдору* часто воспринимают как идеальных возлюбленных, считая, что они продают поклонникам не музыку, а романтическую фантазию. Именно из-за этого *айдору* не могут афишировать свою частную жизнь, иначе они рискуют вызвать ревность у фанатов. Если исходить из такой точки зрения, тогда взгляд фанатов, направленный на *айдору*, должен быть взглядом возлюблен-

ного, а отношения с ним – романтическими (пусть и исключительно в фантазиях поклонников). Действительно, участники данного исследования сообщили, что есть *айдору*, на которых они смотрят именно так. Однако помимо такой точки зрения, есть еще одна – позиция родителя. При этом любование незрелостью происходит именно с этой позиции, а не с позиции возлюбленного.

Некоторые участницы смотрели на своих любимых *айдору* как на своих детей: они радовались их успехам, переживали за них и желали им самого лучшего так, как будто артисты были их детьми, а не артистами, под чьей маркой они покупают товары. Например, описывая чувства, которые они испытывали, видя, как их любимый артист дебютирует после многих лет тяжелой работы, они использовали выражения «была горда как мать» или «чувствовала печаль, которую чувствуют родители, когда птенец покидает гнездо». При этом особенно удивительно, что описанная позиция родителя была свойственна не только взрослым поклонницам, у которых есть дети, а присутствовала и у тех участниц исследования, кто был в реальности младше своих кумиров и не только не имел детей, но был еще слишком молод, чтобы задумываться о детях.

Подводя итог вышесказанному, мы нашли 5 особенностей в поведении фанатов *айдору*. Они любят «хорошей» незрелостью, связанной с неопытностью и недостатком навыков, специфических для жанра *айдору*, а не с незрелостью навыков вокала или хореографии и не с незрелостью, проявляющейся в безответственном поведении. Чем дольше они любят незрелостью конкретного *айдору*, тем сильнее у них возникает ощущение, что они внесли вклад в «воспитание» своего кумира, на которого они смотрят не как на фантазийного идеального возлюбленного, а как на фантазийного сына. Когда же *айдору* преодолевает свою незрелость и становится популярным, они перестают его поддерживать и переключаются на нового, более юного и незрелого *айдору* и повторяют весь процесс с самого начала. Таким образом, в фанатской культуре *айдору* складывается процесс любования незрелостью.

АЙДОРУ КАК НОВЫЙ ТИП «ЗВЕЗДЫ»

Долгое время отношения между *айдору* и их фанатами рассматривали как отношения между теми, кто продает иллюзию идеального возлюбленного, и теми, кто её покупает. В последнее время более распространена трактовка этих отношений как связи между спонсируемым артистом и патроном, который его «растит». Наши интервью показали, что у такого «взрачивания» очень сильна окраска традиционных семейных ролей, поэтому этот аспект отношений близок к связи родителя и ребенка. Но эти два аспекта отношений не являются взаимоисключающими. Иными словами, фанаты могут в один момент видеть кумира как идеального возлюбленного, а в другой – как сына, которого они «воспитывают», или видеть одного *айдору* как возлюбленного, а другого – как сына. Более того, именно эта двойственность отношений, эта разница между ними и является одним из ключевых факторов, привлекающих фанатов к *айдору*.

Такая двойственность в сущности звезд шоу-бизнеса была впервые озвучена французским философом Эдгаром Мореном [12], изучавшим кинозвезд Голливуда 1950-х гг. Проанализировав разные их аспекты, он пришел к выводу, что притягательность актеров и актрис заключается в их двойственности. Сравнивая их с полубогами Древнегреческой мифологии, детьми людей и богов одновременно, Морен определил, что звезды имеют похожую двойственность: близкие народу простые люди с одной стороны, но далекие и недостижимые кумиры с другой. Например, на большом киноэкране они выглядят как идеальные люди, но в интервью на телевидении они могут упомянуть, что, как и все, страдают от жары, вызвав у поклонников чувство близости и облегчения: «Они такие же, как мы».

Айдору также можно определить как звезд, обладающих двойственностью полубога. «Человеческий» аспект включает в себя неопытность, незрелость и невинность образа *айдору*. В то время как «божественный» аспект – это недостижимость кумира. Привлекательная для поклонников двойственность реализуется через баланс между этими двумя аспектами. Отличие от описываемых Мореном кинозвезд в том, что «человеческая» сторона *айдору* реализуется именно через их незрелость.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в настоящий момент *айдору* представляют собой новый тип звезд, чья уникальность заключается в том, что они проявляют свою человеческую сторону, демон-

стрируя фанатам свою незрелость, юность и неопытность. Фанаты же, в свою очередь, получают большое удовольствие, потребляя незрелость *айдору* и процесс их роста и «воспитания» как продукт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели феномен любования незрелостью на примере фанатской культуры японских *айдору* и выяснили, что именно он является одним из факторов, привлекающих поклонников. Таким образом, в определенном контексте незрелость – это не недостаток, а ценность.

Ограничивается ли этот контекст только *айдору* и их фанатами?

Если посмотреть на японскую культуру шире, можно обнаружить и другие области, в которых соответствующие условия позволяют любоваться незрелостью. Например, у поклонников борьбы сумо есть возможность наблюдать рост начинающих борцов на специализированных турнирах, а любители традиционного театра *но*⁵ могут любоваться выступлениями юных актеров, отслеживая развитие их мастерства с самых ранних лет. И те и другие поклонники получают удовольствие, определяя, кто из талантливых новичков станет будущим чемпионом или мастером, и наблюдая за их прогрессом.

Другой контекст, где любование незрелостью может иметь место – это школьный спорт. Во всех странах юные спортсмены из школьных спортивных секций соревнуются в национальных чемпионатах, но в Японии таким соревнованиям уделяется невероятно большое публичное внимание: их транслируют по центральным каналам наравне с крупнейшими мировыми чемпионатами, а имена победителей становятся известны по всей стране.

Возможно, одна из причин такой популярности заключается в том, что юношеский спорт имеет идеальные условия для любования «хорошей» незрелостью: болельщики могут наблюдать в реальном времени, как юные спортсмены изо всех сил стараются победить и улучшают свои навыки от игры к игре, не всегда справляясь идеально, но показывая свою детскую невинность и очарование. Именно на этих соревнованиях проявляют себя спортсмены, способные в будущем войти в профессиональные лиги, а значит, у поклонников есть возможность сделать ставку и угадать, кто же из них станет будущей звездой спорта.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что любовь к незрелости в фанатской культуре *айдору* – не особый феномен, а одна из культурно-социологических ценностей японского общества. Явление любования незрелостью не было изучено в специализированной литературе, поэтому на данном этапе можно лишь построить гипотезу, что и в других областях японской культуры проявляется явление любования незрелостью, а подтвердить её предстоит дальнейшим исследованиям. Однако уже можно сказать, что проведенный нами анализ открывает потенциально новую перспективу на японскую культуру.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. McLelland M. (ed.) 2017. The End of Cool Japan. Ethical, legal, and cultural challenges to Japanese popular culture. Routledge.
2. Oricon News. ランキング：年間 アルバムランキング 2021年度. <https://www.oricon.co.jp/rank/ja/y/2021/> (accessed 10.07.2022)
Oricon News. Ranking: Yearly Album Ranking 2021 version. (In Jap.).
3. Aoyagi H. 2020. Islands of eight million smiles: idol performance and symbolic production in contemporary Japan. Brill.
4. Katsuki Takashi. 2014. 「アイドル」の読み方: 混乱する「語り」を問う.
Katsuki Takashi. 2014. Understanding “Aidoru”: questioning confusing “stories”. Sekyuuusha (In Jap.)
5. Oota Shouichi. 2011. アイドル進化論 南沙織から初音ミク、AKB48まで.
Oota Shouichi. 2011. Evolution theory of idols From Minami Saori to Hatsune Miku, AKB48. Chikuma Shobou. (In Jap.)

⁵ Театр *но* – один из видов японского драматического театра (прим. авт.).

6. Tanaka Hidetomi. 2010. АKB48の経済学.
Tanaka Hidetomi. 2010. Economics of AKB48. Asahi Shinbun Shuppan. (In Jap.)
7. Sakai Masayoshi. 2014. アイドル国富論 : 聖子・明菜の時代からAKB・ももクロ時代までを解く.
Sakai Masayoshi. 2014. Theory of state enrichment by idols: from the era of Seiko and Akina to the era of AKB and MomoKuro. Touyou Keizai Shinbunsha. (In Jap.)
8. Oota Shouichi. 2016. ジャニーズの正体 : エンターテインメントの戦後史.
Oota Shouichi. 2016. The real face of Johnnies: History of entertainment after the Second World War. Futabasha. (In Jap.)
9. Tanaka Touko. 2019. 多様化する男性アイドル: 若手俳優・ボーイズグループ・王子たち.
Tanaka Touko. 2019. Diversification of male idols: young actors, boys' groups, princes. *Eureka*. № 51 (18). (In Jap.)
10. Inamasu Tatsuo. 1989. アイドル工学.
Inamasu Tatsuo. 1989. Engineering of idols. Chikuma Shobou. (In Jap.)
11. Ogawa Hiroshi. 1988. 音楽する社会.
Ogawa Hiroshi. 1988. Society that does music. Keisou Shobou. (In Jap.)
12. Morin E. (Howard R. translation). 2005. The Stars. University of Minnesota Press, Minneapolis, London.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Какинъ Оксана Игоревна, PhD (социология и гендерные исследования), тьютор, Институт востоковедения и африканистики, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия.

Oksana I. Kakin, PhD (Sociology and Gender Studies), tutor, Institute of Asian and African Studies, HSE University, Saint Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 13.06.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 23.09.2022

Принята к публикации
(Accepted) 14.12.2023

DOI: 10.31857/S032150750024411-4

Фактор Китая в Северной Африке

© Савичева Е.М.^{a,b}, Бребдани А.М.^{a,c}, 2023

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0001-8617-3508; savicheva@mail.ru

^c ORCID: 0000-0002-0808-7521; ammarbre1@gmail.com

Рецензия на книгу: **China and North Africa between Economics, Politics, and Security / Adel Abdel Ghafar** (Anthology editor). London, New York, Dublin: I.B. TAURIS, 2021. 264 p. ISBN-10 0755641833, ISBN-13 978-0755641833

Ключевые слова: Китай, Северная Африка, арабские страны, сотрудничество, инициатива «Один пояс – один путь», соперничество

Для цитирования: Савичева Е.М., Бребдани А.М. (Сирия). Фактор Китая в Северной Африке. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 2. С. 74–77. DOI: 10.31857/S032150750024411-4

The China Factor in North Africa

© Elena M. Savicheva^{a,b}, Ammar Muhsen Brebdani^{a,c}, 2023

^a RUDN University, Moscow, Russia

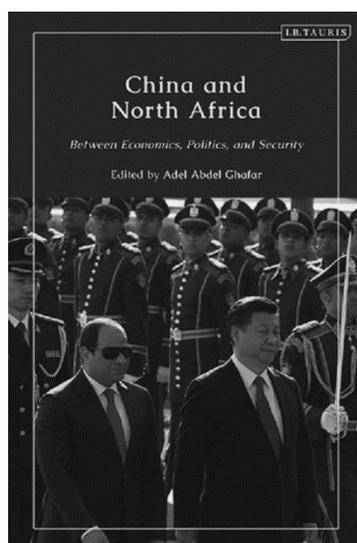
^b ORCID: 0000-0001-8617-3508; savicheva@mail.ru

^c ORCID: 0000-0002-0808-7521; ammarbre1@gmail.com

Review of the book: **China and North Africa between Economics, Politics, and Security / Adel Abdel Ghafar** (Anthology editor). London, New York, Dublin: I.B. TAURIS, 2021. 264 p. ISBN-10 0755641833, ISBN-13 978-0755641833

Keywords: China, North Africa, Arab countries, cooperation, initiative “One belt, one way”, rivalry

For citation: Savicheva E.M., Brebdani A.M. (Syria). The China Factor in North Africa. *Asia and Africa today*. 2023, № 2. Pp. 74–77. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024411-4

По мере того, как на Ближнем Востоке и в Северной Африке постепенно ослабевают позиции США, а Европа сталкивается с серьезными внутренними проблемами, новый актер – Китай усиливает свое влияние в этом обширном регионе. Растущая роль Пекина, вероятно, будет иметь далеко идущие геополитические и экономические последствия как на региональном, так и на глобальном уровне. Эта мировая тенденция не осталась без внимания ни российских¹, ни зарубежных экспертов, например, в рецензируемом нами сборнике «**China and North Africa: between Economics, Politics, and Security**».

В отношении Китая со странами Северной Африки можно выделить некие универсальные черты, характеризующие его политику в данном регионе, но вместе с тем в диалоге Пекина с отдельными арабскими государствами прослеживается своя специфика.

Труд под редакцией А.А.Гафара состоит из Введения и пяти глав; в них содержится анализ особенностей взаимодействия Китая с североафриканскими странами, оцениваются преимущества и издержки этого со-

¹ См.: Фактор Китая в Средиземноморье. М., Институт Европы РАН, 2022, 200 с. ISBN 978-5-98163-182-5

трудничества для обеих сторон, дается прогноз относительно усиливающегося соперничества в регионе Ближнего Востока и Северной Африки.

Адель Абдель Гафар – известный специалист по странам Ближнего Востока и Северной Африки: в сферу его научных интересов входят проблемы социально-экономического развития и внешняя политика государств региона. Он аналитик программы *Foreign Policy* в Институте Брукингса (*Brookings Institution*), одном из ведущих экспертно-аналитических центров США, а также эксперт центра *Brookings Doha* (Катар) и адъюнкт-профессор Школы дипломатической службы Джорджтаунского университета в Катаре.

Его соавтор по вводной главе Анна Джейкобс – внештатный сотрудник *Arab Gulf States Institute* (Вашингтон), эксперт *Brookings Doha*. В своих трудах она анализирует такие проблемы, как внутренняя и внешняя политика стран Магриба, международные отношения в Северной Африке, включая региональное и глобальное соперничество в регионе, американо-китайские отношения.

Во **Введении** А.А.Гафар и А.Джейкобс дают краткий обзор истории арабо-китайских отношений. Они подчеркивают, что в настоящее время эти связи развиваются как на двусторонней основе, достигая в ряде случаев уровня стратегического партнерства, так и в многостороннем формате, в частности, в рамках Форума китайско-арабского сотрудничества. Исследование причин и последствий стремительно расширяющегося сотрудничества Китая с такими странами, как Марокко, Алжир, Тунис, Ливия, Египет, проливает свет на стратегические цели и внешнеполитические приоритеты Китая в регионе (р. 4).

Авторы рассуждают о вкладе Пекина в экономическое развитие североафриканских стран в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь». Особое внимание они уделяют «мягкой силе» Китая, отмечая умелое использование Пекином торговых и культурных обменов, инвестиций в качестве «ненасилованных инструментов» (рр. 7–11). Проблема обеспечения безопасности в столь турбулентном регионе, как Северная Африка, а также усложнение отношений с традиционными западными партнерами побудили арабские страны искать альтернативных партнеров из числа ведущих мировых держав, коими стали Китай и Россия. Авторы отмечают, что страны региона «являются основным получателем китайского оружия в Африке, и эта доля составляет 42% китайского экспорта на континент» (р. 15).

Глава *Beyond Economics: Sino-Egyptian Relations under El-Sisi*, автор которой – специалист по Египту Н.Шама, посвящена китайско-египетским отношениям с акцентом на период президентства А.Ф.ас-Сиси, пришедшего к власти в 2014 г. Автор обращает внимание на резкий рост товарооборота между странами с большим торговым дисбалансом в пользу Китая. Китай инвестирует огромные суммы в различные отрасли египетской экономики, укрепляются военные связи, расширяется культурный обмен, активизируется туризм (р. 38).

Каир видит в тесном взаимодействии с Пекином условия для балансирования своих внешнеполитических связей. Автор полагает, что цель состоит не в том, чтобы пойти на разрыв отношений с США, к чему Каир вовсе не готов, а в том, чтобы смягчить давление Вашингтона, т.е. «диверсифицировать иностранных покровителей» и сохранить отношения и с западными столицами, и с государствами Персидского залива, и вместе с тем уравновесить американское влияние включением Москвы и Пекина в список союзников, способных предоставить помощь и защиту (р. 45).

Н.Шама отмечает, что тесные контакты Каира с экономической сверхдержавой, реализующей свои национальные интересы, безусловно, несут в себе значительные риски, в числе которых негативное влияние китайского импорта на жизнеспособность товаров отечественного производства, усиливающаяся конкуренция на внутреннем и международном рынках (р. 49). Более того, высказывая свои опасения, он использует термин «неоколониализм», поскольку продвижение китайских товаров на местных рынках и заинтересованность в природных ресурсах, столь необходимых для быстрорастущей китайской экономики, могут, по его мнению, «нанести ущерб развивающимся странам и их экономическому росту» (р. 51).

Глава *Libya & China: A Tale of Two Eras* подготовлена специалистом по Ливии Тареком Мегериси. В ней отмечается своего рода уникальность китайско-ливийских отношений, развивающихся в условиях гражданской войны и политического хаоса в Ливии. Двустороннее взаимодействие автор делит на два периода – до и после событий «арабской весны», подчеркивая, что отношения с непредсказуемым лидером Ливийской Джамахирии М.Каддафи до 2011 г. переживали взлеты и падения.

Масштабные китайские проекты в Ливии оказались под угрозой в 2011 г., и в феврале того же года Китай вынужден был провести эвакуацию своих граждан из страны. Автор указывает на негатив-

ные последствия для внешнеполитического имиджа Пекина в регионе в связи с его позицией по резолюции СБ ООН № 1973² (р. 76). Вместе с тем, по мнению Т.Мегериси, Китай крайне заинтересован в стабильности Ливии, которая может стать крупным партнером в области энергетики, инфраструктуры и торговли, т.е. существует большой потенциал для расширения взаимовыгодных двусторонних отношений. Китай сможет усилить свое влияние в Средиземноморье, в непосредственной близости от Европы, получить энергоресурсы и строительные контракты; Ливия же получит столь необходимые инвестиции в инфраструктуру и существенную прибыль от своего модернизированного углеводородного сектора.

Глава *The Burgeoning China–Tunisia Relationship: Short-Term Reward, Long-Term Risk*, автор которой – Сара Йеркс, аналитик Ближневосточной программы фонда Карнеги (США), специалист по Тунису и международным отношениям в Северной Африке, начинается с исторического обзора китайско-тунисских отношений вплоть до событий «арабской весны». Двусторонний диалог характеризуется усилением дипломатического взаимодействия, расширением образовательных и культурных обменов, а также торгово-экономических связей (хотя и менее интенсивных, чем с соседями). Однако и в случае с Тунисом торговый баланс неуклонно смещается в пользу Китая (р. 105).

Автор полагает, что укрепление связей Туниса с Китаем сопряжено с риском его отчуждения от западных союзников – США и стран Европы (pp. 111–113), которые, однако, не спешат предоставлять экономическую помощь и инвестиции, в которых так остро нуждается североафриканская страна. И хотя Китай способен обеспечить серьезную финансовую помощь, тем не менее автор советует с осторожностью относиться к растущему присутствию Пекина в экономике и критически важной инфраструктуре Туниса. Она высказывает мнение, что США и Европа должны проявлять здесь бóльшую активность в уравнивании Китая, хотя пока что Пекин здесь не имеет такого же влияния, как в других странах Ближнего Востока и Северной Африки.

Глава *China's Relations with Algeria: from Revolutionary Friendship to Comprehensive Strategic Partnership* анализирует отношения Китая с Алжиром, которые выделяются своей длительностью и устойчивостью (р. 131). Её автор, проф. Яхья Зубир, директор одной из ведущих бизнес-школ Франции (*KEDGE Business School*), отмечает, что подобно отношениям Пекина с другими арабскими странами связи с Алжиром за последние два десятилетия существенно расширились. Более того, китайско-алжирский диалог в 2014 г. вышел на принципиально новый уровень – уровень стратегического партнерства (р. 130), а запуск инициативы ОПОП в 2013 г. повысил интерес Китая к африканским рынкам (р. 136). Китай смог потеснить Францию на алжирском рынке и стать его основным торговым партнером, значительно увеличив свой экспорт в страну.

Поскольку Алжир стремится «слезть с нефтегазовой иглы» и провести реформы, нацеленные на диверсификацию своей экономики, Китай может сыграть ключевую роль в поддержке такого реформаторского курса, и при этом, в отличие от западных партнеров Алжира, он демонстрирует политику невмешательства во внутренние дела. Вместе с тем Я.Зубир утверждает, что китайская угроза интересам Запада в регионе преувеличена. Он считает, что Европа (особенно Франция) и США, вероятно, останутся главными внешними партнерами Алжира (р. 149).

Глава *Sino-Moroccan Relations: A Partnership Seeking to Reach Its Full Potential* исследует формирующееся партнерство между Марокко и Китаем со всеми его возможностями, ограничениями и вызовами. Автор, Ануар Буххарс – специалист по проблемам безопасности и борьбы с терроризмом, эксперт *Africa Center for Strategic Studies* (США), полагает, что напряженные отношения королевства с соседями, стремление удерживать статус регионального лидера подтолкнули Рабат к расширению партнерских отношений с Китаем (pp. 173–174). Со своей стороны, Пекин стал рассматривать Марокко как ключевой компонент своей стратегии в отношении Африки, особенно после визита монарха в Китай в 2016 г., который «вдохнул новую жизнь в китайско-марокканские экономические отношения» (р. 185).

В диалоге с Китаем Марокко, по сравнению со своими соседями, обладает рядом преимуществ: носительная политическая стабильность, более простые условия ведения бизнеса, крупные порты в Средиземноморье. Пилотным проектом инициативы ОПОП в королевстве станет развитие промышленно-технического сегмента в г. Танжер. Однако, считает А.Буххарс, нахождению полного взаимопони-

² Резолюция СБ ООН от 17 марта 2011 г. фактически санкционировала военное вмешательство иностранных государств в гражданскую войну в Ливии (прим. авт.).

мания сторон существенно мешают языковые и культурные различия. Также наблюдается значительный торговый дисбаланс между двумя странами. Марокко необходимо лучше интегрировать «китайский фактор» в свою экономическую стратегию, особенно для увеличения собственного экспорта. По мнению автора, наибольший потенциал для этого имеется в аграрном секторе (р. 189). Европа и США останутся основными экономическими и политическими партнерами Марокко, даже несмотря на то, что королевство стремится балансировать свои связи с другими международными акторами, такими, как Китай и Россия. Марокканское досье также включает спор о статусе Западной Сахары и непротые в связи с этим отношения с соседним Алжиром. До сих пор Китаю удавалось оставаться в стороне от этих разногласий и развивать тесные отношения с двумя региональными политическими тяжелове-сами.

Авторы сборника заключают, что глобальный подъем Китая будет иметь серьезные последствия в XXI веке. По мнению его критиков на Западе, этот рост должен быть тщательно управляемым и контролируемым. Однако для некоторых развивающихся стран подъем Китая несет в себе долгожданные изменения, поскольку предлагает еще одну альтернативу мировому порядку, в котором пока что доминирует Запад. Таким образом, рецензируемая монография представляет собой серьезное исследование китайского присутствия в Северной Африке и двусторонних контактов между странами региона и Китаем.

Мы полагаем, что для Российской Федерации, активно выступающей за построение нового миропорядка, осмысление роли китайского фактора в переформатировании ближневосточной региональной системы международных отношений представляется исключительно важным как в научном, так и практико-политическом плане.

Регион, открывающий доступ к основным мировым морским и сухопутным путям, а также африканским и европейским рынкам, приобретает всё большую стратегическую важность для Пекина. По мнению западных экспертов, за пределами Азиатско-Тихоокеанского региона Ближний Восток благодаря богатым углеводородным ресурсам и геостратегическому положению может рассматриваться в качестве одного из важнейших для Китая районов³. Китай по мере расширения своего экономического присутствия неуклонно укрепляет многоплановое взаимодействие с арабскими странами⁴.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Савичева Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, РУДН, Москва, Россия.

Elena M. Savicheva, PhD (History), Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russia.

Бребдани Аммар Мухсен (Сирия), аспирант кафедры теории и истории международных отношений, РУДН, Москва, Россия.

Ammar Muhsen Brebdani (Syria), Post-graduate student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 20.09.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.11.2022

Принята к публикации
(Accepted) 10.01.2023

³ См.: Scobell A., Nader A. China in the Middle East: The Wary Dragon. RAND Corporation. 2016. rand.org/pubs/research_reports/RR1229.html

⁴ См.: Савичева Е.М., Бребдани А.М., Рыжов И.В. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 1, с. 182.

Заметки о значении евроязычных литератур Азии и Африки

С.В. Прожогина,
д.ф.н., гл.н.с. ИВ РАН, член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня»

ORCID: 0000-0001-8276-0289; svetlana.projogina@mail.ru

Услышав 13 ноября 2022 г. на филологической секции (модератор С.Х.Кямилев, известный лингвист-арабист) арабистической конференции в Институте востоковедения (ИВ) РАН заявление одного из выступавших «кто не пишет по-арабски, тот не араб», я ему возразила, рассказав о плодах, которые принесли в мировую культуру произведения на европейских языках, написанные в странах Востока. Кстати, выступавший держал в руках новое издание книги ливанского писателя Х.Джебрана «Пророк» для презентации в ИВ, а она написана на английском, ибо на нём писали представители сиро-ливанской школы в эмиграции в США в начале XX в. Они были провозвестниками арабских литератур новейшего типа, до того развивавшихся в средневековой традиции.

Утверждений, что писатели Востока «должны писать только на языках своих народов» (в том же духе и заявление участницы конференции о необходимости «возврата к истокам») я давно не слышала в нашем институте, поскольку в Отделе литератур народов зарубежной Азии и Северной Африки, когда существовавшем в ИВ РАН, с середины 70-х гг. и до 90-х гг. проводилось множество новаторских исследований, отходящих от узко востоковедческих проблем к освещению литературного процесса на Востоке от древности до наших дней. Разрабатывались такие темы, как «Взаимодействие и взаимовлияние культур Востока и Запада», «Традиция и модернизаторство», глубоко изучалась специфика новых национальных литератур Востока в целом, велась систематизация межлитературных образований, «особых общностей» литератур Азии и Африки, закладывался методологический фундамент для написания серии «Историй» литератур Востока (некоторые были изданы). Ученые отдела подготовили удивительно разнообразную и талантливую авторскую репрезентацию серии «Писатели и мыслители Востока», среди которых были и евроязычные.

Научная атмосфера того времени благоприятствовала исследованиям **абсолютно новых** предметов филологической ориенталистики: в Отделе литератур это были евроязычные литературы Индии и Магриба. Это позволило не просто расширить горизонты понятия «индийские литературы» или «литературы арабского мира», но и сместить узкие рамки концепта «национальная» литература как литература, создаваемая только на языках народов той или иной страны¹. В Отделе было много молодых ученых, всесторонне подходивших к изучению новых восточных литератур, защищались кандидатские и докторские диссертации – многие из них составили основной корпус современного отечественного востоковедного литературоведения.

В этой, по сути, научной школе, взрастились первые всходы новой зарубежной ориенталистики, обротившейся к изучению **современности**, наряду с традиционным кругом «классических» тем. Сейчас в Сирии, Ливане, Ливии, Палестине, Йемене, Египте, Ираке, Вьетнаме, Индии работают специалисты, «воспитанные» в Отделе литератур ИВ РАН. Я не говорю об ученых-филологах в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и других республиках бывшего СССР, изучающих проблемы современной эпохи. Круг ориентальных студий давно расширился – всё это сказалось на интенсивности и оригинальности научных поисков, несмотря на былое и порой рьяное сопротивление некоторых арабистов и особенно туркологов.

Наши труды по франкоязычным литературам Магриба, сейчас уже высоко оцененные во Франции, Португалии, Италии, Англии, Канаде, на арабском Востоке, кому-то казались «чужеродными» традиционной арабистике, «неперспективными», как до сих пор кто-то продолжает считать англоязычные

¹ Учитывался плодотворный опыт русскоязычного творчества абхазских, армянских, казахских, киргизских, татарских, башкирских и мн. др. писателей СССР.

литературы Индии не вполне «индийскими» (так было поначалу с отечественной литературоведной африканистикой). Истинная же наука всегда внимательно и бережно относилась к появлению нового научного взгляда на факты художественного процесса современности, а потому сегодня мы можем гордиться не только обилием отечественных исследований **новых** литератур Востока, но и весомостью их вклада в мировую африканистику и ориенталистику.

С нашим взглядом на мировой литературный процесс сегодня не просто считаются – его изучают и с ним знакомят на международных конференциях и симпозиумах, в научных изданиях, предваряемых статьями известных западных ученых. Как пример назову изданный в Париже в 1997 г. совместный труд «Русский взгляд на мировую литературную франкофонию» (авторы – И.Д.Никифорова, Н.Д.Лиховская, С.В.Прожогина, под общей редакцией Р.Жуаньи – профессора Сорбонны). В Отделе литератур ИВ РАН изучались такие оригинальные явления, как итальяноязычие поэзии Ливии и Туниса (Ф.Ассадулин), не говоря о традиционных исследованиях магрибинской литературы. У истоков этого труда – настойчивость, авторитет и неизменная доброжелательность акад. Е.П.Челышева, пропагандиста достижений отечественной культуры и науки.

Таким образом, оглянувшись на прошлое (уж не в нём «зрело» мнение, что нужно писать для арабов только по-арабски) и отдав должное условиям, созданным для результативной работы, обобщу итоги изучения новых литератур «своего» региона и остановлюсь на аспектах, характеризующих «африканские плоды» франкоязычия в мировой литературе XX в.

Уже с середины 50-х гг. было очевидно, что мощное вливание современных имен и произведений африканских писателей в один только франкоязычный ареал мировой словесности – не случайное и не краткосрочное явление. Поразившая новизной тем и проблем, свежестью взгляда на давно, казалось бы, забытые литературой Европы вопросы, абсолютной специфичностью (хотя и в знакомом по колониальной литературе этно- и географическом антураже) сюжетной канвы, особостью преподнесения исторического прошлого, национальной реальности, африканская франкоязычная литература явила свидетельство усвоения и одновременно своеобразного преломления опыта мировой художественной культуры, став естественным феноменом эпохи колониализма.

С отдельными «всплесками» и яркими «вспышками» негро-африканской и арабо-берберской литературы на французском языке Европа была знакома уже в 1920-е гг. (романы сенегальца Б.Диалло «Сила – доброта», бенинца Ф.Кушоро «Раб») и в 30-е гг. (певцы «негритюда», среди которых – сенегалец Л.С.Сенгор, поэзия алжирского кабила Ж.Амруша, роман алжирца Улд Шейха «Мирием среди пальм» и др.). Произведения, созданные ими и тогда еще немногочисленными их соотечественниками, стали примерами объективного выхода африканских «эволюэ» за рамки европейской культуры, которой они сами блестяще овладели, получив в колониальную эпоху образование во французских школах у себя в стране и даже в ВУЗах метрополии.

Своеобразие африканских произведений было заметно по идеологической тенденциозности, нацеленности на сугубо **локальный** контекст, обращению к местным традициям, стремлению показать африканскую «почву» как эстетически значимый, полноценный объект творчества. Примеры только Сенгора и Амруша как двух первых «вершин» Тропической и Северной Африки – ранние, но очень четкие индикаторы всей будущей франкоязычной литературы Африки, имеющей сегодня собственные, внутренние границы, несмотря на единство языка, обусловленные не только географической разделенностью, но и разностью историко-культурного бытия.

Франкоязычная литература в Северной Африке (Алжир, Марокко, Тунис), столь же бурно проявившая себя после Второй мировой войны, как и в Тропической (Мали, Конго, Заир, Сенегал, Бенин, Камерун, Кот-д'Ивуар, Гвинея), когда началось национально-освободительное движение за независимость от общей метрополии, рождалась в ином культурном контексте – в Магрибе арабская художественная традиция, развитая арабоязычная письменная словесность имели глубокие корни, хотя и «приглушенные» колониальной эпохой. В большинстве же стран Тропической Африки письменной литературы на местных языках либо не было в доколониальную эпоху, либо она была в зачатке. Поэтому *маллийцы* Ф.Сиссоко, И.М.Уан, С.Бадиан, И.Б.Траоре, М.Голого, Й.Диаките, С.Дембеле, С.Диарр, П.У.Кунта, Я.Уологем и др., *сенегальские* прозаики и поэты У.Сосе, Ш.А.Кан, Д.Диоп, Л.С.Сенгор, Б.Диалло, С.Усман или драматурги *Кот-д'Ивуара* К.Гадо, Э.Дервен, Ш.Нокан, З.Зауру, их соотечественники-романисты А.Лоба, А.Курума, М.Коне, *бенинцы* Ф.Кушоро, П.Хазуме, О.Бели Кенуму, Ж.Плийя, *камерунцы* Ф.Ойно, Б.Матипу, М.Бети, *конголезцы* Ж.Малонге, Г.Менге, А.Лопес, Чикайе

У'Тамси, *заирцы* Д.Мутомбо, Д.Р.Боламбе, П.Нганду, *гвинеец* К.Лей и др. (эти – наиболее репрезентативные в своих странах) не только определили облик национальных литератур Африки, возникших как явление новейшего времени и развивавшихся в русле мирового литературного процесса, но и фактически создали *корпус письменной национальной словесности*, начавшей свой отсчет в XX в. и за несколько десятилетий прошедшей этапы художественной эволюции.

Произведения же франкоязычных североафриканцев – *алжирцев* М.Ферауна, К.Ясина, М.Хаддада, М.Маммери, М.Диба, *марокканцев* А.Сефриуйи, Д.Шрайби, М.А.Лахбаби, *тунисцев* А.Мемми, С.Гармади, Ф.Меллаха, а потом и других выдающихся писателей 1960-х – 2000-х гг. явили **новый тип** магрибинской литературы (в предколониальное время развивавшейся преимущественно по средневековому типу), возникшей в арабском мире, но на европейском языке, что было феноменом экстраординарным, хотя и закономерным.

Феноменом, осложненным тем, что, в отличие от Тропической Африки, в странах Северной после обретения независимости, уже в 70-е гг., начала проводиться настойчивая политика «арабизации» культуры, что сказалось на кризисном самосознании франкоязычной литературы Магриба как литературы национальной (острее всего проявившемся в творчестве выдающегося алжирца М.Хаддада, отказавшегося писать по-французски сразу после окончания Алжирской войны...).

Интегрирующая функция французского языка в эпоху колониализма в странах Северной Африки ослабляется в постколониальный период, когда проявляются крайности политических тенденций т.н. «искоренения неоколониального присутствия» в культуре независимых арабских стран, с вытеснением языка бывшей метрополии из системы образования. В странах же Тропической Африки, несмотря на развитие местных языков и литературы на них, франкоязычная словесность не ущемляется, как и пресса, театр и европейское школьное образование. Творчество пишущих по-французски африканцев продолжает эволюцию в 1960–1990-е гг. и вплоть до наших дней (см. исследования европоязычия Африки Н.Никифоровой, Е.Рязовой, В.Вавилова, С.Картузова, Н.Ляховской, М.Громова, Н.Фроловой, Н.Ильиной и др.).

В магрибинском ареале франкоязычная литература интенсивнее всего развивается в североафриканской эмигрантской диаспоре на Западе, живущей там не в первом поколении. Эта литература отмечена острым чувством «изгнанничества» и культурной маргинальности, но при этом её эстетический уровень выше и по количеству её больше, чем новой арабоязычной литературы, сформировавшейся в Магрибе в основном к концу 70-х гг. и по некоторым признакам близкой к «массовой культуре».

Не буду приводить длинный перечень выдающихся имен франко-, португало-, испано-, англоязычной литературы Африки, Азии и Латинской Америки. Использование ими европейских языков позволяет ввести национальные литературы в мировую литературную традицию (африканский франкоязычный ареал расширяет литературную франкофонию Франции и других стран, где существует литература на французском языке). Есть страны, где европоязычная литература мало изучена арабистами, например Египет, в котором франкоязычие было распространено со времен наполеоновского нашествия. Зато исследователи Ливана, Ливии, Сирии, Индии и Вьетнама пристально изучали пласты европоязычных литератур. Можно познакомиться с трудами и аналитикой на русском языке (Э.Ализаде, М.Николаевой, А.Соколова, Н.Гаврюшиной, Е.Калинниковой и др.) и с многочисленными переводами на русский язык наиболее значительных литературных произведений авторов из Тропической и Северной Африки.

Обширная библиография западных исследований афро-азиатского европоязычия приводится в работах отечественных ученых и авторефератах диссертаций на эту тему. «Конкретика» этих процессов, значимых для диалога цивилизаций и развития национальных культур, здесь не рассматривается – просто еще раз подчеркну нелепость утверждений, высказанных именно на филологической секции арабистической конференции ИВ РАН, где в целесообразности изучения европоязычия, в частности, в арабском регионе многие десятилетия никто не сомневался.